

Е Г И Ш Е

Ե Ղ Ի Շ Է

**ՎԱՍՆ ՎԱՐԴԱՆԱՅ
ԵՒ
ՀԱՅՈՑ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻՆ**

**Ռուսաստանի հայերի Միություն
ՄՈՍԿՎԱ 2012**

Е Г И Ш Е
О ВАРДАНЕ
И
ВОЙНЕ АРМЯНСКОЙ

Союз армян России
МОСКВА 2012

УДК 94(395.5)
ББК 63.3(5Арм)3
Е29

Егише

О Вардане и войне армянской / Егише; [пер. с древнеарм. яз. И.А. Орбели; предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна; Общероссийская обществ. орг. Союз армян России]. — М.: Союз армян России, 2012. — 240 с. — Парал. тит. л. арм. — ISBN 978-5-905593-05-5.

И. Орбели, Иосиф Абгарович, пер.

Труд выдающегося историка и мыслителя V в. Егише «О Вардане и войне армянской» принадлежит к числу ценнейших памятников древнеармянской историографии и художественной литературы. Он посвящен народно-освободительной борьбе армян против персидского владычества. Как очевидец описываемых событий и сподвижник Вардана Мамиконяна, главнокомандующего армянскими войсками, Егише подробно описывает героическую Аварайрскую битву 451 года, спасшую Армению и все Закавказье от персидской агрессии. Важное значение имеет труд Егише и для изучения идеологии маздеизма, которую Сасаниды насильственно распространяли в Закавказье, принуждая армян отказаться от христианства.

Перевод в основном выполнен известным востоковедом и арменоведом Иосифом Абгаровичем Орбели. Недостающие части восполнены К. Н. Юзбашяном.

УДК 94(395.5)
ББК 63.3(5Арм)3

ISBN 978-5-905593-05-5

© 2012 «НТОР»,

Оформление, издание на русском языке

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди многочисленных и разнообразных памятников армянской средневековой литературы сочинение Егише занимает особое место. Идея борьбы против иноземных поработителей и утверждения национальной независимости нашла в этом труде свое высшее выражение. В течение полутора тысяч лет образы Егише олицетворяли для армян чувства беспредельной любви и преданности родному народу, с одной стороны, омерзительность отступничества и предательства — с другой. Представления об эпохе восстания 451 года и его перипетиях складывались в полном соответствии с изложением Егише.

В сочинении «О Вардане и войне армянской» слились воедино исторический труд и художественное произведение. Егише вдумчивый историк, его труду свойственна достоверность, но он и художник, мастерски использующий стилистические возможности древнеармянского литературного языка — грабара. Труд «О Вардане и войне армянской» — один из наиболее значительных памятников армянской литературы, классический труд в полном смысле этого слова.

* * *

В конце III века н. э. в Армении вновь утвердилось династия Аршакидов. На какое-то время армяне обрели возможность противостоять попыткам

Ирана и Римской империи подчинить страну своему господству. В этот период оформляется социальная структура, которая с известными модификациями будет держаться в течение нескольких столетий.

Во главе государства находился царь из рода Аршакидов, крупные землевладельцы *нахарары*, средние и мелкие — *азаты*. Право собственности на землю сочеталось у *нахараров* с политической властью в своем уделе. *Нахарары* цепко держались за свои права, носившие наследственный характер; всякая попытка их нарушения вызывала бурное противодействие. *Нахарары* занимали определенные государственные или придворные должности, все виды служб — от верховного военачальника до царского виночерпия — также были наследственными, они жаловались определенной *нахарарской* фамилии и передавались из поколения в поколение. В своих уделах *нахарары* становятся полновластными царьками, стремление к сепаратизму и междоусобицы являются характерной чертой *нахарарского* строя.

Азаты составляли основу конного войска, как и *нахарары*, они пользовались в той или иной степени свободой от налогового обложения.

На низших ступенях общественной лестницы находились крестьяне и ремесленники, в сельском хозяйстве и ремесле применялся в известных пределах труд рабов. Крестьяне делились на *шинаканов* и *рамиков*. В настоящее время намечается тенденция усматривать в первых государственных крестьян, во вторых — зависимых от *нахарарских* фамилий. Подвергаясь эксплуатации со стороны государства и *нахараров*, *шинаканы* сохранили все же определенные гражданские права, они могли в известных случаях участвовать в общегосударственных собраниях (жогов). По некоторым намекам можно судить о наличии в раннесредневековой Армении

общинной организации. Рабский труд в Армении все более и более уступал место феодальному способу эксплуатации.

Большую роль в социально-экономической жизни Армении играли города. Возникшие в эллинистический период, они сохранили целый ряд специфических черт до IV века, когда большинство из них было разрушено в результате походов персидского даря Шапуха II. Города были центрами ремесла и торговли, одновременно и административными центрами, и составляли важную сферу царской власти в Армении.

Значительную силу в армянском государстве являла христианская церковь. В качестве государственной религии христианство в Армении утвердилось в начале IV века, хотя христианская проповедь велась и раньше. С утверждением новой религии богатства языческих храмов перешли христианской церкви, создав тем самым предпосылки не только политического, но и экономического могущества. Церковь в точности копировала *нахарарскую* иерархическую структуру. Христианская церковь в Армении господствовала не только во всех областях духовной жизни, но и в политической сфере — ей были вверены судебные функции. Церковь пользовалась большими экономическими привилегиями и зорко их охраняла. Нарушение этих привилегий приводило к острым конфликтам, причем светская власть далеко не во всех случаях выходила победительницей.

Расположенная между Ираном и Восточной Римской империей, Армения находилась под постоянной угрозой утраты своей политической независимости. Со второй половины IV века Сасанидское государство активизирует свою политику на северо-западе, Шапух II стремится тем или иным путем

приобщить Армению к своим владениям. Вопрос о разделе Армении впервые ставится в 375—376 годах, а через какой-то десяток лет, в 387 году, между Ираном и Восточной Римской империей состоялось соглашение, по которому восточная, большая часть, Армении, становилась зависимой от Ирана, западная — от империи. На Западе Армении царская власть через несколько лет была упразднена, на Востоке же удержалась до 428 года, когда активное недовольство *нахараров* заставило последнего Аршакида — Арташеса покинуть трон. Армения была превращена в *марзпанство*, отдельную область сасанидского Ирана, во главе с *наместником-марзпаном*.

Сам факт упразднения царской власти мало повлиял на внутреннюю жизнь страны. Как и прежде, *нахарары* пользовались своими владельческими правами, продолжали отправлять государственные должности. Вновь был призван к управлению Армянской церковью католикос Саһак. В 432 году *спарапетом* Армении стал его внук Вардан Мамиконян, *һазарапетом* (в ведении которого находилась экономика страны, в частности взимание налогов) — Ваһан Амадуни. В 443 году *марзпаном* был назначен один из крупнейших *нахараров* Васак Сюни, бывший до этого *марзпаном* Восточной Грузии — Картли. После отстранения Арташеса, по образному выражению Егише, «царствование выпало [на долю] *нахараров* Армении, ибо, хотя подати поступали в [казну] персидского двора, конница армянская была ведома в бою всецело *нахарарами*». Царская власть в Армении в той форме, в какой она поддерживалась династией Аршакидов, была пережитком эллинистической государственности, правление Аршакидов переставало соответствовать условиям, порождаемым развитием

феодализма. Поэтому *нахарары* добивались устранения Аршакидов и с превращением Армении в *марзпанство* поначалу, казалось, только выиграли. Лояльную позицию по отношению к сасанидскому двору заняла и Церковь, интересы которой в первые годы *марзпанства*, по-видимому, не страдали. Положение народных масс было тяжелым, но при Аршакидах оно было не лучше.

Однако уже в первые годы правления сасанидского царя Ездегерда II (438—457) положение изменилось. Прежде всего, резко возросло податное бремя. Была произведена всеобщая перепись населения, учтены все податные объекты. Не только крестьянство — *шинаканы* и *рамики*, но и духовенство обязывалось выплачивать налоги, при этом население должно было платить как за обрабатываемые земли, так и пустующие. Вот как описывает обстановку накануне восстания Егише: «Но кто же может хотя бы рассказать о тяжести *мута* и *сака*, *бажа* и *хаса*¹, с гор и полей и лесов?! Они это взи-мали не так, как подобает царскому достоинству, а по-грабительски отбирая, так что даже они сами удивлялись: «Откуда выходят все эти казенные поступления, как это еще стоит не разрушенной страна армян». Эти меры, естественно, в первую очередь затрагивали крестьянство — основной производительный класс — и тем самым задевали интересы *нахарарства*, поскольку определенная доля прибавочного продукта отныне поступала не местным владельцам, а шла в персидскую казну. В те же годы начали ущемляться и политические интересы *нахараров*. Основные контингенты *нахарарского* конного войска были направлены в Среднюю Азию, где участвовали в изнурительной войне против эфталитов², в то время как по условиям раздела 387 года большая часть войска должна была оставаться на

родине. В самой же Армении важнейшие государственные должности стали замещаться персидскими чиновниками.

Интересы духовенства как в политической, так и в экономической сфере оказались также ущемлены, Церковь до поры до времени продолжала сохранять лояльность. Но персидский двор вынашивал планы полной ассимиляции армян, и это нашло отражение в решительных попытках насадить в Армении зороастризм. Нельзя сказать, чтобы христианство успело пустить глубокие корни в гущу народа, полностью вытеснило прежние верования. В культуре сохранялось множество языческих черт. Сама христианская доктрина не была единой, еретические идеи захватили в V веке и Армению. Но христианство было своего рода знаменем, оно символизировало также и национальную принадлежность. Христианская религия в средневековой Армении переплеталась с политической идеей национального единства. Это обстоятельство и побуждало персидский двор предпринимать настойчивые попытки приобщения армян к зороастризму. Но и в Армении понимали, что разногласия лишь в последнюю очередь носят вероисповедный характер, поэтому армяне так ревностно держались за религию; и Егише вряд ли преувеличивает размах охватившего армян религиозного рвения. В этих условиях Церковь проявила величайшую активность, стремясь в полной мере удержать духовную и, в известных пределах, политическую власть над армянским обществом. Нет ничего удивительного в том, что освободительная борьба армянского народа против иранского владычества протекала в форме религиозной войны.

Захватнические устремления сасанидского Ирана были направлены как в сторону Армении, так и Грузии и Албании Кавказской³. Народы этих

стран развивались сходным путем, в одинаковых социально-экономических условиях. Угроза порабощения всколыхнула как армян, так и грузин и албанов. Принадлежность к одной религии при данных обстоятельствах могла лишь способствовать их сплочению. История изобилует примерами объединенной борьбы народов Армении, Грузии и Албании против иноземного владычества.

Дальнейшие события достаточно подробно освещены как у Егише, так и у Лазара Парпеци, автора «Истории Армении», посвященной событиям с 387 по 485 год; вторая книга его труда посвящена восстанию 450—451 годов и в общем согласуется с изложением Егише, хотя Лазар, по-видимому, не зависит от своего литературного предшественника, а если зависит, то в очень малой степени.

Поначалу в Армению было направлено послание великого *хазарпета* Ирана Мийрнерсеһа, в котором предлагалось армянам отказаться от христианства и принять зороастризм. В 449 году в древней столице Армении городе Арташате был созван собор, на котором присутствовало высшее духовенство и знать. В ответном послании, принятом на соборе, армяне решительно отказались признать чуждую им веру. Сходным образом реагировали на предложения о вероотступничестве грузины и албаны. Тогда к сасанидскому двору вызвали представителей наиболее знатных феодальных семей. Из Армении в Ктесифон направилось 10 человек, среди них *марзпан* Васак Сюни и *спарпет* Вардан Мамиконеан. Грузин представлял *бдешх* (правитель пограничной области) Аршуша. Всем им было предложено отречься от христианства, и они вынуждены были пойти на это, преследуя различные, но во всех случаях далеко идущие цели. *Марзпан* Васак ориентировался на Иран и всеми способами стремился

погасить зреющее возмущение. Вардан Мамиконеан поначалу думал найти себе и своим домочадцам убежище в Восточной Римской империи. Но движение уже началось, и *нахарарам* волей-неволей пришлось сообразовывать с ним свои действия⁴.

Прибывшие с *нахарарами* персидские жрецы-маги предприняли попытки воздвигнуть в Англе храм огня, но были побиты возмущенным народом. Восстание фактически началось. Васак Сюни созвал представителей знати, направил Вардану Мамиконеану письмо, в котором настоятельно требовал вернуться. Вардан возвратился с полпути и до самой своей смерти на поле битвы оставался верен повстанческому движению. Васак Сюни же не переставал колебаться, безнадежно пытаясь изыскать средний путь — не ссориться с руководителями движения и сохранить верность сасанидскому двору, назначившему его наместником в Армении. В Англе сосредоточилось руководство восстанием, здесь формировались отряды, в которые широкой волной вливались *шинаканы* и *рамики*. Антииранское движение захватило и Грузию и Албанию. В дальнейшем армяне могли рассчитывать на союз только с грузинами и албанами. Попытки заручиться помощью Восточной Римской империи кончились неудачей — Константинополь не желал, да и не мог оказать армянам действенной поддержки, Византия находилась под постоянной угрозой нашествия гуннов. Персидские гарнизоны в Армении были перебиты, в Иране поняли, что движение приобрело всеобщий характер. Через Албанию в Армению двинулось персидское войско под командованием *марзпана* Себухта Нихоракана. Вардан Мамиконеан разделил свою армию на три части и во главе одной из них выступил навстречу Себухту. Битва произошла близ города Халхала, резиденции албанских царей,

персы были наголову разбиты. После этого армянские, грузинские и албанские отряды направились к Дар-и-Алану (Дарьяльскому ущелью) и уничтожили персидские гарнизоны, которые постоянно содержались там. Но результаты успешно начатых военных действий были сведены на нет, поскольку Васак Сюни, остававшийся правителем Айрарата и Сюника — основных районов Армении, открыто перешел на сторону врага. Он увлек за собой ряд *нахараров* из наиболее знатных фамилий, некоторые же вообще отказались от участия в движении и удалились в свои уделы. Когда Вардан вернулся в Айрарат, то нашел там совершенно разоренные крепости и деревни. Армянские войска ушли на зимние квартиры, готовясь возобновить военные действия весной.

Зимой 450—451 годов в Арташате произошло событие, которое должно было пресечь начавшийся среди *нахараров* разброд и укрепить в сознании армянского общества идею единства движения. Было создано правительство во главе с Варданом Мамиконеаном. Вардан был избран «танутером», оставаясь одновременно верховным военачальником, *спарапетом* Армении. По существу это была попытка восстановления упраздненной Ираном царской власти, показавшая, что монархическое правление как таковое не претило *нахарарам*, и они участвовали в свержении Арташеса потому лишь, что аршакидское правление (а не вообще царская власть) не соответствовало сложившемуся в IV—V веках *нахарарскому* строю. Были восстановлены важнейшие государственные должности, замещенные участниками повстанческого движения⁵.

Освободительная война армян внушала сасанидскому двору все большую и большую тревогу. Ездегерд II опубликовал указ, в котором обещал

прощение и конфессиональную терпимость. Указ этот, изданный по настоянию Васака Сюни, способствовал тому, что еще одна группа *нахараров* перешла на сторону Васака. Васак Сюни развернул интенсивную деятельность, стремясь изолировать Вардана и его сподвижников, и не без успеха. Отпал ряд окраинных областей, отошли от движения грузины и албаны. Невзирая на все это, Вардан решительно готовился к военным действиям и весной направился на юг, надеясь встретиться с персами на границе. Но он опоздал, противники сошлись на территории Армении, близ деревни Аварайр, где их разделяла река Тлмут. Битва произошла 26 мая 451 года, обе стороны бились с ожесточением. Вардан Мамиконян пал на поле боя, но результаты сражения были неопределенные. Как пишет Егише, «не было стороны, которая победила, и стороны, которая понесла поражение: доблестные выступили против доблестных и потерпели поражение обе стороны». После Аварайрского сражения начался массовый уход армян в горы, где они продолжали вести партизанскую войну с персидскими карательными отрядами. Война приняла затяжной характер, обе стороны несли большой урон. Но положение Ирана усугублялось неудачами войны в Средней Азии против кочевников. Ездегерд II вынужден был пойти на уступки. *Марзпаном* Армении стал Атрормизд Аршакан, принадлежавший к царственному роду персидских Аршакидов. От имени Ездегерда он стал рассылать грамоты с призывом к населению вернуться, обещая полную веротерпимость, снятие недоимок за весь период войны и послабление при наборе конницы. Но руководители движения, варданиты, как их стали называть впоследствии, должны были предстать перед царским судом. 13 *нахараров* и 8 иереев, среди них Васак Сюни, были вызваны в

Ктесифон. Васак, роль которого в восстании с самого начала была двойственной, кончил плачевно. Он лишился всех своих богатств и, брошенный в темницу, через несколько лет умер. *Нахарары* и иереи были сосланы за Каспий. Духовные лица были вскоре казнены, *нахарары* вернулись на родину лишь после воцарения Пероза в 457 году.

Восстание 450—451 годов и Аварайрская битва предопределили ход истории Армении на несколько десятилетий, подготовили условия для победоносного выступления против персидского владычества в 481—484 годах, когда это могучее восстание возглавил другой Мамиконян — Ваган. В формировании же национальных представлений армянского народа о своем историческом прошлом Аварайрская битва и предшествовавшие ей события сыграли огромную роль. На протяжении столетий «война варданитов» воспринималась как центральное событие национальной истории. Естественно, что посвященное перипетиям этого восстания сочинение Егише заняло особое место среди памятников армянской литературы.

* * *

Насыщенный бурными событиями V век в армянской действительности — время великого культурного движения. Издавна соприкасаясь с иранским и греко-римским миром, армяне имели возможность обильно черпать из культурных сокровищниц соседних народов, одновременно создавая свою собственную, самобытную культуру. Уже в эллинистический период армянская цивилизация достигла высокой степени развития, созидательный процесс не замер и впоследствии. Но при всех

своих достижениях в области культуры Армения была лишена главной предпосылки разносторонней духовной жизни — у армян не было письменности на родном языке, и они пользовались арамейской письменностью, ее среднеперсидским вариантом, сирийской и греческой. Персидский, греческий и сирийский языки были распространены в обиходе, но в связи с насаждением христианства потребность в своей письменности ощущалась все с большей остротой. Богослужебная греко-сирийская литература была далеко не достаточна для пропаганды нового учения. Это понимали наиболее дальновидные представители духовенства. В начале V века ученый и политический деятель Месроп Маштоц создал армянский алфавит и начал переводить Библию. Армянская версия Библии явилась, таким образом, первым памятником национальной литературы.

Созданная для удовлетворения в первую очередь нужд Церкви, армянская письменность получила распространение во всех областях жизни. Открытие Маштоца сыграло несравненно большую роль, нежели можно было предполагать, учитывая субъективные цели, стоящие перед создателем алфавита. Письменная культура становилась подлинным боевым оружием в борьбе за национальную независимость, важнейшее место в ней занимала историография, в которой находило отражение не только прошлое, но и настоящее народа. Бросается в глаза исключительное литературное совершенство уже наиболее ранних литературных памятников. Сказалась, по-видимому, и традиция устного поэтического творчества (прекрасные образцы его сохранились в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци), и распространенность в Армении иноязычных литератур. Этому же способствовал совершенный алфавит, в полной мере отразивший фонетическое

богатство армянского языка. Труд «О Вардане и войне армянской» вобрал в себя все эти качества.

Сведений о Егише почти не сохранилось. Напечатанная в серии «Սոփոքը Հայրազանիք», XI (Венеция, 1854 г.) биография Егише носит легендарный характер, в ней трудно выделить реальное зерно. Егише был *вардапетом* — этот титул присваивался духовным лицам за ученые заслуги. Он, безусловно, принимал участие в восстании, был очевидцем многих из описываемых им событий, о чем с полным основанием говорит в своем труде. Волна гиперкритицизма, охватившая филологическую науку в конце XIX и начале XX веков, коснулась и Егише (целый ряд крупных ученых считал труд «О Вардане и войне армянской» произведением, написанным много позднее V века). В настоящее время можно считать доказанным, что в этом памятнике нет черт, которые указывали бы на его позднее происхождение. «О Вардане и войне армянской» написано после 458 года, заключительная часть не раньше 464, то есть под впечатлением совсем еще недавно пережитых событий.

Егише — верный сын Церкви, и все происходящее он воспринимает, в первую очередь, соответственно своей конфессиональной принадлежности. Восстание, всколыхнувшее весь армянский народ, он описывает как войну за христианскую веру, за торжество христианства над зороастризмом. Он со всей отчетливостью видит политические мотивы движения, но все они окрашены в его изложении в религиозные цвета, и дело здесь не только в богословском характере средневекового мышления, но и в том, что христианство в этот период было политическим знаменем борьбы против иранского владычества. Сторонники персидской ориентации предают, по мнению Егише, религию, в которой

они были вскормлены. Автор с явной неохотой, скороговоркой повествует о временном отступничестве *нахараров* в ставке Ездегерда и посвящает целые страницы их преданности христианской церкви. Наивно было бы ожидать иного отношения к действительности у автора, рассказывающего о 450—451 годах.

Но и при таком обобщенном взгляде на действительность нетрудно выделить известные политические симпатии Егише, его преданность интересам Мамиконянов — наследственных *спарпетов* Армении. До конца VIII века этот род будет принимать живейшее участие во всех крупных событиях армянской истории, целый ряд историографов прославит подвиги Мамиконянов. Егише стоит у истоков этой историографии.

Социальные мотивы в сочинении нашего автора проявляются в крайне опосредствованной форме. Он не раз отмечает участие народа в движении, но основное внимание сосредотачивает на роли духовенства — католикоса *Иовсепа* и его окружения — и *нахараров*. Им противопоставлены персидские маги, персидский двор и военачальники и, конечно, представители армянской знати, выступающие вкупе с ними.

Какому жанру принадлежит сочинение Егише? Однозначный ответ дать невозможно. Прежде всего, это полемическое произведение, направленное против зороастризма — религии, в которую насильственно пытаются обратить армян, против ее служителей — магов, против Ездегерда и его окружения, наконец, против отступников из армян, против *Васака Сюни*. Егише с жаром обличает злодеяния, исходящие от персов, стремясь воздействовать не столько на разум, сколько на чувства читателей.

Вместе с тем труд этот является панегириком героям войны армянской, панегириком их преданности Церкви (многие из них были впоследствии приобщены к лику святых) и их ратным подвигам. Здесь эмоциональная насыщенность в изложении достигает своего предела. Егише — проповедник, дидактичность свойственна его сочинению в целом, и многие его высказывания становятся афоризмами. Он наставляет своих читателей, настойчиво приобщает их к собственному мироощущению, никогда ни в чем не оставаясь беспристрастным. Возволнованность этого произведения полуторатысячелетней давности в полной мере передается и современному читателю. Стремясь воздействовать на чувства, Егише нередко гиперболизирует образ, наделяет свои персонажи фантастическими чертами, охотно вносит в повествование элемент чудесного. В этом же сочинении попадаются живые диалоги, реальные описания того, что автор мог видеть в окружавшей его действительности, элегические отрывки, такие, как известный пассаж «Жены нежные страны армянской...». Плавный и певучий язык, образность стиля — все это в совокупности служит целям Егише-проповедника.

Но Егише также и историк, историк в современном понимании этого слова. Увлеченные красотой этого произведения, филологи нередко отказывались видеть в Егише историографа, не замечали, что сочинению его свойственна логическая последовательность в изображении событий, умение выявить реальные причины того или иного деяния. В то время как причины восстания 450—451 годов. Лазар Парпеци усматривал в интриге, сплетенной зятем Васака Сюни — Вадином, Егише отчетливо показывает совокупность явлений, приведших к народ-

ному движению. Если взглянуть на сочинение Егише глазами современной ему эпохи, нетрудно заметить, что оно наделено лучшими достоинствами армянской средневековой историографии.

В нашу задачу не входит подробный литературоведческий анализ сочинения, которому посвящено большое количество специальных трудов⁶. Читатель, не владеющий армянским языком, может обратиться к труду классика армянской филологии М. Х. Абегяна⁷ или к цитированному выше очерку В. С. Налбандяна⁸, в котором учтена и старая и новая литература. Остановимся лишь на некоторых изданиях этого сочинения и на публикуемом переводе И. А. Орбели.

Труд Егише дошел до нас в многочисленных рукописях, свидетельствующих о его популярности в Средние века. Наиболее древняя рукопись датируется 1174 годом, стало быть, она была переписана через семь столетий после создания самого труда, прочие же относятся к XIII—XVIII векам. Естественно, что в каждой из рукописей имеется определенное количество ошибок, одни из которых принадлежали предшествующим спискам, другие допускались писцами данного рукописного варианта. Устранение этих ошибок — первоочередная задача издателя, и многое в этом направлении было сделано в конце прошлого и в начале текущего столетия. Труд Егише в оригинале издавался многократно — в Константинополе, Петербурге, Калькутте, Венеции, Москве, Феодосии, Иерусалиме, Смирне, Тифлисе, Новой Нахичевани и, наконец, в Ереване. Последнее издание, явившееся результатом многолетних трудов известного филолога Е. Г. Тер-Минасяна, учитывает данные всех доступных рукописей и публикаций. Как это принято, автор издает не только связный

текст Егише в том виде, какой он считает наиболее близким подлиннику, но и приводит разночтения, встречающиеся в рукописях и предшествующих изданиях. Ереванское издание наделено высокими достоинствами. Издание Е. Г. Тер-Минасяна исключает необходимость обращаться к самим рукописям.

Анализ текста во всех его разночтениях показывает, что сочинение дошло до нас в удовлетворительном состоянии, без заметных следов чьей бы то ни было правки. Редкие несообразности проистекают от самого автора, а не последующего редактора. Если текст, которым мы располагаем, не вполне адекватен вышедшему из-под пера Егише, то разницу эту не следует преувеличивать.

Егише, один из самых популярных авторов, известен в многочисленных переводах на русский, английский, итальянский, французский, на современный армянский языки. Лучший из изданных переводов принадлежит Е. Г. Тер-Минасяну. Перевод был опубликован в 1946 году, с обширной вступительной статьей и подробным историко-филологическим комментарием⁹. Переиздан в 1958 году с учетом данных рукописей, не доступных автору ранее. Перевод Е. Г. Тер-Минасяна отличается высокой степенью точности, хотя иной раз в переводе он употребляет слова подлинника, которые в новоармянском языке получили иное осмысление.

Первый из опубликованных русских переводов Егише был выполнен Петром Шаншиевым (Шаншином) и издан в Тифлисе в 1853 году¹⁰. В основу перевода положено венецианское издание Егише 1838 года. Не лишенный литературных достоинств перевод П. Шаншиева часто далек от подлинника. Примеры подобрать нетрудно:

П. Шаншиев

Причины неприятных происшествий в царстве восточном (стр. 23).

Когда человек лишен добродетелей небесных, тело его самым плачевным образом чувствует это лишение (там же).

*Дословный перевод
подлинника*

События, проистекающие от (действий) восточного правителя.

Телесная природа тех, чьи души лишены небесной добродетели, весьма подвержена тревоге.

Искажение подлинного текста носит иногда умышленный характер. Текст подлинника разделен на 11 глав, и П. Шаншиев переводит: «Я разделил труд этот на 11 глав» (стр. 2), хотя в подлиннике говорится о делении на 7 глав.

Переводчик нередко пренебрегает терминологическими тонкостями, модернизирует термины — перевод изобилует такими выражениями, как губернатор, монарх, корпус (воинское соединение), министр, милиция и проч. Собственные имена передаются то в древнеармянской форме — Шапу (собств. Шапуһ), то среднеперсидской — Иездигерд, то русской — Леонтий, то новоармянской — Вартан. Внешнее оформление перевода далеко от совершенства. Указатели отсутствуют. Десяток примечаний мало помогает правильному осмыслению текста, к тому же далеко не всегда содержит проверенные сведения.

Второй перевод Егише увидел свет в 1884 году в Харькове¹¹. Перевод Диллена лучше шаншиевского (хотя в научном обиходе пользуются обычно шаншиевским), но и здесь не обошлось без ошибок. Далекое не всегда Диллен правильно осмысляет терминологию.

Художественные достоинства изложения Егише никак не отражены в переводе Диллена, что, впрочем, оговорено (стр. VIII). Комментарий

устарел. Так, характеризуя *нахараров*, автор пишет: «*Нахарары* — князья. Они играли главную роль в Армении во время Сасанидов и в то же время принимали участие в интригах персидского двора. Персидские цари обращались с ними снисходительно, так что армянские *нахарары* были несравненно свободнее персидских дворян и вельмож. Неограниченное их честолюбие и личные распри мешали им бороться соединенными силами против общего врага. Самому народу было безразлично, кто его угнетал: персидские ли чиновники или армянские *нахарары*. В одном пункте, однако, народ и *нахарары* были единогласны — в преданности христианству». Подобная характеристика должна была оказаться неприемлемой уже на заре текущего столетия. Комментарий Диллена носит случайный характер, указатели отсутствуют. Последняя глава сочинения осталась непереведенной. Издание Э. Диллена в целом так же мало отвечает современным требованиям, как и шаншиевское.

Публикуемый в настоящем издании новый перевод замечательного произведения Егише принадлежит перу выдающегося советского востоковеда академика Иосифа Абгаровича Орбели. Перевод выполнен в 1955—1956 годах, когда И. А. Орбели работал над переложением на русский язык и других армянских авторов — Лазара Парпеци, Товмы Арцруни, hOвhана Мамиконеана и псевдо-Шапуha Багратуни¹². Судя по пометкам, И. А. Орбели просматривал последнюю часть перевода и после выхода в свет ереванского издания Егише. Работа И. А. Орбели сохранилась частью в машинописи, на небольших листах, пронумерованных автором (лл. 1—198), частично в рукописи карандашом (лл. 205—216, 260—276, 281—296). Листы 217—259 и 277—280 при разборе архива не обнаружены;

они, по-видимому, утрачены, хотя сочинение Егише было переведено И. А. Орбели полностью¹³.

Перевод отличается верностью подлиннику и высокими литературными достоинствами — качества, неизменно свойственные Орбели-переводчику. И. А. Орбели не успел закончить работу, перевод нуждался в отделке, во многих случаях И. А. Орбели предлагал несколько вариантов перевода отдельных слов и речений, некоторые места пометил вопросительным знаком. Перед сдачей в печать он, безусловно, собирался отредактировать перевод как в той части, которая сохранилась в машинописи, так и в рукописи, для которой характерна меньшая степень завершенности.

При подготовке текста к изданию участие подготовителя и редактора выразилось в следующем. И. А. Орбели перевел Егише на основе «рукописи Андзевацаец»¹⁴. С выходом в свет издания Е. Тер-Минасяна он собирался сличить перевод с критическим текстом, однако не успел выполнить своего намерения. В настоящем своем виде перевод сличен и приведен в соответствие с изданием Е. Тер-Минасяна, за исключением нескольких мест, когда, по нашему мнению, издатель при восстановлении текста исходил не из лучших чтений; это всякий раз оговорено в примечаниях.

При этом была проявлена максимальная бережность по отношению к стилю и переводческим нормам И. А. Орбели. Что касается заключительной части перевода, то здесь, отгалкиваясь от проделанной И. А. Орбели работы, по существу, нередко приходилось переводить заново. Перевод разделов, соответствующих утраченным страницам рукописи И. А. Орбели, выполнен подготовителем, который написал также вступительную статью и примечания и составил указатели. Примечания (так же, как и вступительная статья) носят справочный характер,

подготовитель старался по возможности не навязывать свои воззрения на текст Егише в работе, принадлежащей перу покойного автора. Таким образом, в этой книге читатель найдет образцовый перевод Егише, выполненный одним из крупнейших арменистов XX века, и тот минимум сведений, который подведет его как к изучению памятников, так и к породившей его эпохе. Необходимо подчеркнуть, что настоящая книга никак не перекрывает той огромной аналитической работы, проделанной арменистами над критическим осмыслением сочинения «О Вардане и войне армянской» и нашла отражение в обширной литературе, посвященной Егише. Надеемся, однако, что в библиографии Егише посмертно издаваемый труд Иосифа Абгаровича Орбели займет одно из почетных мест.

К. Н. ЮЗБАШЯН

В тексте перевода антропонимы, топонимы, этнонимы и т. п. даны в обычной, привычной для читателя приблизительной транслитерации армянских имен в русских текстах. Отклонений от этой приблизительной транслитерации два: выключение русского «х» как заменителя армянского «h» в позициях, где последний обычно просто опускается или передается через «х» или «г» (Саһак вм. Сахак, Саак; hРаздан вм. Храздан; hАйк вм. Хайк, Гайк и т. д.), и передача, армянского «ղ» русским «л», снабженным снизу точкой — «л» (Вадаршак, Мананади, Адиовит и т. д.), что соответствует его историческому звучанию.

Административные и социально-экономические термины включены в глоссарий и выделены в тексте перевода курсивом.

Встречающиеся, в тексте перевода армянские фамилии, в основном представлены в древнеармянской (грабар) форме, учитывая, что окончания «-ян» в новоармянских формах заменили собой древнеармянское окончание «-еан». Например, фамилия Мамиконян (новоарм.) ранее писалась и произносилась как Мамиконеан (древнеарм.).

Издатель

**О ВАРДАНЕ
И ВОЙНЕ АРМЯНСКОЙ**

**[СЛОВО] О ВАРДАНЕ И ВОЙНЕ
АРМЯНСКОЙ, [НАПИСАННОЕ]
ПО ПОРУЧЕНИЮ ИЕРЕЯ ДАВИТА
МАМИКОНЕАНА¹**

Слово, которое ты поручил [написать], о благороднейший, я завершил. Ты повелел [рассказать] об Армянской войне, в которой большинство, а не немногие, отличились доблестью.

Вот я изложил в сих семи главах:

Первая: То время.

Вторая: События, происшедшие от властителя Востока.

Третья: Единодушие церковной общины.

Четвертая: Междоусобие отколовшихся от этой общины.

Пятая: Нашествие обитающих на Востоке.

Шестая: Сопrotивление армян войною.

Седьмая: Затяжность враждебных действий².

В этих семи главах я по порядку и с исчерпывающей полнотой изложил начало, середину и окончание, чтобы ты повседневно читал, внимая доблести добродетельных и негодности отступников, — не для восполнения недостаточности своих обильных земных познаний, но ради посещения небесным Промыслом, который в предвидении своем готовит воздаяние обеим сторонам, который по зримоу предугадывает незримое.

Но ты, о великий в познании Бога, зачем же ты поручаешь, вместо того, чтобы самому принимать поручение по поводу более совершенных [творений]. Как кажется мне и тебе, и тем, кто пребывает в любомудрии, это — признак небесной любви [и отсутствия] земного честолюбия, как сказали некие из славных историков: «Согласие — мать благ, а несогласие — родитель зла».

И мы сами, взирая на святую любовь, [исходящую] от твоего поведения, нисколько не медлили и не убоились, взирая на собственное невежество. Поскольку праводушие есть [уже] нечто значительное, ему положено быть помощником в слабости, как молитве — в познании и святой любви — в [делах] общей пользы.

И мы, получив твое повеление, охотно приступили к сему, что есть утешение для любимых, надежда для надеющихся, ободрение для доблестных, добровольно набрасывающихся на смерть, видя впереди военачальника победы, которого никто не в силах враждебно попрасть, но который показывает всем свою непобедимую мощь. И вот кого он пожелает, того и принимает как добровольного героя. И поскольку понятие этого геройства многозначно, то и он многоликие благодати раздает всем и, что превыше всего мы почитаем, — святую любовь в непритворных мыслях.

Эта искренность подобна вышней. И мы, увидев в тебе это, забыли нашу природу. И вот мы, паря, возносимся с тобой; и когда в парении проникнем сквозь вредные грозовые ветры, то, подышав немного нетленным верхним воздухом, почерпнем знание во спасение нас самих и во славу

Введение

всепобеждающей Церкви. Почему и многие святые служители с радостью будут совершать полагающуюся им службу во славу Отца всех, иже с Ним Святая Троица, ликуя, возрадуется в беспечальной своей сущности.

Итак, поскольку получили мы повеление от тебя, по природе своей не ведающего зависти, — начнем, откуда достойно начинать, хотя и противно нашему желанию оплакивать бедствия нашего народа. И вот, вопреки своей воле, в плаче заливаясь слезами, мы поведаем о многих потрясениях, с которыми мы сами встретились, оказавшись их очевидцем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТО ВРЕМЯ

Итак, после падения рода Аршакуни¹ стал господствовать над страной нашей Армянской род перса Сасана², который осуществлял свою власть по законам *могов* и много раз сражался с теми, кто не следовал этому закону, начиная со времени царя Аршака³, сына Тирана⁴, и сражался до шестого года Арташеса⁵, царя Армении, сына Врамшапуха⁶. А когда и его отрешили от царства, царская власть перешла в руки *нахараров* Армении, ибо, хотя подати поступали в [казну] персидского двора, конница Армянская была ведома в бою всецело *нахарарами*. Вследствие чего в стране Армянской свободно, с вознесенной главой процветало богопочитание — от начала правления Шапуха⁷, царя царей, до второго года Иазкерта⁸, царя царей, сына Врама⁹. В нем дьявол нашел себе приспешника и излил наружу весь накопленный яд и наполнил его, как колчан, отравленными стрелами. И стал он (Иазкерт) неистовствовать в своей нечестивости, исполнился чванства и, буйствуя, посылал бурю на все четыре стороны света, и изображал нас, верующих во Христа, как своих врагов и противников, и, притесняя, устрасал своим мятежным нравом.

Ибо очень любезным были ему вражда и кровопролитие, и вследствие этого он метался в душе: «На кого бы мне излить горечь яда?» или: «Куда бы мне разметать это множество стрел?» И от крайнего безрассудства, как разъяренный зверь, накинувшись на Греческую страну, разгромил все до города Мцбина¹⁰ и многие области Ромеев¹¹ разрушил набегами и все церкви сжег, собрал много добычи и пленных и навел ужас на все войска страны.

А блаженный кесарь Феодосий¹², так как был он миролюбив во Христе, не пожелал встретить его войною, но послал к нему со множеством сокровищ одного мужа, по имени Анатолий¹³, который был его *спаранетом* Востока. И мужей персидских, которые по причине их [принадлежности к] христианству бежали и находились в городе кесаря, схватил и выдал в его (Иазкерта) руки. И все, о чем он когда-то говорил, [Феодосий] выполнил согласно его воле и удержал его от великого гнева. И вернулся он в свой город Тизбон¹⁴.

И когда увидел этот нечестный властитель, что его злое дело удалось, начал присовокуплять [к тому] еще другой замысел, подобно человеку, подбавляющему в пылающий огонь много древесной материи. Ибо там, где он питал некоторые опасения, он утвердился безбоязненно. Вследствие этого поколебал он многих из святой общины христианской, кого — угрожающими словами, кого — оковами и мучениями, а кого и погубил мучительной смертью. Производил он ограбление добра и имущества и с великим поношением мучил всех. И когда увидел, что разбежались и рассеялись

они в разные стороны, созвал он на совещание служителей шуйцы¹⁵, которые были привязаны к идолопоклонству неразрешимыми узами, горя и пылая, как печь, чтобы сжечь общину святой Церкви.

Ибо такие при жизни пребывают словно в густом мраке, и души их заперты в теле, как живой — в могиле, и к ним никогда не проникает луч святого света Христова. Так и смертельно раненные медведи перед последним издыханием дерутся особенно яростно, почему мудрые, уступая, бегут от них. Именно такой конец наступил для этого государства. Если они получают удар — не ощущают, а если сами наносят — не сознают; и когда не оказывается внешнего врага, начинают сражаться и биться меж собой. Приложимы к ним слова пророка: «Муж, мучимый в голоде своим, обратится и поест половину своего тела»¹⁶.

Подобно этому и сам Господь говорит: «Всякий дом и царство, что разделяется внутри себя, не может пребывать твердо»¹⁷.

Так зачем же вопишь, зачем борешься, зачем плаешь, почему не угасает? Зачем зовешь на совет тех, кто души ваши [как траву] с вас сорвал, и вынесено неоскверненное ваше на осквернение, и тленное тело ваше, проволоченное как омерзительная падаль, выкинуто вон?! Действительно, ты желаешь того, чтобы замысел собственного нечестия был прикрыт; но посмотри — когда он откроется, тогда ты познаешь исход его!

Говорят *моги*: «Храбрый царь, боги дали тебе твое господство и победу, но нисколько не нуждаются они в телесном возвеличии, кроме как

чтобы обратил ты к одному закону все народы и племена, которые суть в твоём государстве; тогда и страна Греков, покорившись, подчинится твоим законам. Итак, немедленно последуй ты, о царь, одному нашему суждению: собери войска и составь рать, отправься в сторону Кушанов¹⁸, и все народы собери ты вместе и заставь пройти через ворота Паһ¹⁹ внутрь [страны] и там же устрой свое пребывание. Когда ты остановишь и запрешь всех на далекой чужбине, исполнятся замыслы твоей воли и, каким являешься ты в наших предсказаниях²⁰, — овладеешь и страной Кушанов, и даже Греки не выступят против твоей власти. Но только устрани лжеучение христиан!»

Угодным показался этот совет царю и вельможам, которые были при этом разговоре. Написал он грамоты, отправил гонцов во все места своего государства. И вот образец этого указа:

«Ко всем народам моего государства Ариев и не-Ариев! Да умножатся у вас приветы от нашего человеколюбия, пребывайте в благополучии, мы же сами здравствуем с помощью богов!

Ничуть не причиняя вам беспокойства, мы пошли в страну Греков и без ратного дела, любовно и человеколюбиво покорили всю страну нам в рабство. Исполнитесь добрыми мыслями и пребывайте в неиссякаемой радости, но сие дело, о котором мы говорим, исполните немедленно. Мы задумали непременно направиться в страну Восточную, с помощью богов подчинить нам государство Кушанов; вы, как только увидите сие послание, немедленно отправьте конницу, опережая меня, встретьте меня в стране Апар»²¹.

Такого образца послание получено было в стране Армян, стране Иверов и стране Албанов²², и стране Лбинов²³, и стране Цавдеев²⁴, и стране Кордуев²⁵, и стране Аддзник²⁶, и во многих других отдаленных местностях, которым в прежнее время не было положено следовать по этому пути. Рать составлялась в Великой Армении из азатов и сыновей азатов и остаников из царского удела; по этому же примеру [набирали] из Иверии и Албании и из страны Лбинов, а также из различных краев юга, близ границы Тачкастана²⁷, и страны Ромеев, и из Кордуев и Дасна²⁸, и из Цавде и из Арзнарзюна²⁹, которые все были верующими и крещеными в единой соборной апостольской церкви.

И по невинности не разгадав двуличные мысли царя, двинулись каждый из своей страны, бодро, с господолюбивыми мыслями, чтобы с искренней верой выполнить воинскую службу. Взяли они с собою [книги] Божественного Святого Завета, [отправились] со многими церковнослужителями и священниками. Но распоряжения в [своей] стране дали, в надежде не на жизнь, а на смертный конец, поручая друг другу [свои] тела и души. Ибо хотя замысел царя не был открыт для них, но у всех на уме были подозрения; особенно когда увидели, что сломилась пред ним (царем) мощь Греков, — они были совсем потрясены и поражены в мыслях.

Но так как они привыкли блюсти заповеди святых заветов Божьих, то постоянно помнили заповеданное Павлом: «Слуги, будьте послушны своим господам мирским, не с притворством и лестью, но чистосердечно служите как Богу, а не

как людям, ибо воздаяние за труды ваши — от Господа!»³⁰.

Со всем этим благомыслием отправившись из своей страны и положившись на Святого Духа, они явились к [царю], исполнив его повеление и все сделав согласно его воле. Очень радовался царь тому, что так исполнилась воля мыслей; и вот поступил он с ними так, как посоветовали служители его нечестия.

И когда увидел царь все снаряжение и многочисленность войск варваров, которые с готовностью пришли на службу царю, еще более радостен стал он перед лицом вельмож и всего множества войск своих. Внешне он скрывал волю и замыслы свои и против воли щедро одаривал их. Внезапно двинулся он против государства страны *hОнов*, которых называют Кушанами, но, провоевав с ними два года, нисколько не смог воздействовать на них. Затем отправил воинов по своим краям и призвал к себе других, снаряженных так же. И установил такой обычай, [следуя] ему из года в год. И построил там же город для своего проживания, начав в четвертый год своего правления и до одиннадцатого года своего царствования³¹.

И когда увидел, что верны остались Ромеи своему договору, который они установили с ним, и перестали Хайлндуры выходить через пограничную крепость Чора³², и зажила его страна, окруженная со всех сторон миром, и даже вверх он в утеснение царя *hОнов*, ибо разорил многие его области, и утвердилась власть его [повсюду] — разослал он по всем *атрушанам* своей страны добрых вестников; умножил принесение жертв

огню белыми тельцами и косматыми козлами и очень участил, до непрерывности, служение своей скверне; венками и повязками почтил многих из *могов* и еще более многих *могнетов*. Дал также повеление отбирать имущество и достояние христиан, которые жили в самой стране Персов.

И так возгордился и зазнался в мыслях своих, превыше человеческой природы вознесясь, обнаглел, [и] не только в мирских военных делах, но [даже] воображал себя кем-то более великим, чем [допускает] природа унаследованного от отцов сана. Посему лицемерно укрывал себя от [чужих] сомнений, но, как казалось мудрым, как бы ставил себя в один ряд с бессмертными. И весьма гневался он при одном имени Христа, когда слышал, что, мол, Он был мучим, был распят, умер и был погребен.

И в то время как он постоянно метался [во власти] этих безумных мыслей, один из молодых армянских *нахараров* возразил ему и говорит: «Храбрый царь, откуда ты знаешь [об этом], чтобы такие слова говорить о Господе?!» Ответил царь и говорит: «Да в моем же присутствии читали книгу вашего лжеучения!» Ответил ему тот юноша и говорит: «Почему, царь, ты дал дочитать только до этого места?»

Продолжи чтение и там услышишь о воскресении, явлении пред многими, вознесении на небо, восседании одесную Отца, обетовании второго пришествия с чудесным воскрешением всех, о скором воздаянии праведного суда!» Когда царь услышал это, будучи глубоко уязвлен, громко рассмеялся и говорит: «Все это — вранье!» Ответил воин

Христов и говорит: «Если достоверны для тебя Его земные страдания, да станет для тебя еще более достоверным второе грозное пришествие Его!»

И, слыша это, царь распалился, как огонь в печи вавилонской, до того, что тут же и его [люди] были опалены как Халдейцы. Тогда излил он весь пыл гнева на блаженного мужа, имя которого было Гарегин; со скованными ногами и скованными руками он два года предавал его мучениям и, лишив его княжеской власти, приговорил к смерти.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОБЫТИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ ОТ ВЛАСТИТЕЛЯ ВОСТОКА

У тех, чьи души ослабли [в отношении] небесной добродетели, телесная природа весьма подвержена страху. От каждого дуновения ветра она колеблется, и от всякого слова смущается, и ото всего дрожит. Такой [человек] в жизни своей как бы гадатель по снам, и направляется он при смерти на безвозвратную погибель. Как и сказал кто-то из древних: «Смерть неосознанная есть смерть, смерть осознанная есть бессмертие». Кто не осознает смерть — боится смерти, а кто осознает смерть — не боится ее. И все эти беды проникают в мысли человека от невежества. Слепой лишен лучей солнца, а невежество лишено совершенной жизни. Лучше быть слепым глазами, чем слепым разумом. Как велика душа в сравнении с телом, так зрение умственное больше, чем телесное.

Если кто чрезмерно возрос в мирском величии, а разумом он беднее, такой более достоин жалости, как мы это и видим не только в заурядных людях, но и в наиболее выдающихся. Царь, если он не имеет у себя сопредельной мудрости, не может соответствовать своему уделу. А если это так в мирских [делах], то насколько же больше в духовных?!

Душа есть жизнь всего тела, а мысли — правители и тела и души — как в отношении одного человека, так и в отношении всего мира. Царь платится не только за свои долги, но и за тех, причиной чьей гибели он явился.

Но мы, хотя не имеем дозволения злословить о правителях, не можем быть и восхвалителем того, кто является богоборцем. И я рассказываю о ходе событий, которые свершились от него со святой нашей Церковью, и не помедлю: не с мыслью злословия, а истинно говоря об исходе дел, я не умолкну. Не по рассказам и слухам, удивленный проснувшись, а сам, лично, будучи там на месте, я видел [его] и слышал звук его голоса, когда он нагло говорил; как ужасный ветер, который разит великое море, так он потрясал и приводил в дрожь все множество своих войск. И устроил он смотр всех учений и разбирал учения *могов* и халдеев, и все учения своей страны. Лицемерно свалил он туда же и христианство и говорил с яростной мыслью: «Спрашивайте, исследуйте, рассмотрите! Пусть мы примем то [учение], которое изберем как лучшее». И спешил, чтобы поскорее совершилось то, что было у него в мыслях.

А происходившие из различных мест христиане, которые были у него в войске, разгадали [опасность, исходящую от] огня, который пылал и горел втайне и желал сжечь в пожаре все горы и доли. Возгорелись они несгораемым огнем и твердо приготовились к испытаниям тайных козней.

Стали они после этого громогласно, с псалмами и духовными песнями и блистательными проповедями совершать службу прямо против большого

стана; и безбоязненно, не страшась, всех, кто только приходил к ним, охотно поучали. И Господь споспешествовал им знаменами и чудесами, ибо многие больные из языческого войска получили исцеление.

А тот нечестивый правитель, когда понял, что открылось коварство его замысла и что горение приготовленного [им] огня — прежде чем кто-либо раздул его — явно было познано пребывающими в страхе Божиим, начал тайными стрелами растревлять замысел своего злодейства и неисцелимые раны он умножал на телах и в душах [верующих].

То он жалил и извивался, как ядовитая змея, то потягивался и рычал, как яростный лев; корчился и катался по земле [во власти] своих двуличных мыслей, желая осуществить замысел своих желаний. Поскольку наложить руку и схватить он не мог, так как не были [христиане] сосредоточены около него в одном месте, начал поэтому выдвигать младших перед старшими, подлых перед почитаемыми, невежественных перед знающими, не мужественных перед храбрыми мужами. К чему мне поодиночке перечислять — всех достойных он оттеснял, так что внес раскол между отцом и сыном.

И хотя он это бесчинство учинял над всеми народами, но особенно он воевал с Армянской страной, ибо видел, что они (армяне) наиболее рьяны в богопочитании — особенно происходящие из *нахарарских* родов Армении — и безгрешно хранили святое учение апостолов и пророков. Сворачивал он некоторых из них золотом и серебром и многих еще другими обильными дарами, а некоторых *агараками* и большими деревьями¹, не-

которых почетными повязками и княжениями великими². И другую еще пустую надежду в души вселял. И так постоянно прельщал и подзадоривал: «Если только, говорит, вы признаете учение *могов*, а ваше заблуждение чистосердечно обратите в истину законов наших великих богов, я доведу вас в величии и старшинстве до равенства с моими любезными *нахарарами*, да и [это] еще дам превзойти». И так лицемерно принижал себя перед всеми, говоря с ними о любви, чтобы удалось коварством изловить их согласно указаниям первых советников. И это он делал начиная с четвертого года до одиннадцатого года своего правления³.

И когда увидел, что нисколько не удалась его тайные происки, но что его противники решительнее действуют — так как видел он, что христианство день ото дня шире распространялось во всех краях, [расположенных вдоль] отдаленного пути, по которому он сам проходил, — начал он сохнуть и тощать и громкие вздохи испускать. Невольно выдал он свои тайные замыслы и отдал громогласное повеление, говоря: «Все народы и языки, которые находятся под моей властью, да оставят каждый законы своих лжеучений, и все до последнего придут к поклонению солнцу, принося ему жертвы и именуя его богом и творя служение огню; и сверх всего этого, выполняя законы учения *могов*, ни в чем не делают упущений».

Говоря это, он [то же] объявил через глашатая в большом лагере и обязал всех [подчиниться] предписанию с [указанием] кары [ослушникам], спешно отправил гонцов ко всем отдаленным народам и такое же повеление послал ко всем.

Итак, к началу двенадцатого года своего царствования собрал он рать в неисчислимом множестве и, отправив ее, достиг страны Талакан⁴. Когда увидел это царь Кушанов, не решился выступить войною навстречу ему, а, обратившись в бегство в сторону неприступной пустыни, укрывшись, спасся вместе со всем своим войском. А этот (Иазкерт) совершал набеги на области, места и местности, захватывал много замков и городов, накапливал пленных, награбленную добычу и доставлял [все это] на землю своего господства. И после того, пребывая вотще в тех замыслах, укреплялся в бреднях своего лжеучения, говоря служителям нечестия: «Что воздадим мы богам за такую великую победу, когда никто не смог выступить против нас войною?!»

Тогда все *моги* и волхвы подняли единодушно голос свой и говорят: «Боги, которые дали тебе господство и победу над врагами, ничуть не нуждаются, чтобы просить у тебя замечательных почестей, кроме как чтобы упразднил ты всякие учения человеческих заблуждений и чтобы обратил [инаковерующих] в наш единый закон Зрадаштовых предписаний!»⁵

Угодной показалась эта речь царю и всем вельможам, особенно, которые были первенствующими в [служении] законам. Они между собою посоветались, и победило это мнение.

Там, по ту сторону прохода Пах, задержал множество конницы Армянской, Иверской и Албанской и всех тех, кто веровал в святое Евангелие Христово. И строгий приказ дали стражам у прохода: «Если кто на восток к нам придет — пропускать, а с востока на запад — чтобы путь был непроходимым».

И когда затворил и запер их в крепкой и безвыходной клетке — и справедливо я сказал крепкой и безвыходной, ибо нет там места, чтобы бежать и укрыться, так как вокруг живут враги, — в это время руку наложил на них, великими мучительствами и различными пытками вызвал упадок духа у многих из них и понуждал отступить от истинного Бога и поклоняться зримым телам. А все воины по прекрасному замыслу с доблестной силой восклицали и говорили: «Свидетели нам небо и земля, что мы никогда не поступились царской службой и не примешали робости к доблестному мужеству, — не заслужены и безжалостны эти [наносимые] нам удары».

И умножался шум их криков, даже сам царь стал очевидцем их недовольства и тут же, немедленно, клятвенно подтвердил и сказал: «Не дам отпустить вас, пока не выполните целиком волю повелений моих!»

И вот злейшие служители получили власть, чтобы они представили четырех воинов из знатных по происхождению на пытки мучений. И сначала наказав [их] многими ударами, в тех же оковах отвели в место заключения. А остальным на некоторое время он обманно даровал прощение и всю вину возложил на тех заключенных, и это он сделал по сатанинскому наущению.

А спустя двенадцать дней дал повеление устроить обильный ужин — изобильнее, чем в обычные дни, и позвал многих из военных-христиан. И во время приготовления стола каждому из них пожаловал место для сидения. И ласково и благосклонно, как бывало прежде, говорил с

ними, не пожелают ли они поесть мяса жертвенного, вкушать каковое никогда не было дозволено христианам. Когда никто из них не согласился, он нисколько их не принуждал, а приказал подать им обычное кушанье и более всего винами увеличивал веселье в зале.

А когда оттуда вышли они в царские сени, то некоторых из них задержали, завязав руки назад и опечатав им очкуры, и содержали под стражей, кого два дня, а кого и три^б. Много и другими постыдными казнями мучили, что мы даже не признали достойным предать письму. И некоторых из них уволокли на чужбину, лишив почета родовитости.

И отправляли из их числа отдельными отрядами в отдаленную страну, в крепости пустыни на войну с врагами царя, и многих там же постиг смертный конец от меча. И всем уменьшили установленное жалование, и заставляли страдать от голода и жажды, и места зимовки отводили им в суровой местности, и в глазах всех представляли их как презренных и трусов.

А они из любви к Христу с большой радостью принимали все мучения ради великого упования, приуготовленного блюдушим заповеди терпельцам. Чем больше злоба умножала оскорбления, они тем больше и больше укреплялись в любви к Христу, особенно потому, что многие из них учились с детства святым книгам, этим утешали себя и ободряли товарищей и словно светлый столп берегли [церковное] служение и умножали его.

Вследствие этого и многие из язычников, которым [их] голоса казались сладостными и приятными, ободряли их и говорили слова утешения, что

лучше человеку в меру смерти подвизаться, чем от таких законов отступать.

Но, однако, хотя они из любви к Христу с большой радостью ликовали внутренне, внешний вид [их] на чужбине был очень жалок. Такое почитаемое воинство дошло до жгучего пренебрежения, и эта наследственная знать жестоко пребывала в служении у тирана-убийцы, который в кровопролитии преступал даже языческие законы и во все не думал, что будет за все это отмщение с небес.

Да он не помнил и чьих-либо земных заслуг — то, что в мирской жизни превыше всего: ибо [там] оказались некоторые из армянских *нахараров*, которые его братьев вскормили молоком своих матерей, — их он казнил больше, чем всех других.

И сверх всего этого еще злодеяние измыслил. Некого из своих преданных слуг, имя которого было Деншапуһ, он прислал с поручением в страну Армянскую; тот, прибыв по царскому велению и привезя привет от великого царя, с притворным миролюбием произвел перепись всей страны Армянской [якобы] для снятия податей и облегчения тяготы [поставок] коннице. Хотя внешне он притворничал, но тайные замыслы выдавали самое худшее.

Первое — свободу Церкви [от податей] он обратил в податную зависимость⁷.

Второе — монахов-христиан, которые проживали в обителях, он охватил той же переписью.

Третье — подать со страны он еще больше утяжелил.

Четвертое — он столкнул между собою *нахараров* и в каждом доме возбудил ссору.

И это все он делал [в расчете], что, может быть, расколется согласие и рассеется община церковная, и что заставит он монахов бежать и *шинаканов* разорит, и они от крайней нужды поневоле обратятся к законам *могов*.

И еще злее — пятое, ибо [против] того, кто был *хазарапетом*⁸ страны, почитался христианами-мирянами за отца-наставника, — против него возбудил обвинение и, отстранив его от этой должности, вместо него привел в страну перса и другого еще *могпета* — [произвел] в судьи страны, чтобы они смутили славу Церкви.

Но, однако, хотя все эти дела были тягостны, никто открыто не посягал на [права] Церкви; вследствие этого никто и не воспротивился ему, хотя и произошло утяжеление податей. Ибо с чего следовало брать в размере ста *даһеканов*, взимали вдвойне; также облагали епископов и иереев, не только при стоящих [церквах], но и при [находившихся в] развалинах. Но кто же может хотя бы рассказать о тяжести *мута* и *сака*, *бажа* и *паса* [с] гор, и полей, и лесов?! Они это взимали не так, как подобает царскому достоинству, а по-грабительски отбирая, так что даже они сами удивлялись: «Откуда выходят все эти казенные поступления, как это еще стоит неразрушенной страна Армян».

И когда увидели: всем этим мы не смогли измотать [страну], тогда открыто дали повеление *могам* и *могпетам* написать письмо о гнусной их вере. И вот образец этого письма:

«Мирнерсеһ *взурк храматар* Ерана и Ан-ерана⁹, Великой Армении много приветов [шлет]! Да познаёте вы, что всякий человек, живущий под

небом, который не следует законам веры Маздейской¹⁰, — тот глух и слеп и обманут дэвами hАрамана.

Ибо когда еще не было неба и земли, Зруан, великий бог, тысячу лет приносил жертвы и сказал: «Быть может, будет у меня сын по имени Ормизд, и он сотворит небо и землю». И зачал двоих во чреве — одного для учинения приношений, а другого, чтобы говорить «может быть». Когда он (Зруан) узнал, что во чреве двое, он сказал: «Кто первый придет, тому дам царствование!»

«А который был зачат от маловерия, разорвал чрево и вышел наружу. Говорит ему Зруан: «Кто ты?» Говорит: «Я сын твой Ормизд». Говорит ему Зруан: «Мой сын светозарен и благоуханен, ты же темен и злолюбив!» И когда тот горько заплакал, дал ему царствование на тысячу лет.

Когда родил и другого сына, назвал его Ормиздом, отнял царствование у Арһмна и дал Ормизду, и говорит ему: «Доселе я тебе делал приношения, теперь ты мне делай!» И Ормизд сотворил небо и землю, а Арһмн наперекор зло сотворил.

И так разделяются творения: ангелы — Ормиздовы, а дэвы — Арһмновы, все благое, которое от небес и здесь бывает — Ормиздово, и все вредное, которое там и тут совершается, — это сотворил Арһмн. Подобно же все, что доброго на небесах — это Ормизд сотворил, а что не добро — то сотворил Арһмн, как [например] человека сотворил Ормизд, а хвори и болезни и смерть сотворил Арһмн. И все бедствия, и напасти, какие приключаются, и несущие горести войны — творения злой стороны, а удача и [право] господства, и слава, и почести,

и здоровье тела, красота лица и искусство речи, и долголетие — это от добра порождается, а все, что не таково, — там замешана злая сторона.

И все люди [пребывают] в заблуждении, когда говорят: «Смерть сотворил Бог, и злое и доброе от Него». Особенно, как христиане говорят: «Бог ревнив, из-за вкушения с дерева одной фиги Бог сотворил смерть и поверг человека под эту кару»¹¹. Такой ревности и у человека к человеку не бывает, уж не говоря о Боге в отношении людей, а потому — кто это говорит, тот глух и слеп и обманут *дэвами* hАрамана.

Затем еще другое заблуждение: Бог, который сотворил небо и землю, пришел, говорят, и родился от некоей женщины, имя которой было Мария, а муж ее — Иосиф¹², а по правде — Он был сыном некоего Бантурака¹³ от незаконного сношения. И вот за таким человеком в заблуждение впали многие.

Если в стране Ромеев вследствие крайней глупости по невежеству впали в заблуждение и лишены нашей совершенной веры, то они сами себе причиняют вред, но зачем и вы вслед за ними блуждаете в заблуждении?! Каких законов держится ваш государь, те и вы примите, тем более что отчет перед Богом мы имеем дать и за вас!

Не верьте вашим предводителям, которых вы называете Назарейями, ибо великие они обманщики, то, чему они на словах поучают, того на деле не берут на себя. «Есть мясо, — говорят они, — не грех!», а сами не желают есть. «Брать жену — достойно!», но сами и смотреть на нее не хотят. «Копить добро, — говорят, — не грешно!»¹⁴,

но бедность беспредельно восхваляют. Почитают бедствия и поносят удачу, смеются даже над словом «счастье» и издеваются над великолепием; любят убогую одежду и почитают подлых больше, чем почтенных, восхваляют смерть и поносят жизнь, презирают рождение человека и восхваляют бездетность. И если послушает их кто, и к женщинам перестанут приближаться, то скоро наступит конец мира сего.

Но я не пожелал все в подробностях включать в письмо к вам, ибо много еще чего говорят они. Но что хуже всего того, что написал я тут, — они проповедуют, что Бога люди подняли на кресте и что умер Он и похоронен, а затем воскрес и вознесся на небо. Не достойно ли было бы вам самим тут же осудить их за такие недостойные учения? Дэвы, которые суть бесы, не бывают пойманы и мучимы человеком, не говоря уже о Боге, творце всех творений, и говорить вам такое — стыдно, а для нас это крайне невероятные слова¹⁵.

Итак перед вами на выбор два выхода: или дайте ответ, слово за словом, на это письмо, или явитесь ко двору и предстаньте высокому собранию»

Имена епископов, которые собрались в Айратском гаваре¹⁶ и ответили на письмо

hОвсеп, епископ Айрарата,
Саһак, епископ Тарона,
Мелет, епископ Маназкерта,
Езник, епископ Багреванда,
Сурмак, епископ Бзнуника,

Тачат, епископ Тайка,
Татик, епископ Басеана,
Касу, епископ Турубера,на,
Еремиа, епископ Мардастана,
Евлал, епископ Мардой-али,
Анания, епископ Сюника,
Муше, епископ Арцруни,
Саһак, епископ Рштуника,
Басил, епископ Мокка,
Гад, епископ Ванада,
Едиша, епископ Амадуни,
Елбайр, епископ Андзавацика,
Еремиа, епископ Апаһуника¹⁷.

Все эти епископы и многие *хорепископы* и почтенные иереи из разных мест вместе со святым причтом Церкви, единомыслящие и единоверные, все вместе собрались в царской резиденции — городе Арташате¹⁸ [и] с согласия великих *нахараров* и всего населения страны приготовили ответ на письмо.

«Епископ hОвсеп вместе со всеми единомышленниками, от великих до малых, Мифрнерсеһу, великому *һазарпету* Ариев и не-Ариев: со многими миролюбивыми мыслями да умножатся приветы тебе и всему великому воинству Ариев!

От предков мы имеем обычай, согласно богоданной заповеди, творить молитву о благоденствии царя и неустанно просить у Бога долголетия ему, дабы в мире осуществлял он то вселенское властвование, которое заповедал ему Бог, дабы в его долгом мирном пребывании и мы во здравии и богопочитании проводили нашу жизнь.

Касательно письма, которое ты дал в нашу страну. В прежние времена некто из *могетов*, который был совершенен в вашей вере, и вы его почитали [стоящим] выше человеческой природы, уверовал в Бога живого, творца неба и земли, и слово за словом объяснил и истолковал вам ваш закон. И когда не смогли противостоять ему словом, — он был побит камнями и погублен [по приказу] царя Ормизда¹⁹. И если ты с доверием отнесешься, прислушавшись к нашим словам, — [знай], что во многих местах вашей страны находятся его книги — почитай, из них осведомишься.

А касательно нашей веры, так она нисколько не невидима и проповедуется не в каком-либо [одном] углу мира, но, будучи распространена по всей земле, — на море, и на суше, и на островах, не только на западе, но и на востоке, и не только на севере, но и на юге и в промежутках, — полна она мощи. Она не уповает на человека, чтобы тот как наставник распространил ее по стране, а сама в себе имеет опору. Не по сравнению с другими негодными является она великой, а свыше, с небес получила она правдивое законоположение, не через посредника, — ибо един Бог, и нет другого, кроме Него, ни старше, ни младше.

Не от кого-либо взял Он начало бытия Богом, но сам по себе Он вечен; не в каком-либо месте, а сам себе Он место; не в какое-либо Он время, а времена от Него возникли; Он старше не только неба, но и чем [доступно] мысли людей и ангелов. Он не принимает видимый стихийный образ и не доступен зрению ока; и не только Он не осяутиим рукою, но и непостижим для чьей-либо

мысли, [свойственной] не только нам, телесным, но и бестелесным ангелам; но сам, если пожелает, то постигается мыслью взысканных им, хотя и не зрим очами; да и мыслями постигается, [принадлежащими] не нам, привязанным к земле, но тем, кто истинно верует в Бога.

И имя Его — творец неба и земли; но [явился Он] прежде, чем небо и земля, как самосуший Он самоименен. Сам Он безвременен, а нам, творениям, когда пожелал, — положил начало бытия, не из чего-либо, а из ничего, ибо нечто — только Он сам, а все остальное — от Него стало чем. И не то, что Он потом понял и сотворил, но когда Он еще не сотворил, в предвидении своем Он видел творения, как и теперь, пока еще человек не совершил чего-либо, благого или злого, Богу уже ведомо не совершенное человеком. Подобно же и тогда, пока еще не сотворил, Он не в каком-то смещении различал еще не возникшее, а в порядке и в соответствии пребывали пред ним всякие виды частей, а что до людей и ангелов — и виды и то, что сотворится в этом виде.

И поскольку Он — сила созидаящая, не могло наше зло помешать его благодати, как и произошло; и имеем мы судьей десницу творящую. Те руки, которые утвердили небо и землю, те же и вырезали надписи и дали нам в поучение каменные скрижали, которые содержат умиротворяющие и спасительные законы, дабы познали мы единого Бога, творца видимых и невидимых, — не разных, якобы одного — благого и другого — злого, а единого, того же, всеблагого.

Но если тебе покажется, что есть нечто злое в творениях Бога, смело скажи, чтобы познать, быть может, благую истину. Ты назвал *дэвов* злыми; есть и *дэвы* благие, которых и вы и мы называем ангелами; если *дэвы* пожелают — благими станут, а если ангелы пожелают — злыми будут. Это зримо и в людях, а особенно в сынах одного и того же отца: один послушен и покорен отцу, а другой — злее сатаны. Да и сам отдельный человек кажется надвое разделенным, иногда — злым, а иногда — благим, и тот, кто был благим, тот и озлобился, а бывает, что опять тут же обернулся в благого, а природа — одна.

А то, что ты тут говоришь, что ради одной фиги Бог создал смерть, так клочок пергамента негоднее, чем фи́га, но если на нем будет начертано слово царя, то тот, кто его порвет, приемлет смертную кару. Так что же, достойно ли называть царя злом?! Ничуть! Я и не говорю этого, а привожу пример и поучаю других. Тогда Бог был бы ревнив, если бы Он не заповедал не есть от того древа, но если Он заранее предостерег, то Он в этом проявил заботу своей природной любви. А пренебрегши этим, человек получил в наказание смерть.

А то, что ты сказал, что Бог, мол, родился от женщины, то от этого не подобало тебе отворачиваться и бежать! Ибо вот Арһмн и Ормизд родились от отца, а не от матери; если ты хорошо подумаешь, то и ты с этим согласишься. А другое [обстоятельство] еще более смехотворно, чем это, — бог Миһр родился от женщины, [вследствие того, что] кто-то со своей родительницей возлег.

Но если бы ты немного снизил гордыню твоего величия и по-товарищески явился на диспут, знаю я, что поскольку ты во всем другом весьма мудр, то и [суждения] относительно рождения Господа нашего от Святой Девы ты не почел за болтовню, но признал бы конечное спасение, за большее, чем сотворение мира из ничего, преступление приписал бы свободе человека, а освобождение от служения — благодати Божьей.

Ибо когда ты слышишь, что Бог создал весь мир сей из ничего, понимай, что от слова родилось творение. А поскольку именно Бог без мук родил всю эту великую материю, то Он воистину, как отец, печется о ней. Ибо, поскольку Он сам неразрушим, то и творение родил неразрушимым, а сей [человек] по воле своей, пав, разрушился и даже не смог встать и стоять на ногах. Так как он из праха сделан, тут же в ту же природу вернулся. И не то, чтобы он от внешней силы зла принял от кого-то кару наказания, а от своей небрежности не прислушался к благодетельной заповеди, [и] наказана смертью его рабская часть, которую (смерть) он принял на себя.

А если смерть создал бог зла, какая же сущность является в смерти? — Никакая! Но творения благого Бога он разрушил. Если это так, то не подобает даже называть его благом, а [надлежит называть] разрушимым полуделом (недоделкой). А у какого бога творения поддаются разрушению и искоренению, того не подобает называть богом вечным. Так оставьте эту вашу глупую болтовню.

Не бывает в одной стране двух правителей и у одного творения [не бывает] двух богов. Если

дерзнут и будет два царя в одной стране, то мир рухнет и царства погибнут.

Мир сей материален, и материи различны и противостоят они друг другу; един Творец этих противостоящих, который приводит их к миру и любви. Сбив, смягчает [Творец] жар огня прохладой воздуха и чрезмерную суровость воздуха — жаром огня; точно так же и мелкую, как пыль, землю влажностью воды замешивает, а способность воды просачиваться вниз задерживает [подобием] каменного настила из уплотненной земли.

Ибо если бы согласны были между собою элементы, то, быть может, кто из недомышленных признал бы их богом неразрушимым и, оставив творца, этому творению воздавал бы поклонение. Ради сего тот, кто создал это, заранее остерегся, чтобы люди, взирая на противоборство разрушимых элементов, признали неразрушимым только их управителя, одного, но не двух, одного и того же Творца всех этих четырех материй, из которых все рождаются по велению их Творца.

«И четыре времени года, круговращение совершая, осуществляют свое годовое служение, и все четверо взирают на волю, изъявляемую их Творцом, и, не ведая того, впряжены они в необходимое это дело, не отымая друг у друга порядок почета.

И вот простое объяснение, легко доходящее до слуха всех.

Ибо тот, кто есть огонь, сущностью и силою смешан с тремя еще частями, поскольку жар чаще находится в камнях и железе и реже в воздухе и воде, а сам по себе отдельно нигде не является.

А природа воды пребывает и отдельно, пребывает и в смешении с тремя же частями, чаще в произрастающих из земли и реже в воздухе и в огне. А воздух проникает и в огонь, и в воду, и через воду — в растительную пищу.

И так смешаны эти элементы и становятся как одно тело, и, не теряя природу каждого, никогда не останавливаются в противоборстве, взирая на того единого несмешанного властителя, который образует смешения, приспособленные для расселения всех живых и продолжения вечности всего мира сего.

А если Бог проявляет такую заботу о бессловесном мире, то насколько же больше [заботится Он] о словесном мире — человеке?!

Об этом и некто из славных мудрецов ваших сказал, что Мир был бог, рожденный матерью, происходил от человека, а царь — божий сын и доблестный сподвижник седьмых богов. И если подобает верить этой сказке — вы показываете в вашей вере словно это на деле совершилось, — то мы не только сказкам не верим, но являемся учениками великого пророка Моисея, с которым Бог говорил в заросли на Синае и написал насупротив закон и дал ему, и истолковал сей материальный мир как творение, и свою нематериальную сущность творца материй из ничего; и землю сию с земными и небо сие с небесными показал ему, ибо они — дела его рук; обитатели неба — ангелы и обитатели земли — люди; словесные — только человек и ангел, а Бог — превыше, чем небо и земля.

И все творения бессловесно выполняют веления Его заповеди и никогда не преступают постав-

ленные им пределы; но человек и ангел свободно предоставлены своей воле, поскольку они — мыслящие: если будут пребывать в велении Его, они бессмертны и сыны божии. Все творения отданы в служение, земля — людям и небо — ангелам; а если в непослушании прейдут заповедь, содеют противное Богу — примут бесчестие, [лишившись] всех почетов, чтобы явилось непререкаемым его господство, а преступившие — окажутся посрамленными от преступлений.

А если ты совершишь ошибку по неведению, я, который твердо знаю истину, не могу следовать за твоим заблуждением. Если я пойду в ученичество к твоей необученности — мы оба будем преданы безвозвратной гибели, быть может, я еще строже, чем ты, ибо имею я свидетелем слово, сказанное самим Богом. «Слуга, говорит, который не знает волю господина своего и творит дело, достойное палки, да получит удары, но в меньшей мере»²⁰, а кто более осведомлен о воле царя и проступится в чем пред ним, без заступничества да будет наказан во много раз больше.

Итак, прошу тебя и всех, кто под твоею властью пребывает, — ни ты со мною многожды не будь наказан, ни я с тобою в меньшей мере. Но и я, и ты, и все это ваше множество вместе с мужественным вашим царем так будем ученичествовать в Божественном Писании, чтобы спастись от наказания и попать ногами ад и избегнуть неугасимого огня и наследовать то царствие и преходящей жизнью навсегда заслужить непреходящее величие.

Но по поводу чего ты испугался, будь сговорчив и без промедления будешь ученичествовать в истине.

Некто из полка бессмертных был изгнан с небес и, придя в наш мир, обманными словами и лживыми обещаниями неосуществимую надежду сулил — как малому ребенку — неопытному и неучившемуся новозданному человеку, заставляя мысль его взирать вверх, поесть от плодов древа, к которому подходить близко не велел (Бог) — чтобы стал он богом. А тот, забыв заповедь Божью, обманулся, следуя этому коварному обману, утратил славу бессмертия, которую он имел, и не достиг [славы, представлявшейся] в грезах. Вследствие чего, будучи изгнан из места жизни, был низвергнут в сей разрушимый мир, в котором и вы ныне обитаете и в одурении блуждаете вслед тому же советчику, уже не во вкушении от запретного древа, но называя творения богом и поклоняясь бессловесным элементам, и поднося пищу бесчревным *дэвам*, и будучи прогнаны от Творца всех [сущих].

Не успокаивается злой советчик, но желает сделать злее, чем он сам. Поскольку *дэвы* не насильно ведут кого-либо к гибели, но услаждают грех по вкусу человека и уговорами улавливают в обман неучей, как многие люди [завлекают] своих товарищей в воровство и разбойничество. То есть не то, чтобы применяя какое-либо насилие, но лживым обманом дают делать много зла, [вовлекая] некоторых в колдовство и некоторых в блуд, и некоторых в бесчисленные другие грязные дела. И праведные судьи воздают месть в смертной мере, но не потому, что судьи благого Бога — благодетели, а злого — злодеи; ибо часто случается, что от доброго человека бывают злые [дела], а затем от злейших — совершеннейшие блага.

И справедливые судьи, которые судят злодеев, не называются злыми или мучителями, но весьма добрыми и благодетельными. Природа одна, а не две их, а из этой одной являются дела двойственные, для некоторых убийственные, а для некоторых — наградные. И если у людей это принято печься о своем княжестве с помощью наказаний, [определяемых] царской властью — сколь больше [в отношении] всего мира подобает Богу, который для всех желает жизни, а не смерти?! И вот, где умножилась преступность, казнил всех смертью, а где было покорное послушание — удостоил наград бессмертия.

Это есть истинный Бог, Творец всех нас, которого ты нагло, разнузданным ртом, без боязни, без страха, дерзко хулишь. Оставив спасительное имя Иисус Христос, называешь Его сыном Бантурака и полагаешь Его вводящим в заблуждение человеком, и небесное спасение порочишь и бесчестишь на погибель себе и всему этому миру. За это ты получишь и понесешь непреходящее возмездие наказания в неугасимом огне геенны уготованной, вместе со всеми твоими соучастниками — первыми, средними и последними.

А мы таковым знаем Бога, в Него же веруем безраздельно.

Бог, который сотворил сей мир, явился и родился от Святой Девы Марии, что прежде было отмечено пророками — без каких-либо причин телесного порядка. Как из ничего сотворил Он сей великий материальный мир, подобно же без какого-либо телесного посредника получил Он тело от невинной девы, истинно, а не в призрач-

ном видении. Был Богом истинно и стал человеком истинно, и, став человеком, не потерял божественности, и, будучи и оставаясь Богом, не нарушил свою человечность, а остался тем же.

Но так как мы не могли увидеть незримого и приблизиться к неприближимому, явился вступил в эту нашу человечность, чтобы и мы вступили под его божественность. Он не счел каким-либо бесчестием надеть на себя им сотворенное тело сие, но возвеличил его как свое богозданное дело. Не мало-помалу удостоил его чести бессмертия, как телесных ангелов, а сразу всю природу, с телом, дыханием и душою воздел на себя и присоединил к божественности. Единство, но не двойственность! И после этого мы знаем одну божественность, которая прежде мира была, та же и сегодня и вовек.

Этот Иисус Христос, который своим телом спас весь мир, пришел по своей воле к смерти, и, как умеет сама божественность, обрел тело от непорочной девы и родился, и был завернут в пелены, и положен в ясли, и подвигнул, привел магов из краев Востока на поклонение; вскормлен, как младенец, молоком, возрос и рос тридцать лет, был крещен Иоанном, сыном неплодной, в реке Иордан. Сотворил величайшие знамения и чудеса среди евреев, был предан священникам, был осужден Пилатом Понтийцем. Был распят, умер, был погребен, воскрес, на третий день явился двенадцати ученикам и другим многим, свыше чем пятистам. И, пространствовав с ними сорок дней, вознесся на небо с горы Масличной в присутствии своих учеников, поднялся и воссел на отцовский престол. Обещал второй раз прийти с грозной

силой, чтобы воскресить мертвых, обновить весь мир, произвести правый суд между праведными и грешниками, дать награды достойным и воздать наказания злодеям, которые не верят в благотворения всего этого.

В этих верованиях нас никто не может поколебать, ни ангелы и ни люди, ни меч и ни огонь, ни вода и ни какие только есть жестокие пытки.

Все имущество и достояние наше в Твоих руках, и тела наши пребывают пред Тобою, по Твоей воле делай, что желаешь. Если в этой вере нас оставишь, то никакого другого господина на земле мы не выменяем на Тебя, ни на небе другого Бога не выменяем на Иисуса Христа, ибо нет другого Бога, кроме Него.

А если после этого великого свидетельства еще что спросишь, то вот мы тут, все тело, данное в Твои руки; без промедления делай, что Тебе угодно. От Тебя наказание, а от нас согласие [на них]; меч Твой, выи наши! Мы ничем не лучше, чем прежние, которые за это свидетельство положили имущество и достояние и тела свои.

Ибо если б даже были мы бессмертны и надлежало нам умереть ради любви Христовой, то достойно было бы, поскольку и Он был бессмертен и так возлюбил нас, что и смерть принял на себя, чтобы и мы Его смертью спаслись от смерти вовек. И если уж Он не пожалел своего бессмертия, мы, как по воле своей стали смертны, так по воле же умрем ради любви к Нему, чтоб по воле принял Он нас в свое бессмертие; умрем как смертные, чтобы принял Он нашу смерть как [смерть] бессмертных.

Но ты обо всем этом больше нас не спрашивай; ибо не с человеком у нас обет веры, чтобы, как дети, лгать тебе, а нерасторжимо с Богом, с которым нет способа порвать и прочь уйти, ни ныне, ни после, ни вовек, ни во веки веков».

К этому великому решению присоединилось все множество, от знатных до низких, нерушимой клятвой удостоверили они, что будут жизнью и смертью твердо стоять на нем.

Когда дошло письмо до дворца и прочли его в великом *хонастане* пред всем многолюдным собранием, то многие, услышав, хвалили этот ответ; хотя и боялись страхом государевым, но втайне друг другу давали тот же одобрительный отзыв, более, чем красноречию, изумлялись смелости и бесстрашию. И многие из оробевших начали надевать броню твердости, и такое перешептывание слышалось из всех уст.

А злолюбивый *могнет* вместе с великим *hа-зарапетом* выдохнул злословие и распалил царя, как огонь неугасимый. И начал он скрежетать зубами, как раненый в агонии, и открыто закричал на великое собрание и говорит: «Знаю я зломыслие множества людей, которые сомневаются в наших законах и безвозвратно заблудились вослед колдовству. И я задался мыслью — никому не дам избежать величайших пыток, пока они поневоле не отойдут от таких ошибочных законов; даже если это будут из самых близких — такие же беды и на них наведу».

Тогда злобный старик вставил слово и говорит царю: «Из-за чего ты так сильно огорчаешься? Ведь если кесарь не преступает твоего веления

и *h*Оны пребывают в служении тебе, то кто же тот человек на земле, кто может пойти наперекор твоему велению?! Отдай, как подобает государю, повеление, и все, что ты скажешь, немедленно будет выполнено!»

И тут же царь вызвал *дпрапета* и повелел написать указ, и не по-обычному, а яростными словами, как к ненавистным и негодьям, не вспоминая вовсе о великих заслугах этих преданных государю людей, но только давая повеление о явке, лично и поименно, мужей, которых он сам знал. И вот имена этих *нахараров*:

Из рода Сюни Васак,
из рода Арцруни Нершапух,
из рода Рштуни Артак,
из рода Хорхоруни Гадишой,
из рода Мамиконеан Вардан,
из рода Мокац Артак,
из рода Апахуни Манеч,
из рода Амадуни Вахан,
из рода Ваhevуни Гют,
из рода Андзеваци Шмавон.

Этих *нахараров* лично, поименно вызвали к царскому двору. Частью они уже были при нем в лагере, другие были в северных краях в *h*Онской крепости, а некоторых *нахараров* он [ранее] оставил там же в стране Армянской.

Итак, хотя все они и не оказались вместе, в одном месте, но заранее разгадав замыслы злонаправленного тирана, они и далеких сочли за близких, [словно бы] находящихся в одной [с ними] местности.

И, утвердившись при посредничестве великого *h*Овсепа в согласии, направились каждый из своего места к царскому двору. И очень они спешили ради своих братьев и сыновей и любезных, вскормленных одною грудью близких, которые пребывали в жесточайшем, великом утеснении. Вследствие чего и они себя предали смертельной [опасности], нисколько не убоялись подобно лишенным мужества трусам, но доблестно укрепляли они себя [в надежде], что, может быть, смогут они спасти тех от величайших истязаний.

И как только прибыли они ко двору царскому, предстали царю в Великую пасхальную субботу. Но, хотя и увидели своих братьев [впавшими] в великое огорчение и сокрушение, которые за Христа терпели испытания, нисколько не выдали грусть и печаль на своих лицах. И насколько они казались веселыми, тем больше удивлялись злолюбцы.

А в прежнее время был обычай: когда прибывала ко двору Армянская конница под командованием какого-либо знатного военачальника, [царь] высылал навстречу мужа и спрашивал о благополучии и мире в стране Армянской, и делал это же дважды и трижды, и сам делал смотр отряду, и, прежде чем наступало ратное дело, почитал даже самое их прибытие достойным великой благодарности и перед своими сопрестольниками и всеми вельможами воздавал хвалу всем [прибывшим] и напоминал о заслугах их предков и рассказывал о доблести каждого из мужей.

Но в тот день [царь] вовсе даже и не вспомнил ничего из этого, а, как некий злой *дэв*, не переставал подымать и нагонять зимнюю вьюгу. Это действи-

тельно походило на бушевание волнующегося моря: не с [набегающими] лишь на поверхность волнами, а как бы вздымающимися из самых глубин бездны, пенясь и нагромождаясь ...Ревя голосом *вишапа*, по-звериному рыча, приводил он (царь) в дрожь свое вселенское государство, [уподобляясь морю, которое], казалось, обрушившись, расстелется, все покрывая, по горам, ложбинам и ущельям, чтобы совершенно разрушить ширь прекрасных полей.

Рыча, он орал и говорил: «Поклялся я моим солнцем, богом великим, которое лучами своими освещает всю вселенную и теплом своим оживляет всех существ, — если завтра утром, при появлении чудесного, вы не преклоните вместе со мною перед ним колени, исповедуя его своим богом, я никак не пощажу вас, наводя на вас всякие трудности мучений, пока вы поневоле не выполните требования моих велений».

А верующие, укрепившись во Христе, не зябли от зимней стужи, не томились от палящего зноя, не трепетали от ужасного голоса, не устрашались угроз о мучениях, а, обратив взоры кверху, видели, что сила Христова пришла к ним на помощь, и с радостными лицами и скромными словами, выступив вперед, дали ответ царю.

«Просим тебя, доблестный царь, послушай немного наши слова, и ты приветно услышишь, что мы тебе скажем.

Ибо напоминаем мы тебе времена Шапуха, царя царей, который был отцом деда твоего Иазкерта²¹, и Бог дал ему землю Армянскую в рабское служение соответственно той же вере, какой мы и теперь руководствуемся, и отцы наши, и деды от-

цов наших пребывали в трудах и служении ему и любовно выполняли все повеления его слов, и много раз бывали весьма им награждены. И с тех времен «до твоего [восшествия] на твой отцовский престол и мы в том же служении служили [тебе], возможно даже, что тебе лучше, чем предшественникам».

Говоря это, они указывали на доблесть и мужество, бóльшие, чем у предшественников, в деле воинском. А [что касается] *мут*ов и *саков* и других, какие еще были, податей со страны, то во дворец шло больше, чем при его отцах.

«Также и со святой Церковью, которая была свободна во Христе от начала по порядкам предков наших, а ты ее обложил податью, и мы из любви к твоему терству нисколько не воспротивились тебе. Так почему же разгорелся этот гнев против нас? Скажи ты нам причину обвинения; или наша вера причиной тому, что мы оказались без заслуг перед тобою?»

А *дэв* зла, полный всякого коварства, отвернул в сторону лицо и говорит: «Вредом я считаю принимать в царскую казну подати с вашей страны и бесполезной [почитаю] доблесть вашего мужества, поскольку вы по невежеству отклонились от наших истинных законов и богами пренебрегаете, и убиваете огонь, и оскверняете воду, и погребая мертвцов в земле, оскверняете землю, а не совершая добрых, достойных вознаграждения дел — даете силу *Арам*ану; и что более всего [грешно] — не сближаетесь постоянно с женщинами, и великая бывает радость *дэвам* от того, что вы не наставляетесь и не блюдете все обряды *могов*. Вижу я в вас разбредившееся и заблудшее в пустыне стадо и

очень тяжело мне при мысли, как бы боги, разгневавшись из-за вас, с нас не взыскали мести. Но вы, если хотите жить и сохранить себе жизнь и с величанием быть отправленными отсюда, спешно и без промедления выполните то, что я сказал!»

Тогда все блаженные *нахарары* подняли свой голос и говорят перед всеми: «Царь, больше ты этого не говори нам, ибо Церковь не человеком построена, и она не дар солнца — которое, как ты путанно думаешь, является богом; а оно не только не бог, но и не что-либо живое. Но Церковь — это и не дары царей, и не произведение искусства, и не изобретения мудрецов, и не добыча доблести воинов, и не обманные измышления *дэвов*, и вообще не что-либо, чтобы ты ни назвал из земных [явлений], из великих или низменных, — среди них Церковь нигде не найдется. Но это — благодать великого Бога, посланная не кому-либо из людей, но всем одаренным речью племенам, которым суждено жить под солнцем. Основания ее заложены на неподвижной скале²², ни нижние не могут ее сдвинуть, ни верхние поколебать. И чего ни небо, ни земля не потрясут, того да никто из людей не дерзает победить. Ну вот, что и как ты желаешь, делай, мы все готовы ко всем орудиям пыток и истязаний, которыми ты грозил, [готовы] не только к мучениям, но и к смерти. И если ты снова еще о том спросишь, то от каждого из нас ты услышишь больше, чем этот ответ».

Тогда царь, став горше желчи, разлил во чреве море своей добровольной желчи, и через нос и через рот его вырвались клубы горячего пара, как из пылающей печи густой дым. И так как сердце

его не стерпело, то сломило силы тела его и пробило переполненный сосуд его мыслей, рассыпало и раскидало его коварные замыслы. И то, чего он никогда не желал бы высказать и своим любимым, в том он против воли оголился перед слугами Христа и все по порядку изложил.

Утroyал и учетверял он нерушимую клятву солнцем и говорил так: «Не сможете вы разорить неприступную крепость мою и не дам вам обрести без промедления то, чего вы желаете. Вас всех и тех, которые в моих войсках, дам я переправить в жесточайших оковах по непроходимым местам в Сагастан²³, чтобы многие из вас от зноя в походе околели, а остальные попали бы в крепкие замки и в безысходные тюрьмы. А в вашу страну пошлю несметное войско со слонами, и жен и сыновей [ваших] дам я отправить в Хужастан²⁴, а церкви и то, что вы называете мартириями, разорю, снесу и предам разрушению. А если найдется кто-нибудь оказать сопротивление, тот, раздавленный слонами, умрет лютой смертью. И все сказанное мною я сделаю и выполню [также] по отношению к оставшимся в стране!»

И тотчас велел почитаемых *нахараров* с великим поношением удалить от лица своего, и предусмотрительно повелел главе палачей содержать их без оков в отдельных для каждого помещениях, а сам, выйдя из себя, возвратился крайне удрученный и бросился в свои покои.

А истинно верующие во Христа нисколько не усомнились и не колебались в прежнем наставлении святых наставников своих, но все еще искали способа, как вывести и себя и близких из великой

беды. И многожды стараясь, давали тем вельможам, которые помогали им при царском дворе, великие надежды на богатства, а пока немалые деньги раздали им.

И когда со всех сторон затворилась безвыходная их тюрьма, тогда, применив замысел Авраама, восклицали и говорили в сердце своем: «Все мы посвятили и возложили братьев и сыновей и всех любезных наших в узах, как Исаака, на святой престол, прими же, Господи, добровольную жертву нашу и не отдавай Церковь Твою на позор глумления этому нечестивому властителю».

Некий евнух из советников царя втайне имел нерушимую любовь к Христу — ибо он даже был крещен в живительной купели — и весьма был озабочен [найти] способ [сохранить] жизнь этих удрученных. И когда в точности проверил, что все те многие бедствия, которыми пригрозил царь, он желает навлечь на страну Армянскую, он (евнух) хотя и не всем, но немногим из них дал совет и научил выходу и способу, чтобы на некоторое время они себя избавили от этой беды.

И пока снаряжали отряд, чтобы отправить их в безвозвратную ссылку — как со многими *нахарарами* из страны Иверской уже поступили, — в это самое время пришла тяжелая весть с Кушанских краев, что отделился вражеский отряд, который выступил и разорил многие царские области. И это была им (армянским *нахарарам*) великая помощь с небес. И нечестивец поспешил в смятении отправить вперед конницу, и сам торопился следовать за ней, и так как он был глубоко озабочен в мыслях своих, то разорвал свою твердую клятву.

А когда богобоязненные увидели это, с великой надеждой молясь, единодушно говорили: «Ты, Господь всего, иже знаешь сокровенное в сердцах людей, и открыты пред Тобою все невидимые замыслы, и никакого подтверждения Ты не ищешь от видимых, как и несодеянное нами видят очи Твои, повергаем мы нынче пред Тобою мольбу нашу. Прими, Господи, сокровенное молитв наших и сделай нас совершенными ради заповеданного Тобою, чтобы посрамлен был сатана, который, возгордившись, сражается с нами властью этого нечестивца. Поколебли, Господи, упрямые замыслы коварного и воспрепятствуй воле нечестия его, и вновь верни нас в мирных помыслах наших в святую Церковь, чтобы она, внезапно будучи ограблена, не была презло разрушена врагом!»

И сами нерушимо положив с Богом этот свой обет, что твердо будут пребывать в прежних помыслах, послали внутрь представителем того же своего советчика [сообщить], что они якобы выполняют волю беззакония его (царя).

Когда царь услышал это, очень обрадовавшись, возликовал, думая, что [его] боги пришли к нему на помощь, повернув и разрушив твердые помыслы слуг [истинного] бога, и что вот те принесут свое поклонение солнцу, почтив его жертвами и по всем законам учения *могов*.

И того не мог понять этот заблудший, что непорочный свет солнца праведности рассеивал и стирал темные замыслы его и что сокрушались и упразднялись извращенные желания его. И, будучи слеп к истинному откровению, нимало не постиг он обманов лживости, которым поддался. Рассыпал и

бросал перед ними земные награды и вновь обновил всем им почетные повязки и престолы, выдвигая их вперед и возвышая в своей мировой державе. И с безмерной щедростью жаловал от дворца *агараки* и *аваны* каждому из них, называл их любимыми и друзьями и в кичливой гордыне мыслей упрямых полагал, что истина сменится обманом.

И сделав это, отправил с ними много конницы и из *могов* немалое число — более семисот проповедников — с ними послал, и некое знатное лицо поставил над ними в качестве начальника [и] *могпета*. Уговаривал и умолял, поручая: «Пока я, вернувшись с этой войны, прибуду с миром, чтоб вами было сделано и выполнено все согласно воле моей». И так с пышностью и почетом провожал их по пути в землю Армянскую. А сам радостно послал благую весть во многие капища, писал и докладывал *могам* и *могпетам* и всем вельможам различных краев и стран, как, мол, с помощью богов продвинулось мое доблестное предприятие.

А эти нечестивцы, выйдя затем из своих темных засад, горели желанием без промедления выполнить это повеление, дали знать в отдаленные страны, чтобы немедленно двинуться в землю западную. И не достигнув еще широкой страны Армении, бросали палку и метали жребий о том, какой язык (племя) какому разряду [*могов*] достанется в учение. Ибо было получено от дворца общее повеление как об Армянской стране, так и об Йверской и об Албанской, и о стране Лбинов, и об Аддзнике и о Кордуке, и о Цавдеке, и о Дасне, и относительно других, которые в различных местах Персидской державы тайно держались христианства.

И неожиданным нападением спешили грабить сокровища святых церквей, а затем, как *дэвы*, набрасывались друг на друга. Отряд войск был многочислен, и злолюбивый сатана, как военачальник, являлся между ними и непрестанно будоражил всех и торопил. [Так как] был назначен срок — шестой месяц, — они суетились и торопились по велению царя.

«От *навасарда* до *навасарда*, гласит [приказ], во всех местах, какие только есть под властью великого царя, да будут упразднены церковные обряды, да будут заперты и опечатаны двери святых храмов, да будут изъяты в царскую [казну] по описи и счету посвященные сосуды, да умолкнут звуки псалмов и да прекратится чтение истинных пророков. Священники да не осмеливаются в домах своих поучать народ, верующие во Христа мужи и женщины, которые проживают в своих монастырях, да переменят свои одежды по мирскому обычаю.

Затем и жены *нахараров* да обучаются учению *могов*. Сыновья и дочери *азатов* и *шинаканов* да поучаются в наставлениях тех же *могов*. Да будут расторгнуты и [впредь] воспрещены обряды святого брака, которые они имели от предков по христианскому чину, а вместо одной жены да имеют много жен, чтобы, плодясь, размножался народ Армянский. Дочери да принадлежат отцам и сестры — братьям, матери пусть не устраняются от сыновей, да и внучки пусть восходят на ложа дедов.

Убойный скот да не умерщвляется, не будучи посвящен, будь то овцы, или козы, или тельцы, или птицы, или свиньи. Тесто да не замешивают

без пандамы, помет птиц и скотов в огонь да не прибывают, руки без гомеза да не омываются, выдры и лисицы и зайцы да не умерщвляются, змеи и ящерицы, лягушки и муравьи и какие другие есть еще всякие многоножки-черви да погибнут и срочно по счету предъявляются согласно царской мере. И [пусть выполняются] какие только есть повинности — в отношении ли жертвоприношений или в отношении убоя, — согласно праздничному обряду, по годовым датам, и согласно порядку о [доставке определенной] меры золы в *капичах*.

Все это, что мы сказали, в течение некоторого времени до конца года да совершат все, а остальное пусть на после подготовят».

А *моги* и *могеты*, получив все это в качестве предписания, день и ночь спешили достичь Армянской страны и в великой радости никогда не утомлялись, [поглощая] протяженность пути.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О ЕДИНОДУШИИ СВЯТОЙ ОБЩИНЫ ЦЕРКОВНОЙ

Хотя мы и не в силах сказать о всех злах, которые произошли там в ставке с полком Армянским, но не хотим мы и молчать, скрывая огорчения утеснений; скажем же немного из многого, чтобы слился наш голос с голосами тех, кто горестно оплакивал нас, ибо и ты, когда услышишь, немало прольешь слез над бедствиями нашего народа.

Ибо когда там, в великом стане Персидском, [воины] из разных племен, которые веруют в святое Евангелие Христово, увидели, как со злом согласились армяне, то очень были поражены в мыслях своих и, сокрушаясь, пали на лицо свое. Многие из них, погруженные в тяжелую скорбь, с пораженной душой и огорченные до слез, пришли и обличали этих *нахараров* и очень поносили братию священников.

Чувствовали ко всем к ним омерзение и говорили: «Для чего брали ваше Святое Писание и куда понесете вы сосуды господнего престола? Забудете ли вы духовные освящения или, умолкнув, прекратите [звучание] ваших пророковских голосов? Зажмурьте глаза от чтения и заткните уши свои,

чтобы не слышать! Но неужели вы не вспомните о незабываемом в мыслях ваших? Что вы сделаете с заповеданием Господа: «Кто отступится от меня в присутствии людей, от того и Я отступлюсь перед Отцом моим, иже на небесах, и перед святыми ангелами»¹.

Наставниками были апостольских проповедей, а ныне станете учениками в обманах заблуждений? Были учителями истины, а теперь будете учиться лживым обманам *могов*? Вы были проповедниками силы Творца, а теперь стихии богами признаете? Вы были обличителями обмана, а теперь будете обманнее обмана? В огне и в душе вы были крещены, а теперь в золе и пепле погрязли? Вы были возвращены живым телом и бессмертной кровью, а теперь в чаду [сала] от жертвенных и в гное грязи почернели? Вы были храмом Святого Духа, а теперь будете капищем *дэвов*? С детства вы были облачены во Христа, а теперь обнаженные от славы, подобно *дэвам*, будете плясать солнцу?

«Были вы наследниками Царствия [Небесного], а теперь сами себя сделали наследниками геенны. Им грозит огонь неугасимый, зачем же и вы с ними, опаленные, сожигаетесь? Для них откармливается бессмертный червь, а теперь вы утучняете свое тело ему на откорм? Вокруг них держится густой мрак, зачем же вы, одетые светом, направились с ними в тот же мрак? Они издавна были ослеплены, зачем же вы вслед за слепыми слепнете? Для них был вырыт глубокий ров, зачем же вы первые наполняете его? Когда вы научились многочисленным именам их богов, притом что ни один из вас нигде не находился между

ними (богами)? Будучи разгружены от тяжелой ноши, сами на себя взяли вы ношу тяжести! Будучи освобождены с детства, вы злейше вошли в служение, от которого нет освобождения!

Если бы вы знали и вам было явно, что небо облачилось в черное по вас и охвачена скорбью земля под ногами вашими! Ангелы вверху разгневались на вас, а на земле мученики гnevаются на вас! Жалею, жалею любезных ваших, и много раз жалею вас самих! Ибо если освободил вас человек от служения, а вы сами отдались служению другому, то в великий гнев вы привели прежнего господина своего; а что вы теперь сделаете с грозным Божеским повелением: «Я есть Бог, и нет другого, кроме меня, и после меня не будет другого Бога. Я Бог ревнивый, воздаю за грехи отцов сынам до седьмого века»². А если праведные сыны принимают гибель за грехи отцов, то когда грешат и сами сыны, разве же они не будут в ответе заодно и за себя и за отцов?!

Вы были нашей крепкой оградой упования, когда настигла опасность, мы к вам выходили [в надежде] на успокоение, и вот сия великая крепость рухнула до основания. Вы были [предметом] нашей гордости перед врагами истины, а теперь вы — наш позор перед теми же врагами. Доселе ради вашей истинной веры и нас сколько-нибудь щадили, а теперь из-за вас и нас беспощадно карают. Перед Страшным судом Божиим вы дадите ответ не только за самих себя, но и за всех тех многих, которых также подвергают мучениям из-за вас!»

Это и больше сего говорили вельможам из знати и добавляли боли к болям. Но объявить и

показать им свой замысел [*нахарары*] не хотели, молчать же и не давать ответа было невозможно; задыхаясь, они предавались обильным слезам. И все слышавшие и видевшие это пребывали вместе с ними в безутешной скорби.

В это время священники, которые были там же в войске, не снеся в сердце гнева, отделились от *нахараров* и от всего множества и спешно послали кого-то на коне гонцом в страну Армянскую. С тяжелой вестью на устах и с разорванным воротом прибыл он на собор епископов. Заливаясь обильными слезами, стоял он и рассказывал о всех испытаниях, но не раскрыл пред ними тайну замысла [*нахаров*].

В это время рассеялись епископы каждый в свое княжество и послали хор епископов в деревни и *агараки* и во многие крепости горных областей. Подняли и собрали множество мужей и женщин, *шинаканов* и *азатов*, священников и монахов, посовещались, утвердили и сделали всех воинами Христовыми.

И в качестве первого решения было утверждено следующее: «Да будет рука родного брата против его близкого, если тот преступит обет заповеди Божьей. И да не пощадит отец сына своего и да не взирает сын на почтительность к отцу. Жена да сражается с мужем-супругом и слуга да обратится против господина своего. Законы Божеские да станут царить над всем, и по одинаковому закону да получают преступники наказание осуждения!»

И когда это было так установлено и устроено, явились все вооруженными и одетыми в шлемы, с мечом у поясицы и со щитом в руке, — не только доблестные мужи, но и замужние женщины.

А войско Армянское, вместе со всеми вспомогательными отрядами и со множеством *могов*, пришло, прибыло в четвертый месяц в страну Армянскую, в большой гевлакалак, который называется Англ³. Стали станом, окружились укреплениями, расположились и со всех мест там сосредоточились, и оказалось [там] бесчисленное множество [людей].

А спустя двадцать пять дней подоспел сам *могпет* вместе с *могами*, с большим войском, чтобы взломать двери церкви в день воскресный; он хотел произвести опыт в предстоящем деле. А святой иерей Гевонд в согласии с участниками первого совещания и с многочисленным причтом оказался там наготове. Хотя он не был хорошо осведомлен ни о мыслях всех князей, ни о силе мощи *могпета*, он не стал ждать всех епископов и не дал нечестивому князю ни малейшей передышки, но учинил вокруг воинов и *могов* большую свалку, ибо, схватив в руки палки, пробили головы *могам* и *могпету* и вынудили разбежаться по своим жилищам, а сами, начав богослужение в церкви, совершали Господний канон, непрерывно творя его до вечера в воскресенье.

И после этого буйного возмущения со всех концов страны Армянской стало прибывать туда множество мужей и женщин. И там была зрима великая печаль и смятение. Одни, как из родников, источали крупные слезы из глаз своих, другие громким криком почти сотрясали небо, а часть, мужаясь и бросаясь к оружию, готова была смерть предпочесть жизни. А некоторые из святого обета церкви, взяв в руки Евангелие, с молитвами к Богу

взывали, а другие жаждали, чтоб разверзлась земля и стала им могилой. И так породили в *могете* великую тревогу. Много раз он умолял своих помощников, чтобы постарались они спасти его от смерти и доставить его во дворец.

А относительно дела, для которого он прибыл, он понуждал их и говорил: «Пусть напишу и доложу великому царю, чтоб он отбросил предложения о подобных вещах, ибо если бы и сами боги явились на помощь, — нет способа, чтоб законы *могства* получили установление в Армении, как я попытал [в этом] общину церковную. Ибо если бы войско этой страны стало последователями *могов*, то они нисколько не пожалели бы их истребить — не только посторонних, но и братьев, и сыновей, и всех близких своих, и даже самих себя. Люди которые ни оков не боятся, ни пыток не страшатся, ни имуществом своим не дорожат и, что есть последнее зло из всех зол, смерть предпочитают жизни, кто же сможет противостоять им?!

Я даже слышал от предков наших, что во дни Шапуна⁴, царя царей, когда начало это учение расти и множиться и заполнять всю страну Персидскую и проникать даже туда, на Восток, — те, кто были наставниками наших законов, увещевали царя [озаботиться тем], чтобы законы *могства* не были полностью и всецело упразднены в стране — и дал он грозное повеление, чтобы умолкло и прекращено было христианство. И сколько ни пытался он воспрепятствовать, все больше и больше возросли они (христиане) и размножились и достигли до страны Кушанов. И оттуда [христианское учение] распространилось на юг до Индии.

И так они были бесстрашны и смелы в стране Персидской, что даже построили во всех городах страны церкви, которые превосходили великолепием обитаемые царем дворцы. Строили и именуемые ими мартирии и украшали и их таким же убранством, как церкви, и во всех необитаемых местах строили монастыри. И хотя никакой явной помощи ниоткуда не было видно, возрастая, они росли и, размножаясь, множились и в телесной величине увеличивались. Об источниках их богатства мы ничего не знали, но твердо понимали одно: вся вселенная шла за их учением.

Хотя царь и наложил сурово на них руку и многих из них схватил и предал мучениям, а также многих смертью умертвил, он ожесточился в себе и устал от них, но не смог сократить их множество. Затем, хотя он запер и опечатал по всей стране Персидской двери церквей, они сделали каждый дом церковью и служили во всех местах согласно своей вере. И каждый себя полагал мучимым, и считали они здание [в виде] человеческого тела лучшим, чем построенное из земли. Мечи убивающих притупились, а их шеи не согнулись, отбирающие их имущество в добычу устали, а добыча, день ото дня возрастая, умножалась. Рассвирепел царь, и очень озлобились суровые палачи, а они, бодрствующие и бодрые, радостно принимали все истязания пыток и приветно переносили всякое ограбление их имущества.

Когда увидел царь, что в своем натиске они идут на смерть, как святые стада к небесной соли, запретил и прекратил применяемые к ним истязания и пытки, и повеление дал *могам* и *могнетам*,

чтобы никто не причинял им обиды, но чтобы уверенно, не страшась, пребывали в своем учении — *мог* и *зандик*, еврей и христианин, и многие прочие секты, какие есть в различных краях страны Персидской. И тогда страна обрела мир и покой, и, умолкнув, прекратились все распри и ссоры. Потому что при потрясении в нашей стране пришел в движение также и Запад, а с ним заволновался и весь Тачкастан.

Все это знаем мы лишь понаслышке; но то, что я сам своими глазами увидал, кажется мне более значительным, чем былое. Итак, ты — *марзпан* этой страны, надлежит тебе спешно взять на себя написать и доложить во дворец о единодушии в этом насилии, как бесстрашно пренебрегали они этим царским повелением и [о том], что, если бы мы не поспешили и не обратились в бегство, они ни одного из нас не оставили бы в живых. И если безоружные люди прибегли к подобному насилию, кто сможет устоять перед их дерзким нападением, если вдруг к ним присоединятся и воины.

Я вот не был осведомлен о нерушимом между собою согласии [последователей] этой церкви, ибо одно то, что слышит человек, а другое — то, что он видит достоверно, своими глазами. Ты, кто с детства был воспитан в этом законе и доподлинно знал твердость этих людей и что без большого кровопролития они не дадут нам наложить руку на эти церкви, почему ты все это достоверно и прямо не сказал царю? Поскольку старшим среди *нахараров* был ты и вся эта страна была доверена тебе в *марзпанство*, почему ты не взял на себя великую заботу? Ибо в иное время ты бывал мудр, и

я это знал, а это ты не с мудростью учинил! А если нет, то ясно, что и ты с ними заодно и что по твоему наущению ты проделал это надо мной и над моим войском!

А если это так, и ты не желаешь держаться *могства*, ты не стесняйся из страха перед царем; я напишу и доложу двору, *мовпетан мовпету* и *дарандарзапету* и великому *хазарапету*, чтобы склонили царя к согласию, дабы вовсе отменил он прежнее повеление и чтобы положились на волю людей, ибо мало-помалу привыкнут они к законам *могства*, чтобы принявшие охотно выполняли повеление царское. Ибо страна эта — пограничная, и, возможно, когда причинят [им] какой-либо ущерб, они, рассеявшись, уйдут на чужбину. И когда страна эта обезлюдует, тогда и тебя самого постигнет великая кара от дворца!»

Ответил *марзпан мовпету* и говорит: «Все твои наставительные речи, которые ты произнес, — истинны, но ты увидел то, чего в прошлом мы не знали, и ныне весьма сожалеем. Но ты поступи теперь так, как я сейчас скажу, и это придется тебе по душе; будь [хоть] немного терпелив и скрой свои замыслы от многих, но мужам, которых я назову, тем ты сообщи; тем временем я соберу себе силы, чтобы привести на помощь войска и, быть может, смогу расколоть единство Церкви. И если мне удастся осуществить это — знаю, что потом смогу выполнить и царский приказ».

И тотчас сколотив полчище в стране Сюникской⁵, пополнил свои войска на подмогу и в помощь *могам* и *мовпету*. И потом стал говорить: «Ну-ка пошли разок грамоту ко двору относительно кон-

ницы, которой в Албании десять тысяч, чтобы пришла она на зимовку сюда, в Армению, и когда мы будем иметь ее под рукою, никого не будет, кто бы смог отвергнуть царский приказ».

Ответил *могнет* и говорит *марзпану*: «Это твое рассуждение опять-таки противоречит моим словам, ибо если мы силой будем сражаться с этой страной, то страна совершенно разорится, и мы не избежим кары — самим нам вред и царской [казне] великий ущерб!»

А *марзпан* вовсе не желал прислушаться к нему, ибо сердцем и разумом принял он веру персидскую. Стал он после этого прельщать кого богатством, кого увещательными речами; а всех *рамиков*, угрожая им грозными словами, приводил в трепет. Ежедневно он умножал выдачу припасов к столу, затягивал музыку веселья, проводя долготу ночей в песнях застольных и в плясках непристойных, услаждал некоторых ладами музыкальными и песнями языческими, воздавал великие восхваления законам царя. Вывез он из двора множество богатств и каждому тайно всучал взятку под видом почетной награды, и многими коварствами соблазнял простодушных людей и перетягивал их на свою сторону.

И когда это все увидели святые епископы, еще более подзадоренные сплотились в том же согласии и с находчивой мудростью разделили лагерь на две части. Особенно когда убедились, что нечестивый князь Сюникский получил смертельную рану в душу, — с отвращением отвергли его и бежали от него.

Устроив однажды ночью совещание всем множеством единомышленников, призвали на этот

совет и *спарапета*^б войск, расспросили и убедились в непреклонности мыслей того, кто даже ни на ничтожную часть не поступился любовью к Христу. И единодушно сотворив молитву за него, приняли вновь его в [сонм] добродетели. И тем самым многих из тех, кто не отклонился от древнего единства, они вовлекли в соглашение, и те собрались, и составилась многочисленный отряд войск. И еще дальше отступились [единомышленники] от *могов* и *могнета* и от нечестивого *Васака*.

А тот так одурил и одурманил разум *могнета*, что даже не дал ему возможности понять исход вещей. Стал распределять *могов* по домам *нахараров* и устанавливать им очень большой дневной паек, приносить в жертву убойный скот и насильно заставляя крещеных людей есть жертвенное мясо и поклоняться солнцу. Когда по всей стране начала умножаться такая омерзительная смута, то и жены *пштипанов* дерзнули погасить в воскресный день лампы в церкви и разодрать одежды инокинь.

Когда святые епископы-единомышленники увидели этого вестника смятения, — взяв в руки святое Евангелие, кинулись, не ожидая приглашения, к дому *спарапета*, где сосредоточились войска Армянские.

Подняли свои голоса и говорят: «Молим всех вас этим святым Евангелием, — если *марзпан* и *могнет* творят это беззаконие зла с вашего согласия, то сначала порубите нам шею, а потом уж касайтесь церкви. А если они творят это зло без вашей на то воли, — пусть сегодня же с них будет взыскано ваше мнение за это!»

А те, кто были внутри дома пребывания *спарапета*, встали на ноги, единодушно вознесли свои

голоса к Богу и говорят: «Ты, Господи, ведающий сердца всех, и не нужно Тебе никакого свидетельства от людей. Оторвались ли мы умом и сердцем от Тебя — Тебе хорошо ведомо, и сегодня же покарай нас по грехам нашим, а если мы твердо пребываем в согласии святого сего Евангелия, ты, Господи, будь нам сегодня в помощь и отдай в наши руки врагов истины, чтоб поступили мы с ними согласно Твоей святой воле!»

Сказав это, все ударились головой о землю и приняли благословение от Евангелия и епископов.

А один из присутствовавших там *нахараров*, бывший с ними в том же замысле, не присоединился к ним в этом великом свидетельствовании. И тут же в тот же час был ими на месте побит камнями, и пал на всех великий страх.

При этом все так распались ревностью гнева, что у всех видевших дрожали внутренности и ни во что не почли царские награды и попрали ногой грозные повеления. Тотчас побежали к своему оружию, всю ночь облачались и снаряжались, а когда забрезжил рассвет, разделив отряд на три части, ударили на стан. Первый отряд — с восточной стороны, и второй отряд — с западной стороны, и третий отряд — с северной стороны, взяв в окружение, заперли весь многолюдный лагерь, и многих перебили, и еще большее количество, из видных людей, связали и бросили в могучие замки, находившиеся под их властью. И добычу, и награбленное, и захваченное в лагере, собрав в одном месте, хранили как по велению царскому.

А когда захватили *марзпана*, присоединился он к ним с твердою клятвою пребывать в общине и

кался в первом своем отступлении от них. Кидался он покаянно в ноги святым епископам и умолял, валяясь в ногах, чтоб не отвергли, не отталкивали его от себя. Повторял и утroyал нерушимую клятву перед всем множеством на святом Евангелии, написал и припечатал эту клятву, и привязал ее к Евангелию, и умолял, чтоб месть с него взыскал Бог, и чтобы они не умерщвляли его, [поступив] свойственно людям.

А они, хотя и были убеждены в коварстве его притворства и что он вновь обманно вернется к прежнему заблуждению, нисколько не поспешили наложить на него руку за прежние вины, а оставили его на суд святого Евангелия.

А те, кто прибыл, чтобы взять в добычу святую сокровищницу церкви, против воли представили себя и свою добычу пред лицо святых епископов и всего войска; и повеление царя, будучи отвергнуто, рухнуло. И те, кто имел успех, силою Бога, мужи и женщины и все множество *рамыков*, славословя, восклицали и говорили: «Готовы мы к гонениям и к смерти и ко всяким притеснениям и мучениям за святые церкви, которые нам заповедали наши предки силою пришествия Господа нашего Иисуса Христа, от которого мы вновь родились в единой надежде веры [и] крещением во Христа Иисуса, подобно же желаем мучением и кровью обновить себя. Поскольку отцом нашим мы признаем святое Евангелие, а матерью Вселенскую церковь, пусть никто промежду в середину не попадает, чтобы отколоть нас от нее!»

После этого господин не был замечательнее, чем его раб, и *азат* не [был] более изнеженным,

чем удрученный сельчанин, и никто не сдал в своем мужестве более, чем другой. Одно [билось] сердце в устремлениях всех мужей и женщин, старцев и отроков, и всех пребывающих в согласии во Христе. Поскольку все стали воинами единого воинства, надели единую броню веры по заповеди Христовой, мужи и женщины единым поясом истины препоясались.

В упадке пребывало после того золото, и никто не брал для личных [нужд] серебра, и в пренебрежении, не возбуждая алчности, и в бесчестии были почетные одежды, [предназначенные] для украшения и возвеличения. Даже имущество каждого в глазах его владельцев шло ни во что. Считали они себя как бы мертвыми трупами, и каждый сам себе рыл могилу, и жизнь свою считал смертью, а смерть свою — подлинной жизнью.

Но очень часто слышался возглас: «Лишь бы умереть доблестно, лишь бы имя и душу унаследовать, чтобы был жив в нас Христос, которому легко вторично обновить нас и всех, прежде усопших, из праха и воздать каждому по делам его!»

Говоря это и еще больше, чем это, и утешая себя и друг друга, воины вновь приготовили свое оружие, а молеельщики непрестанно пребывали в молитвах своих и подвизались в постах своих. Не прерывались голоса священнослужителей день и ночь в святых псалмах, чтение божественных заветов шло без перерывов во все часы, подобно же и толкователи учительствовали в утешении небесном.

В это время вновь напали на замки и *аваны*, которые занимали Персы в различных укрепленных местах страны, разоряли, разрушали жилища

их. Первым — великий Арташат вместе с его *аванами*; взяли неприступные крепости: город Гарни, Ани, Артагерс и их *аваны*, Еркайнордж и Архни и их *аваны*, Бардзрабог, Хоранист, Цаханист, надежный Олакан и с ними их *аваны*, Арпанеал, аван Ван и с ним его *аваны*, Греал и Капойт, Оротн и Васакашат⁷.

Все это, с соответствующими деревнями и *агараками*, войсками и военачальниками, в том же году взяв, разорили, мужей и женщин в плен увели с их имуществом и добром, вместе с драгоценными сокровищами и утварью. Разоряли и разрушали их строения и сжигали и опаляли дома служения огню. Вычищали мерзость идолопоклонства и забирали утварь и оборудование *атрушанов*, приносили и клали в святой церкви, и при посредничестве святых иереев посвящали для служения Господнему престолу. И вместо суетного служения, которое [упразднили; во всех местах [поклонения] язычников водружали спасительный крест Христов, исправляли всесвятой престол и в святости совершали живительное таинство, назначали на месте церковнослужителей и священников. Надеждой укрепленная радовалась вся страна.

И пока, исполнившись этой великой добродетели, творили они дело геройства, проявилась над всеми некая божественная благодать, поскольку без дозволения Армянских войск с восточной окраины страны какие-то [полчища] напали на Атрпатаканскую страну⁸ и в различных местах причинили много ущерба, захватывая и разоряя, и разрушая многие *атрушаны*.

А те, кому попались большие крепости, сотворив крестное знамение, напали на гарнизоны; а стены двух очень больших замков, рухнув, развалились, хотя к ним никто и не приблизился. И все жители страны, пораженные страхом перед великим знаменем, сами своими руками сожигали храмы огня; отрекаясь от законов *могства*, исповедовали святое Евангелие.

И другие великие дела удачи совершались благодаря этому воинству, ибо где не надеялись, что кто-либо упомянет имя Бога, великий ужас нисходил на тех сверху, и каждый человек рассказывал товарищу своему о новых чудесных видениях. Подобно же и звезды на небе казались засверкавшими полным светом, чего не было в их прежней природе. А все юноши страны упражнялись в храбрости, подобно воинственным мужам.

И вот после многих дней прибыл *хазарпет* Албанский со святым епископом страны и в великом смятении торопил войска, говоря: «Полк персидский, который был в стране *hOнов*, вернулся, вступил в нашу страну, также и многочисленная другая конница, что прибыла от двора. И кроме всего этого, еще и триста *могов-наставников* привели с собою, всполошили страну и кое-кого перетянули на свою сторону и хотели наложить руку на церковь. И по велению царя всех торопили и говорили: «Если по доброй воле примете веру нашу, получите от него подарки и почести и будет вам от казны сложение податей, а если по доброй воле не примете, то имеем мы повеление построить в деревнях и городах *атрушаны* и в них возжечь Врамов огонь⁹ и поставить *могов* и *могпетов* ве-

рослужителями всей вашей страны. И если кто-либо, воспротивившись, станет перечить, сам он примет смертную кару, а жена и дети такого, становясь *ан-ашхарниками*, поступят в казну».

Когда эта тяжелая, горькая весть достигла полка Армянского, [воины] нисколько не ослабели и не лишились отваги, но снова состоялось совокупное собрание всей страны по поводу того, что рассказали прибывшие к ним вестники печали. И единодушно подбодрив их, отпустили, чтобы некоторое время лукавым обманом задержать тех, и они отступились от своих злых намерений, не тронули святой общины их церкви. А сами, [вооружившись] могуществом Бога, совещались и искали выхода из обстоятельств.

В это время одного из великих *нахараров*, Атома из рода Гнуни, спешно послали в западную страну доложить обо всем этом коварном замысле царя Востока, одновременно и рассказать о собственных мужественных подвигах, которые они на деле совершали, и, поправ ногами грозное повеление и произведя величайшее избиение *могов*, просить от него помощи и, если он пожелает, даже перейти к нему в служение.

И вот копия грамоты, которую написали кесарю Феодосию: «hОвсеп епископ, со многими моими соепископами и со всем войском Армянским, *марзпан* Васак и *Нершапуh* Рмбосеан вместе с нашим *спарпетом* и со всеми нашими великими *нахарарами* к тебе, великославному кесарю Феодосию, — да умножатся наши приветы тебе и всем твоим войскам, кто с миролюбивым человеколюбием вашим властвует над морем и сушей, и

нет никого среди нас, земных, кто бы стал супротив вашему беспрепятственному господству.

Мы располагаем правдивыми памятными записями о добродетельных предках ваших, как, владея Европой, они переправились и овладели и странами азийцев, от границ Сеира¹⁰ до краев Гадеровна¹¹, и никого не нашлось, кто бы восстал и выступил против их власти.

И при столь великой власти они страну Армянскую именовали великим и любимым *дастакертом*. Вследствие этого, памятуя прежнюю вашу любовь, и предок наш Трдатий¹², который в детстве бежал от своих дядьев, убивших, зарезавших его отца, и, будучи опасен, был воспитан в великой стране Греческой, воцарившись вашей властью, завладел своей отцовской страной, подобно же и веру во Христа принял от святого епископа Римского, просветил темные северные края, — что ныне отнять и вырвать у нас желают тьмолюбивые сыны Востока.

И мы, смелея от вашей мужественной доблести, кое в чем воспротивились их повелениям, главное же — ныне подготовились на будущее. Мы предпочли умереть в богопочитании, чем жить в отступничестве. Если же вы возьмете нас под свою руку, то вот [уже] мы вновь встретились с жизнью и ни разу со смертью. А если хоть немного промедлите, то возможно, что и до многих других стран достигнет жар от этого пламени!»

И когда предстали великому царю, то прочли письмо с просьбой Армянской страны и памятные записи о предках, прочитали много книг, к сему относящихся, которые содержали тот же нерушимый обет.

Но пока блаженный Феодосий опрашивал весь синклит и желал найти мирный способ разрешения дела и с большой расположенностью [к сему] беспокоился, чтобы восточные церкви не были разграблены нечестивыми язычниками, в это-то самое время настал безвременно конец жизни его и возникло весьма злое препятствие делу помощи.

И воцарился вместо него кесарь Маркиан¹³ и через негодных своих слуг, мужей-советчиков — Анатолия, который был *спарапетом*, и сирийца Елпария, обоих — мужей бесчестных и негодных, в то же время безбожников, склонившись на их речи, не желал прислушиваться к согласию Армянской общины, которая всей своей силой противостояла злобности язычников. И сей лишенный мужественности [Маркиан] предпочитал сохранить договор с язычниками ради телесного мира, чем стать соратником общины христианской. По этой причине поспешил и отправил послов к царю Персидскому, того же Елпария, и заключил с ним прочный договор¹⁴, [обязавшись] оставить Армянские войска [без помощи] войском и оружием и всяким содействием.

И когда так было установлено и отпала надежда на помощь от людей, вновь святые епископы стали ободрять себя и войска Армянские. Хотя и взирали они на свою малочисленность и на сговор обоих царей, но нисколько не трепетали от страха и, верные прежнему обету, были смелы и говорили: «Мы готовы и поражать, и умирать; нетрудно Богу с немногими делать дело о многих и с пренебрегаемыми совершать великие дела».

Хотя они и не имели вождя — царя и какого-либо помощника извне, от чужих, но [благодаря] своей добродетели и утешению от святых *вардапето*в, все *нахарары* со своими войсками из каждого удела совокупно, без промедления, сошлись в одном месте; много было и другой конницы, что из самого царского удела.

И все войска разделили на три полка.

Полк первый дали *Нершапуху Рмбосеану* и послали его на охрану страны близ границ *Атрпатаканской* страны.

И полк второй дали под начало *зоравару* *Армении* *Вардану*, чтобы пересек он пределы *Иверии* [и пошел] на *марзпана* *Чора*, который явился разорять церкви *Албании*.

А полк третий дали под начало *Васаку*, князю *Сюника*, который своими сокровенными замыслами не отошел от языческого обета.

Он отобрал и взял к себе тех, за кем знал слабость в вере: *ишхана* *Багратуни* с его войсками, *ишхана* *Хорхоруни* с его войсками, *ишхана* *Апахуни* с его войсками, *ишхана* *Ваһевуни* с его войсками, *ишхана* *Падуни* с его войсками, *ишхана* *Габелеана* с его войсками, *ишхана* *Урца* с его войсками.

Многие и другие войска из царского удела он привлек на свою сторону и кое-кого из *сепуһов* других родов. И коварным обманом он сел в засаду в крепостях своей страны, под притворным предложением, что якобы он спешно перейдет оттуда [для нападения] на полк *Персидский*, чтобы изгнать его из страны *Албанской*.

А сам из тайного убежища спешно отправил послов к полку Персидскому: «Ну вот, разрушил я единодушие общины Армянской и, расчленив армию, [двинул полки] по трем направлениям. Полк первый я удалил в края *ҺЕра* и *Зареванда*¹⁵, а полк второй состоит под моим началом, и я не дам ему причинить вред царским войскам. И всех других, оказавшихся в этой стране боеспособных мужей, я раскидал, рассеял по всему пространству этой страны. Но полк третий я передал под начало *Вардану* в *Албании*, в малом составе и немногочисленный. Смело выходи навстречу и вовсе не бойся дать сражение — знаю я, что пред твоей великой силой они понесут поражение».

Это он написал и посвятил в это *марзпана*, имя которого было *Себухт*¹⁶. А тот, когда услышал все эти ободряющие вести от *Васака* и, проверив, утвердился в мысли, что с малосильным полком идет на него *спарпет* *Армении*, не стал выжидать в краях *Чора*, а сосредоточил все множество своих войск и поспешно перешел большую реку, именуемую *Кур*¹⁷, и встретился с ним (*Варданом*) близ границ *Иверии*, против города *Халхала*¹⁸, который был зимней ставкой царей *Албанских*. Прошел и сосредоточился со всеми своими войсками, построил боевые порядки, окружил он все пространство поля. Вооруженные и в доспехах [стояли они] во всей готовности для боя против полка *Армянского*.

А доблестный *Вардан* и все войска, которые с ним были, когда увидели могучую оснащенность полка язычников, взглянули на свою малочисленность; и хотя их было и много меньше, чем тех, они

нисколько не убоялись того великого множества, но все единодушно воздели руки свои к небу, восклицали и говорили:

«Покарай, Господи, тех кто карает нас, сра- зись с теми, кто сражается с нами, оружием и щитом Твоим помоги нам¹⁹. Поколебли и приведи в дрожь полчища нечестивцев, рассей и разбросай злое единодушие врагов Твоих пред Твоим спасительным, великим знамением и выкажи через нас, немногочисленных, доблесть для победы над несметным множеством. Мы молим не ради похваления, суетного славолубия, бесполезных приобретений и не от жадности корыстолюбия, захвата преходящего величия, но чтобы знали и поняли все те, кто не покорствуем проповеди святого Евангелия, что Ты есть Господь жизни и смерти и в руке Твоей победа и поражение. И мы готовы умереть ради любви Твоей, и если доведется и убивать их, то мы будем мстителями не за себя, а за истину!»²⁰

И говоря это, сплотившись, напали и, сломив правое крыло и отбросив его в левую сторону, предали всех мечу по [всему] пространству и обратили в бегство [вплоть] до недоступных мест в лесах, у глубоких обрывов реки Лопнас²¹. Здесь противостали им некоторые из царевичей царя Баласакана²², сбросили с коня кого-то из армянских *нахараров* и из полка Димаксеан убили Муша и ранили Газрика.

Тут Аршавир Аршаруни взглянул бдительным оком, зарычал, как лев, и напал, как вепрь, поразил и убил храброго Вурка, брата царя Лпинов, и многих его споспешников убил с ним. И так каждый

муж (армянин) поверг на землю своего противника. И вследствие очень стремительного наскока больше было тех, кого скинули в реку, чем павших на суше от меча. И от множества трупов павших прозрачные воды реки обращались в кровь, и никто из них не спасся и не скрылся в густо заросших лесах равнины. Но кто-то из вражеской рати, став в доспехах на спину коня, переправился через большую реку, на волосок от смерти выскочил из сражения, понес печальную весть оставшейся [части] основного войска, и они в бегстве бросились в большой *шахстан*²³.

Тогда войско Армянское, завершив великое ратное дело, обратилось к обиранию трупов; собрали великую военную добычу и обобрали трупы павших. И собрали много серебра и золота, оружие и украшения храбрых мужей и ратных коней.

Затем с не меньшей отвагой напали на замки и города, что имели Персы в стране Албанской, крепко сражаясь и сжигая узилища, а *могов*, которых привели [персы] для подготовки совращения страны, где только находили в различных неприступных местах, группами предавали мечу и выставляли на корм птицам небесным и зверям земным. Очищали места от всяких омерзительных жертв и, спасая, освобождали церкви от невыносимого утеснения.

И многие из *нахараров* Албании и всяких *шинканов*, которые ради имени Бога рассеялись и бежали в неприступные [места] гор *Капкоха*²⁴, когда увидели успех дела, которое совершал Бог через полк Армянский, сами являлись, собирались и присоединялись к их (армян) войскам и становились единопутными и равными участниками героических

подвигов. Затем они направились к *h*Онским вратам²⁵, которыми завладели силою Персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри, а ворота вверили власти Вахана, бывшего из рода царей Албанских. И в этих всех доблестных [подвигах] решительно никто из них не пал раненым, кроме одного блаженного, который геройски погиб в великом сражении.

И здесь же, того самого мужа, которому вверили эти ворота, отправили послом в страну *h*Онов и ко многим другим племенам варваров, которые были союзниками страны *h*Онов, чтобы вести с ними переговоры и заключить договор — установить нерушимый союз. А те, когда все это услышали, поспешно, без промедления прибыли на место и стали очевидцами победных дел. И нисколько не помедлили клятвенно вступить в договор по обрядам их законов, приняли на себя клятву христиан — с твердостью хранить с ними единство.

А когда это совершили и весьма укрепились и еще мирно пребывали там же, на месте, явился из страны Армянской гонец печали, который бил себя в лоб и, разрывая ворот, рассказывал об изменнике Васаке: «Отступив от обета христианского и разорив многие места в стране Армянской, — особенно те царские зимние ставки, где были стоянки войск, — Гарни и Ерамавн, великий *да-стакерт* Драсханакерт, Варданашат и крепость Ошакан, Парахот, Сардеанк, *аван* Дзолакерт и замок Армавир, *аван* Куаш, Аруч, Ашнак, и все подножье Арагаца и Арташатский *наһанг*, и самый Арташат, и все деревни и *аваны*, которые вокруг

него были²⁶, взял, разорил и произвел поджоги, и все ваши семьи заставил бежать, покинув места своего пребывания. Наложил руку и на святые церкви, унеся и святые сосуды церковного престола, увел в плен семьи священников, а их [самих повелел] связать и заключить в тюрьму. А сам он, распространив набеги, разоряет всю страну. И полк, который был в краях Атрпатакана, не успел оказать помощь середине страны²⁷. Но войска, которые там оставались, ускользнули от нечестивца, отступили на край страны и пока еще держатся данного с вами обета единения [во имя] любви Христовой. Что до тех, кто были с ним, так некоторые бежали в свои места, но большинство совратилось на его нечестие».

Двинувшись от этого места, чтобы возвратиться в Армянскую страну, в великой поспешности и со многой добычей и безмерным величием, и в беспечальной радости, с песнями на устах, говорили громко: «Исповедуем Господу, что благ Он, что милость Его вовеки, что поразили Он великие народы и убил мощных князей, ибо Он благ, ибо вовек милость Его!»²⁸ И распевая этот псалом и исполнив его до конца, с молитвами приносили славословие Святой Троице.

Там озаботился *зоравар* распорядком воинства, обеспечил передовым, замыкающим и боковым прикрытиями, в целости и здоровье доведя за тридцать дней к самым границам родной страны.

Стало известно Васaku и *ишханам*, которые были при нем, о доблести и геройстве полка Вардана в стране Албании, а также о договоренности с Юнами. До того как они встретились друг с другом, [Васак] избрал себе [помощником] ночь

и в бегстве бросился в неприступные места своей страны²⁹. И в такой поспешности удалился, что пленных и добычу, которых он забрал в области Айратат, да и сверх того и свое еще поневоле оставил и бежал.

И поскольку наступило зимнее время и продовольствие отбил вражеский полк³⁰, он (Вардан) не мог питать в одном месте все войско, а рассеял и разослал их по различным *гаварам* страны на зимний отдых. Дал распоряжение и приказ быть наготове со снаряжением к весеннему времени. И немногих из полка, из [числа] старших *нахараров* он оставил себе в помощь и укрепился там [в стране], заняв места пребывания царей.

И отряд за отрядом отправлял в страну Сюник, брал и разорял многие области, и поставил его (Васака) и все войска, которые были при нем, в такое стесненное положение, что они, не брезгуя, под угрозой голодной [смерти], ели падаль — ослов и коней. И многие удары наносил отступникам, так что все собрание святых епископов и весь причет церковнослужителей проливали горькие слезы по жестоко страдавшим, потому что угоняли босыми и пешком мужей и вскормленных в неге женщин. И много детей, разбившихся о камни, было брошено вдоль дорог.

Когда все это принесло богобоязненным успех, все епископы и иереи дали распоряжение по всей стране, чтобы в посте и молитвах совершать моления к Богу в течение всего месяца Калоц³¹ и присоединить праздник победы в сражениях к святому празднику явления Христа, дабы без нарушения пребывало это великое поминание с непреходящим Божьим праздником.

И обо всем этом посещении Божьем, которое в величии явилось стране Армянской, святые епископы написали и отправили в страну Греческую, а великий город, к святой общине церковной, дабы и они, творя молитвы, просили у Бога, чтобы мы как начали, так в том и достигли завершения.

И некоего из прежде [взятых и] связанных персов освободили от оков и поставили перед *нахарарами*, говорили с ним и указали на происшедшие бедствия — и разорение стран, и поражение царских войск, и то, что еще предстояло впредь. И когда это полностью показали ему, то было единодушно порицание обеих сторон, добродетельных и отступивших: и как понапрасну принудил их (царь) к отступничеству от отеческих законов, и обман мятежного Васака, как он [лукаво], ссылаясь на слова армян, обманул царя, что они якобы принимают *могство*³², и как он, ни с кем не договорившись, самолично преподнес (царю) эту ложь.

Когда полностью все это объяснили ему, отпустили его посланцем [к царю] для их оправдания и для изыскания способа и ухищрений, в надежде, что смогут они выручить братьев своих из утеснений.

Но к нему (царю) прежде успели вестники печали от нечестивого Васака, чтобы рассказать о всех испытаниях, которым он (Вардан) подверг царские войска. И все его обвинение было направлено против святой общины церкви. Ибо желанием нечестивца было расколоть единство епископов и *нахараров*. Но он все еще не понимал, что если в природе можно видеть, как душа и тело некоторое

время разлучаются, то такого не может быть, когда кто от любви к Богу вступил в общину [церкви].

Итак, отправился тот муж в зимнюю ставку, довел это до слуха царя, поколебав, привел его в дрожь, так что он весь ослабел, особенно потому, что с восточной войны он вернулся согбенным, а не с поднятой главой. Когда, проверив, он утвердился в том, что [услыхал] от посланца, который прибыл к нему последним, он все бедственные последствия своих деяний свалил на своих советчиков. И тут же угас от пылания многим пламенем, ибо замкнулись уста злых советчиков, которые непрестанно подбивали его на жестокие дела. Поник он после высокой гордыни и одичавшее сердце свое вернул к человеческой природе. Оглянулся и увидел себя в полной немощи, понял, что он не все, что желает делать, может совершать. Вследствие чего он приостановился в дерзком натиске и заглушил свой бешеный рев.

И тот, кто громогласным криком вопил и грозными повелениями приводил в дрожь и находящихся вдали и пребывающих близко, начал кроткими и просительными словами говорить со всеми и возглашать: «Какого только вреда я не причинил, каких только бедствий я не навел и на племена, и на народы, и на отдельных лиц?! Разве мало учений в нашей стране Ариев, и каждое вероисповедание — явно; кто же когда-либо стеснял и понуждал, чтобы обратить их все в один закон *могства*, особенно в отношении веры христиан? Как твердо и истинно пребывали они в своей вере, так и по отношению к нам они показали себя лучшими, чем все [другие] исповедания. И никакого упрека никто не может

сделать избранным их законам, а я считаю их подпару и равными нашей вере маздезнов³³, почему и были они почтенны при наших предках, как я и сам лично помню — при отце моем, который восседал на этом великом престоле. Когда он начал изучать и исследовать все учения и доподлинно постиг их, он признал законы христианские наиболее возвышенными среди всех остальных, вследствие чего они (христиане) шествовали при царском дворе возвеличенными и порадованными щедрыми наградами и смело ездили по всей стране. Да и тех, кто был главным среди христиан и кого называют епископом, он удостоивал подарков и даров. И, как верным *остиканам*, поручал им отдаленные *марзы*, и никогда не было ошибок в великих делах царских.

И вы этого никогда не вспоминали, но ежедневно отягощали слух мой, говоря о них всякое злое. Смотрите, как вы понудили меня содейть нечто, чего я не желал, и получился величайший ущерб на границах между двумя непримиримыми врагами. И мы все еще на дальнем пути, и ни одно дело в этой войне еще не достигло завершения, и вы здесь же, в моем доме, навязываете мне войну, а конец ее будет еще хуже, чем [в войне] с внешними врагами!»

Все это и еще больше, чем это, говорил он всей знати и вину в преступлениях валил на *могнета* и *могов*. И все *взурки* и почетные *нахарары* — которые сидели в собрании и внимали плавной его речи, — устыдившись, склонялись, вперив взор в землю, и не могли поднять голову.

Но некоторые из них, угождая его мыслям, говорили так: «Да, доблестный царь, это так, как ты сейчас сказал, и теперь ты можешь все, выправив, уладить. Нет ничего такого, что могло бы выходить за пределы твоей воли. Ибо от богов тебе дано, что все, что пожелаешь, ты можешь свершить. Не тесни свою душу смятением и не смущай мысли во всех нас! Быть может, и не трудно найти средство к завершению этих дел. Потерпи и с терпимостью разреши этим людям отныне держаться христианства, и этим ты приведешь восставших к покорности».

Угодными показались царю эти слова. И тут же, без промедления, призвал он пред лицо свое [мужей] от всех племен, которые держались христианства и которые были в его войске, [но] он насильственно запретил, чтобы никто не осмеливался открыто почитать Бога. Ибо [прежде] тех, кто воспротивился, он истязал и отнял у них видные должности, а некоторых заставил против воли поклониться солнцу и вверг все воинство в грусть и скорбь. А в этот день велел он снова бесстрашно, по старому порядку, твердо стоять в законе христианства. А кто был грешен и не желал немедленно, без великого покаяния, прийти и приобщиться к христианскому порядку — повелел царь, чтобы они были насильственно взяты и отведены в свою церковь. И священникам он предоставил право, чтобы поступили так, как найдут нужным, согласно своему порядку. И урезанные выдачи продовольствия установил немедленно каждому, и отнятые у них седалища велел подать на свое место, и разрешил им ежедневно являться во дворец. И все

вновь узаконил, как прежде было установлено. Снисходил и говорил с ними ласково, по древнему обычаю.

И когда все это сделал и установил, в их присутствии разослал касающиеся христиан указы о прощении по всем подвластным ему землям своего государства:

«Если кто находится в оковах, то по царскому велению да будет освобожден; и если у кого отобрано имущество, да будет возвращено. Подобно же и земли, будь то вотчинные, будь то жалованные, будь то купленные³⁴, — если окажутся у кого-либо изъятыми — мы повелели, чтобы были возвращены!»

И когда обо всем этом осведомил их, просил у них [направить] свидетельства верности в страну Армянскую и клятвенно вступил в договор с ними, [заручившись] признанием всех своих вельмож: «Я совершенно забуду о взыскании мести! Как вы прежде истинно следовали законам вашим, отसे в большей мере храните! Но только не выходите из служения нам!»

Все это писал и сообщал в землю Армянскую и во многие другие страны, которые держались христианства; а сам тайно, коварно поспешил отправить послов к кесарю Маркиану. И когда, проверив, убедился, что Ромеи отказались содействовать христианству — ни помощью войском и ничем другим, — тут же снова вернулся к прежним своим заблуждениям. Неудача дела он приписывал своим должностным лицам и думал так: «По прежним предположениям я все выполню»³⁵.

А армяне, хотя и получили обманное письмо царя с увещаниями, которое внешне содержало благую весть о жизни, а внутренне — горечь смерти, удивлялись скудоумию его, и говорили они друг другу: «Сколь бесстыден его коварный обман, ибо дважды и трижды он пытался и был уличен, а не стыдится! И зная о нерушимом нашем обете, все еще бесстыдствует и нагличает; преследуя нас, стремится подавить наш дух.

Верить ли нам его ненадежному повелению? Какое благодеяние мы видели в отношении всех наших церквей, что в стране Персидской?!

Ибо кто сам для себя зол, тот не может быть благ для другого, и кто сам бредет во тьме, не может другого вести светом истины. Как нет праведности от вероломства, так нет и истины из лжи, подобно же и при войнолюбивых мыслях нет надежды на мир.

Но мы, кто спаслись могуществом Божиим и укреплены верою в надежду Христову, который пришел и принял тело нашей природы от Святой Девы и объединенный неотделимой божественностью принял страсти за наши грехи на свое тело и в нем же был распят и погребен и, воскресши, явился многим, и вознесся пред лицом учеников к Отцу своему, и воссел одесную Всемогущего, в Нем же исповедуем Бога истинного и на Него уповаем, что во славе и силою Отца придет воскресить всех усопших и обновить ветхость творений, сотворить суд вечный между праведными и грешниками.

Мы не поддаемся на обман, как дети, и не впадаем в заблуждение, как неосведомленные, и не обманываемся, как неразумные, но готовы ко всяким испытаниям. И молим Бога и непрестанно

просим у многой милостивости Его, чтобы в чем начали, в том и завершили доблестно, а не проявляя трусость. Ибо ныне и Восток и Запад узнали, что вы — богоборцы и нас напрасно убивали за все наши заслуги. Свидетели нам небеса с небесными и земля с земными, что ничем мы не согрешили даже и в мыслях, и вместо воздания наград и добра нам — вы хотите отнять у нас истинную жизнь, к чему нет способа и да не будет впредь!

А теперь верить ли недостойным устам его, который понуждал нас злейшим образом к отступничеству, а теперь, не совершив ничего доброго, станет он проповедником благовестия? И он хулил Христа и заставлял верующих отступаться от Него — не можем мы сегодня немедленно согласиться на принудительную исповедь! И тот, кто клялся пустыми верованиями своего заблуждения, проводил всяческие истязания над служителями церкви, теперь, воровски явившись, приносит нам славословие и тем хочет все лукавство свое излить на нас.

Не верим мы этому и не согласимся с этим лживым повелением!»

А когда он понял: «Не могу я разрушить твердость пребывающих в согласии!», отправил он от себя исполненного злобности старика, в котором пребывал сатана с силою своею, и много содеял он кровопролития: пищей его воли с детства было беспорочное тело святых, и напитком его неутолимости — кровь безгрешных. Прибавлял он (царь) к его злобности и свое смертоносное повеление, полки за полками из всех стран отправлял с ним и многие стада слонов посылал с ним.

Достигнув границ Армении, он вступил в город Пайтакаран³⁶, а все войско распростер вокруг города, дабы лучше подготовить исполнение своих зловещих замыслов. И старый злободивный *вишап*, войдя в крепкую берлогу, с большим притворством прикрываясь бесстрашием, страшил отдаленных ужасным голосом, а на ближних шипел, ползая, как змея. Он был властитель и *храманатар* всего государства Персидского, и имя его было Миhrнерсеh, и не было вовсе никого, кто бы посмел ослушаться его. И не только вельможи и малые, но и сам царь считался с его повелениями. Он-то и предпринял это злое дело.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О РАЗДОРЕ, ВНЕСЕННОМ СЮНИКСКИМ ИШХАНОМ И ЕГО СОТОВАРИЦАМИ

До этого места я нисколько не робел рассказывать о [перенесенных] нашим народом ударах, которые злейшим образом обрушили на нас внешние враги истины; из них (врагов) меньшая часть побила нас, а в большинстве побитыми оказались они от нас, потому что тогда еще мы были единокорпусны и дружны. Хотя некоторые затаили коварное двоемыслие, но в глазах внешних [врагов] единокорпусные наше казалось опасным, так что в двух-трех местах они даже не решились выступить против [нас].

Но вот далее, когда раскол, крадучись, проникает внутрь, с нарушением единокорпусия удаляется и небесная благодать, и так как [люди] становятся себялюбивыми, то весьма умножаются стоны и плач. Когда, будучи отсечены, отпадают члены, которые до того были частями вот этого святого тела, человек предается слезам около предлежащего трупа, но еще большей горечью наполняется он по поводу того, кто весь душою и телом обращается в труп. И если это так из-за одной личности, насколько же это сильнее в отношении целого народа?!

Но тут наш плач не об одном народе, а о народах и странах, о чем я скажу в дальнейшем, подвигаясь по порядку, хотя и не с радостными мыслями. Вот, не желая того, отмечаю многих, которые сами для их истинной жизни погибли и явились причиной гибели многих других, иногда — лишь видимых, а иногда — и видимых и невидимых. И то хуже всего, что дверь гибели, которую они открыли, закрыть может только Бог, а для человека уже пройден предел возможного.

Этот нечестный Миhrнерсеh, так как он, в прошлом испытав, знал кощунство Васака, и теперь посылал за ним, призывал его к себе. Так как тот еще прежде отделился и отошел от единомыслия армян, то явился и предстал [перед Миhrнерсеhом], удостоверил свою преданность, [подтвердил весть о] вероломном восстании Армении. Он еще прибавил и рассказал, преувеличивая, то, что и не содеяно армянами, и желал по-свойски угодить нечестивцу.

А тот, хотя и внутренне сильно хулил его, но внешне воздал ему почести и пожаловал великие земные дары. И обещал ему княжение большее, чем он имел, и направил его (Васака) в сторону тщетных мыслей, которые были выше его власти, — якобы (Васаку) предстоит достигнуть царского сана, только бы нашел он способ сломить единоклющие армянской общины и чтобы исполнилась по стране воля царская.

И когда он (Васак) согласился во всем следовать его воле, желчный старец понял, что тот одурманен, охвачен грезами и что в нем сломлено

упорство, присущее объединенным [церковным обетом]; и очень утешился он в своих омраченных мыслях и подумал, что и всех так сможет ловить для непоправимой гибели их. Благоразумие [Васака] приписывал собственной изворотливости; и того не знал, что он (Васак) сам себя отрешил и отлучил от святой Церкви, отошел и отчудился от любви ко Христу.

Ибо им было забыто пришествие Сына Божьего, и не вспомнил он проповедь святого Евангелия и не убоился грозящею и не утешился благовестием. Отступился он от купели, которая зачала его, и не вспомнил приемного Святого Духа, который родил его. Презрел честное тело, которым он был очищен, и попрал ногою животворную кровь, которою были искуплены его грехи. Стер запись своего усыновления и своею рукою нарушил печать перстня. Выбыл из числа блаженных и многих взбунтовал с собою.

Простер руку к криводушию и вошел в усыновление *дэвопоклонству*, и стал сосудом зла, и наполнил его сатана всяческим коварством. Взял его в руку, как щит, и надел на себя, как броню, и стал как бы воином, исполнителем его воли. Сражался он ухищрениями с мудрыми и большой ученостью с учеными, откровенно с простодушными и втайне с проникновенными. Простер руку и изъял многих из полка Христова и примешал их к полкам *дэвов*. И воровски вполз во многие другие места и проник, как змея, в среду укрепившихся и, прорыв подкоп, открыто похитил и изъял многих *азатов* и еще большее число *шинаканов* и некоторых других из [лишь] именуемых священниками.

Имена их, его соучастников, суть следующие:

ишхан Рштуни, по имени Артак,
ишхан Хорхоруни, по имени Гадишой,
ишхан Ваһевуни, по имени Гют,
ишхан Багратуни, по имени Тироц,
ишхан Апаһуни, по имени Манеч,
ишхан Габелеан, по имени Артен,
ишхан Аке, по имени эНджул,
еще другой *ишхан* Падунни, по имени Ва-
разшапуһ,

некий *сепуһ* из Амаатуни, по имени Манен,
и многие другие *азаты*, которых именуют *оста-
никами* из царского удела.

И полностью всю свою страну взбунтовал к отступничеству, не только из мирского множества, но и многих из церковного клира, особенно [при помощи] лжеиереев, через кого он и творил зло: некий иерей по имени Зангак, некий иерей по имени Петрос, некий дьякон по имени Саһак, некий дьякон по имени Муши. Их он посылал к простодушным людям, обманывал и надувал. Они клялись святым Евангелием и говорили: «От царя будет пожаловано всем вам ваше христианство!» И так вероломно извлекали они многих из святого сообщества, приводили и вмешивали в полк отступников.

И собрал всяческие соблазны и составил многочисленное войско, написал поименно и представил многих из них великому *һазаранету*, [рассказал] и о своей храбрости и мужестве, очень похваляясь, как он изошрился в совращении, и изображал войска Армении разобщенными и расчлененными.

И когда все эти злые дела удались ему, нарушил и согласие между страной Иверией и Арменией, не дал выступить вперед Албании и таким же точно образом задержал страну Аддзник. Написал он послание и в страну Греков, сообщая им со всяческим враньем, [адресовав письма] некоему мужу, имя которого было Васак, из тех Мамиконеанов, которые находятся в служении Греции. И, по злощастию времени, муж этот был *спарпетом* Нижней Армении¹ и доверенным войск Ромейских на Персидской границе, а деяниями своими был он вне Божеских законов. Нашел этот Васак в том Васаке соучастника себе в великих злодействах, в которых оба они сошлись.

Писал он и сообщал повседневно, что якобы вся Армения присоединилась к нему, и это же самое письмо Васак Нижней [Армении] с великой осторожностью отправил в столичный город кесаря². Даже мысли святых епископов отвратил от них и поселил во всех войсках Греческих сомнения в отношении веры.

Особенно поскольку через лжесвященников он лгал и обманывал, выдавая их за правдивых людей, посылал Евангелие с крестом и им прикрывал всю свою сатанинскую лживость. Себя и все крыло отступников он выдавал за преданных богочестию. Он уверял, что он более предан, чем все войска Армении; клялся и утверждал и ссылался также на все повеления дворца о прощении.

В Греческой стране и так склонны были выслушать все это с удовлетворением, а благодаря его [действиям] тем более изменились и пали ниц перед его [волей].

Подобно же поступал он и со всеми краями страны, где было [много] крепостей, в Тморике и Кордике³, в Арцахе⁴ и Албании, в Иверии и в стране Халтик⁵, посылал [гонцов, письма], наставлял, чтобы никого [из противной стороны] не удастайвали пристанища.

И по великому его злодейству обстоятельства принесли ему еще удачу в делах; ибо никого не нашлось извне в помощь войску Армянскому, кроме тех Юнов, о которых была уже речь моя. Но и против них он собрал многочисленную конницу Ариев, закрыл и запер ворота их прохода и вовсе не давал покоя царю Персидскому, но посылал и призывал многочисленные отряды в пограничную крепость Чора, провел полный набор в стране Иверов, составил войска Лпинов и Чилбов, [провел набор] в Вате, Гаве и Глуаре и Хрсане и Ечматаке, Пасхе и Посхе и Пюкуане, [собрал] все войско Таваспарана — горного и равнинного, и крепостной стороны гор⁶. Кого привлекал он утварью, великими дарами и щедрой раздачей царской казны, а кого угрозой царского веления запугивал.

Когда он все это сделал и выполнил по велению царя, изо дня в день писал он и доносил великому *Һазаранету* Персии, который укрылся и притаился в городе Пайтакаране. После этого и тот осмелел [настолько], чтобы показаться многим народам; на одних он наводил страх, другим любовно раздавал дары. Призвал к себе Васака и всех тех князей, которые были за него, пожаловал им много даров от дворца, также и воинам, которые держали его сторону. Повел к нему [Васак] и иереев-отступников, представил, утвердил и объявил: «С помощью этих мы будем охотиться за теми, чтобы отколоть

от единой общины!» А *hazaranet*, когда услышал это, очень благодарил тех иереев⁷ и обнадеживал их: «Если эта победа будет наша — пожалуй им жизнь других священников и доложу царю об их великой заслуге!»

И так поколебал и смутил страну Армянскую, между многими родными братьями внес раскол, не оставил единомысленными отца и сына и посеял вражду среди мирного спокойствия.

И там в его *ашхархе*⁸ были у него два племянника по брату, [верные] святому обету добродетели. Написал и донес о них во дворец и получил право на их имущество⁹, отверг и изгнал их из страны, с тем чтобы они больше не возвращались туда. Подверг преследованиям и понудил бежать всех монахов страны, которые обличали бесповоротное его нечестие. Содеял и учинил всякие злодеяния против истины и то, чего не знали нечестивые язычники, сообщал им и относительно веры христианской и как, каким способом можно искоренить его (христианство) из страны Армянской.

Когда *Мирнерсеh* увидел в нем все эти злодеяния, стал больше возлагать надежды на него, чем на самого себя. Спрашивал и уточнял, сколько мужей общим количеством имеется в рати Вардана в Армянской стране. Когда услышал от него, что их больше чем шестьдесят тысяч, потребовал также сведений относительно доблести каждого и сколько имеется таких, которые полностью вооружены, и сколько таких, которые, будучи лучниками, лишены [защитного] вооружения, также и относительно пехотных щитоносцев.

И когда проведал об общем числе [всего] множества, то еще более поспешил узнать, сколько

имеется начальствующих над храбрыми героями, чтобы подготовить троих против одного на каждого из них, кроме всех прочих [сил]. И даже осведомился у него относительно каждого отряда и на сколько полков делится войско, и кто из них является *саларом*, и какой начальник, с какой стороны будет вступать в боевое построение, и каковы имена каждого из *хамхарзов*, и сколько трубачей будет трубить в составе полка. Будут ли устраивать *лакиш* или свободно расположатся станом; будут ли выстраивать фронт против фронта или всератно в одном месте атакуют. Кто из них неустойчив и кто из них будет упорен, отдавая себя на смерть.

И когда обо всем этом осведомился у него, призвал всех своих военачальников и перед ним (Васаком) дал им всем строгий приказ, чтобы все они слушались его указаний.

И все войска вместе с их военачальниками поручил некоему мужу из знати, имя которого было Мушкан Нюсалавурт.

А сам тотчас отправился в страну Восточную и, встретившись с великим царем, рассказал ему все о положении дел, о своей изворотливой мудрости и о лживых ухищрениях Васака, как он свое прежнее нечестие пожелал покрыть тем, что раскол, разделил надвое воинство Армянское!

Когда царь услышал все это из уст великого *хазарпета*, он исполнился горечи в душе и говорил с нерушимой клятвой: «Если выживет этот нечестивец в великом сражении, я с великим поношением дам ему испить чашу смертельной горечи!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОВТОРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ АРМЯН ВОЙНОЙ ЦАРЮ ПЕРСИДСКОМУ

Любовь к Богу превыше, чем всякое земное величие, и делает она людей столь бесстрашными, как бестелесные войска ангелов, как это искони было со многими людьми множество раз и во множестве мест. Люди, которые были вооружены любовью к Богу, ни о чем не пожалели и не убоялись, подобно робким [или] малодушным, — ни своей смерти, ни ограбления их имущества, ни убиения их близких, ни пленения их семей, ни исхода своего из родной земли, ни впадения в рабство на чужбине, — они почитали за ничто все эти мучительные испытания, лишь бы только быть единокорными с Богом, лишь бы только от Него не уйти в плен, и Его признавали превосходящим всякое зримое величие, избрав Его в мыслях своих. И отступничество от Него признавали за смерть, а смерть за Бога — непреходящей жизнью, и бытие в рабстве на земле — за свободу своей жизни, и обречение себя на чужбину — за пребывание с Богом¹, как мы это видели в то время своими глазами, ибо страна Армянская подвизалась в таком же точно подвиге.

Ибо, когда увидел великий Вардан раскол в стране своей, он нисколько не поколебался от маловерия. Хотя, проверив, он убедился в сомнениях многих других, [из тех] которые до сих пор были с ним единомышленны, он сам в душе ободрился и ободрил свои войска. Ибо в согласии с *нахарарами*, которые не откололись от священного обета, он, овладев, держал в своих руках места [обычного] пребывания царей. Дав приказ всем войскам собраться в городе Арташате, он поставил взамен отступников, которые ушли вслед за князем Сюника, на их место, братьев, или сыновей, или племянников [по брату] и дал им войска каждого [из ушедших], ибо пока еще он обладал властью над всей страной.

И все они спешно явились к месту сражения, каждый со своим войском и полным снаряжением, — и они, и те, кто [как] коренные, твердо пребывали там²: Нершапух Арцруни, и Хорен Хорхорунни, и сам *спарапет*, и Артак Палуни, и Ваһан Амадуни, и Гют Ваһевуни, и Татул Димаксеан, и Аршавир Аршаруни, и Шмавон Андзеваци, и Тачат Гнтуни, и Атом Гнуни, и Хосров Габелеан, и Карен Саһаруни, и һМайеак Димаксеан, и другой еще Димаксеан — Газрик, и Нерсеһ Каджберуни, и Парсман Мандакуни, и Арсен эНдзайаци, и Айрук Слкуни, и Врен Ташраци, и Апрсам Арцруни, и Шаһхорапет Аркуни, и Хурс Срвандзтеац, и Колеаны, и Акеаци, и Трпатуни, и войска Рштуни, и все царские *горцакалы*, каждый со своим войском.

Все они сплоченно прибывали на ратное дело на равнину Артаза³, и было всего, по подсчету,

шестьдесят шесть тысяч мужей, [считая] с конницей и пехотой.

Пришли с ними святой hОвсеп и иерей Леонд и многие другие священники и в еще большем числе [младшие] священнослужители. Потому что и они нисколько не убоялись прийти с ними на дело ратное, ибо они почитали это сражение [делом] не телесной, а духовной добродетели и желали они пасть одной смертью с храбрыми героями.

Начал *спарапет*, в единодушии с *нахарарами*, говорить с войском и сказал: «Участвовал я во многих войнах, и вы со мною. Бывало, что мы храбро побеждали врагов, и бывало, что они нас побеждали, но больше бывало так, что мы оказывались победителями, а не побежденными. И все это без исключения были [примеры] мирской славы, ибо сражались мы по велению смертного царя. Кто бежал — обесславливал себя перед страной и находил от него смерть, не вызывавшую сожаления. А кто выделялся храбростью — получал в своем народе славное имя и великие дары от преходящего, смертного царя. Вот каждый из нас имеет на теле много ран и рубцов, много было таких подвигов, за которые и дары великие получены были нами. Но я почитаю эти подвиги ничтожными и бесполезными и за ничто [почитаю] полученные обильные дары, ибо все они недолговечны.

И вот, если совершали эти подвиги мужества ради смертного повелителя, насколько больше [должны мы свершить] за бессмертного царя нашего, владыку живых и мертвых и кто будет судить каждого человека по делам его?! Действительно, если, прожив весьма долго, мы и достигнем ста-

рости, все же мы изойдем из этого тела, чтобы войти к Богу живому и уж не уходить от Него.

Итак, прошу вас, о храбрые соратники мои, — ведь многие из вас превосходят меня в мужестве и, согласно наследственному сану, вы выше меня по месту, но, поскольку вы, по вашей воле и согласию, поставили меня вашим предводителем и военачальником, пусть приятными и благостными покажутся слуху вашему, великих и малых, слова мои — не страшитесь, убоявшись множества язычников, и не покажите тыла перед ужасным мечом мужа смертного, ибо если даст Господь победу рукам нашим, — истребим силы их, чтобы поднялась сторона правая; а если время жизни нашей настигнет в этом сражении священная смерть, — примем ее с радостным сердцем. Но да не примешаем робость к мужеству и храбрости!

Особенно незабываемо для меня, — вспоминая себя и некоторых из вас в прошлом, — как обманули мы этого нечестивого правителя и провели его, как негодного мальчишку. А именно — хотя внешне мы выполнили его нечестивую волю, но в тайных помыслах — сам Господь нам свидетель — до какой степени нерушимо от него мы пребывали. Вы это и сами знаете, — мы искали способа успокоить близких наших, чтобы вместе с ними, дав бой, сразиться с нечестивым правителем за унаследованные от отцов богоданные законы. И поскольку мы ничем не смогли помочь им, да будет [тем более] невозможно для нас изменить Богу для человека ради телесной любви.

А ныне сам Господь в двух или трех битвах помог нам с великой силой, так что обрели мы храброе имя и войска царские жестоко поразили, и *могов*,

не щадя, перебили, и мерзость огнепоклонства из многих мест вычистили, и нечестивый приказ царя отринули и разрушили, волнение моря утишили, — волны, вздымавшиеся, как горы, обратились в равнину, подымавшаяся высоко пена растаяла, звериная ярость затихла. Тот, кто грохотал в тучах, говоря с нами, поник и оказался ниже, чем свойственно было его природе. Кто желал словом и повелением осуществить свое злодейство над святой Церковью, ныне [вынужден] сражаться и луком, и копьем, и мечом. Кто мнил, что мы носим христианство, как одежду, ныне не может заставить сменить ее, как [если бы это] был цвет кожи, и, вероятно, не сможет до скончания [века].

Ибо основания его твердо заложены на недвижной скале, не на земле, а вверху, на небесах, где ни дожди не выпадают, ни ветры не дуют, и не возникают потоки. И мы, хотя телом пребываем на земле, но верою своею обстроились на небесах, где никто не может проникнуть в нерукотворное строение Христово.

Твердо стойте за неколебимого военачальника нашего, который никогда не забудет деяний вашего геройства. О храбрецы, для нас самое большое — это то, что совершил Бог через нашу природу, в чем величайше является могущество Бога. Ибо если, истребляя других ради Божеских законов, обрели мы себе славу и оставили церкви доблестное имя нашего рода, и предстоит нам воздаяние от Господа, который хранит каждого из нас по желанию сердца и по совершенным им делам, — насколько же будет величественнее, если мы умрем за великое свидетельство Господа нашего Иисуса Христа, что пожелали бы и небесные [силы], если бы это было

возможно! И так как эти дары выпадают не всем, а лишь тем, кому они приуготовлены благодетелем Господом, то и нам это досталось не за праведные дела, а от щедрого подателя, как и сказано в святом завете: «Где больше было грехов, там умножились благости Божьи»⁴.

И к нам весьма подходит веление сего ответа. Поскольку мы явились перед людьми как совершенные нечестивцы, вдвое более оправданными явимся людям и ангелам и Отцу всех. Ибо, действительно, в тот день, когда услышали люди о нас в связи с нечестивым делом, много слез было пролито в святой Церкви и еще больше среди наших близких. Да и товарищи наши в гневе грозили нам мечом и желали причинить нам горькую смерть, и слуги наши возмущенные убежали от нас. А чужие, которые услышали о том, что мы именуемся христианами, так как они не были осведомлены о помыслах наших, с причитаниями на устах непрестанно оплакивали нас и по неведению весьма поносили нас. А что самое главное, скажу я, это что не только люди на земле, но и ангелы на небесах отвратили лица свои от нас, чтобы не смотреть на нас со скорбным выражением.

И вот настало время, чтобы сняли мы с себя всякую дурную славу. В то время мы, подобно печальным и скорбящим, были удручены душой и телом, ныне бодрствующие и бдящие телом и душой, умудрились все, ибо видим благодетеля Бога около себя вождем; наш полководец — не человек, а военачальник всех мучеников.

Страх есть признак маловерия, — маловерие мы давно отвергли от себя, так пусть и страх с ним вместе бежит из мыслей и помыслов наших!»

Все это говорил доблестный полководец всему множеству [воинов]. Затем он сокровенно ободрял и укреплял сердца некоторых из них и восполнял недочеты, [проистекавшие] от бедности; чего кому недоставало, он предоставлял от себя и от своих товарищей: у кого не было оружия — он снабжал оружием, кому нужна была одежда — на того одежду надевали, и кто нуждался в коне — давал тому коня. И обильной выдачей дневного пайка⁵ радовал всех и всем являл себя веселым. И, согласно военному обычаю, постоянно повторял перед ними памятные повествования о доблестных мужах, ибо сам он с детства был сведущ в Святом Завете. Взяв в руки прекрасное описание [подвига] Маккавеев, он читал во всеуслышание и подробными словами объяснял им исход дела, как, вступив в бой, они сражались за богоданные законы против царей Антиохийских. Ибо, хотя они погибли в этом же [бою], но слава их доблести до нынешнего времени пребывает не только на земле, но незабываема и на небесах. Он также напоминал воинству и то, как род Матафии, отколовшись, отделился от единения с ним, они подчинялись велению царя, построили капища, принесли жертвы нечестия, отвратившись от Бога, и приняли смертную кару от святых единомышленников, а Матафия и кто были с ним нисколько не ослабели обессилев, но еще более укрепились и участвовали долгое время в том ратном деле.

Это он говорил и там же, на поле, занял место, выстроил войско и со всех сторон расположил по немногу конницу.

А спустя немного⁶ дней Персидский военачальник двинулся со всей языческой толпой и, прибыв, достиг страны Армянской, *гавара* hЕр и Зареванд. И там, в этом же *гаваре*, занял место, окружил [укреплениями] стан, выкопал ров, устроил вал, обвел палисадом, укрепил подобно городу всякими сооружениями. От его войск отделился большой отряд, он совершал набеги, желая разграбить множество *гаваров*.

Когда об этом услышали Армянские войска, избрали от всего воинства одного *сепуһа* из рода Аматуни, по имени Арандзар, исполненного мудрости и храбрости. Он выступил навстречу ему (персидскому военачальнику) с двумя тысячами, истребил большинство отряда, а остальных из них, тотчас [обратив] в бегство, отбросил в их стан. А сам невредимо вернулся к себе, и был в тот день великий радостный праздник для Армянских войск.

А отступник Васак вновь принялся за ухищрения и происки по прежнему своему вероломству. Он разъезжал с лжеиереями, о которых мы раньше сказали, через них оглашал царские повеления и клятвенно уверял, что вновь могут [без опасений] исповедовать христианство.

Так он делал много дней, но не смог расколоть единодушие, особенно же святой обет церкви, который не отделился от воинства.

А когда блаженный иерей Левонд получил соизволение от святых товарищей своих, от великого hОвсепа и всех вельмож, от священников и военачальников, отверз он уста и громким голосом говорил пред посланцами [народа].

«Вспомните все наших древних отцов, которые жили до явления Сына Божия, во все времена.

Ибо когда отторг и низверг нас дьявол из божеского места, оказались мы павшими, под [тяжестью] беспощадного приговора, согласно грехам, что по разнузданности нашей мы содеяли недостойно и навлекли на нас силу Творца в яростном гневе, и побудили милостивого Судью на взыскание с нас творений, нелюбезной мести, до того, что дал Он веление морю небесному излиться на сию сушу, и издырявилось твердое дно земли и действовало супротив. Верхние и нижние стали для нас орудием наказания, чтобы без ходатая взыскать мечь за наши преступления.

Действительно, праведный Ной в роде человеческом оказался совершенным, который утишил раздражение Господнего гнева и явился началом дальнейшего размножения нашего человеческого рода. Затем и Авраам в испытании своем оказался добродетельным и, получив награду от Бога, тут же своими руками воздал Ему взамен, вследствие чего принял его Бог в пример, ибо в нем отраженным увидел незримый приход Сына Божия и взятие непостижимого и заклятие бессмертного, который своею смертью пресек власть смерти. И если смертью умирает смерть, то не будем бояться стать сосмертниками Христа, ибо с кем мы умираем, с тем же и оживаем.

Помните, добродетельные, великого Моисея, которому, до того как достиг он возраста мужества, во младенчестве, явился замысел святого героизма; и дом царя египтян вошел к нему в служение и неволью, как кормилица, вскармливал его; и в час избавления народа своего от утеснения стал посредником между небом и землей, и в то же

время нарекся богом над египтянами. Ибо там, где святой его замысел оказывался возобладавшим, сам он лично взыскивал месть с египтян, а где пребывало над ним Божье откровение, совершил через посох великие чудеса. И ради святой ревности, которую он имел, поразил египтянина и зарыл в песок; вследствие чего дал ему [Бог] великое имя и вождем народа его поставил. И главное то, что оправдался он в пролитии крови и назван был величайшим из всех пророков, истребив не только внешних врагов, но и сородичей своих, которые в пустыне заменили Бога тельцом.

И если Он издалека взыскал такую месть [ради] пришествия Сына Божия, — мы, явившиеся очевидцами и весьма взысканные небесными дарами Его благости, в еще большей мере должны быть мстителями за эту же истину, [но представшую] в ближнее время. Во имя того, кто смертью положил себя за наши грехи, оправдал нас от грозного приговора, положим и мы себя смертью за бессмертную силу ту, чтобы не оказаться слабее, чем прежние мстители.

Вспомните великого священника Финееса, который убиением снял скверну в час сражения и из рода в род утвердил клятвенно священничество. Не забывайте и святого пророка Илью, который не мог спокойно взирать на идолопоклонство Ахава в праведной ревности и умертвил своею рукой восемьсот и дважды пятьдесят спалил неугасимым огнем и, взыскивая Божью месть, в неуловимой грозной колеснице с земли на небо поднялся. Вы также достигли великого жребия, ибо уже не колесница добродетели [дана] вам для поднятия, и сам Господь, выйдя навстречу с могучей силой ко-

лесниц и коней, со святыми ангелами, вырастит у всех вас крылья, чтобы вы стали Ему спутниками и Его же согражданами.

И что же еще мне повторять пред этим вашим доблестным геройством, ибо вы больше меня сведущи и умудрены в Святых Писаниях. Давид в отроческом возрасте камнем поверг великий мясной холм и нисколько не убоился огромного меча того исполина, рассеял полки иноплеменных, спас войска от смерти и народы от пленения и явился первенцем царей Израильских и наречен отцом Сына Божия. Он был так назван по требованиям времени, а вы, воистину рожденные от Святого Духа, — вы Сыны Божьи и сонаследники Христа. Да не отнимет никто от вас вашу долю и, сделав вас чужаками, изгонит вас!

Вспомните всех прежних полководцев Израиля — Иесу, Гедеона, Ефтайю и всех других, которые пребывали в истинной вере, они поразили, истребили войска язычников и очистили землю от скверны идолопоклонства. И ради твердости в праведных деяниях — нисколько они не поколебались в замыслах своих — солнце и луна без ушей услышали и выполнили слово их повеления, море и реки, что им не свойственно, открыли перед ними дорогу. И высокие стены города [Иерихона], от одного звука [труб] упав, разрушились ради возмездия за праведные законы. И другие все, которые совершили доблестные подвиги за веру, каждый в свой век, восхвалены людьми и оправданы Богом.

Действительно, Господь все тот же — от начала и до сегодня, и на после, и во веки веков, и по ту сторону веков. Он не обновляется, ибо не ветшает, не обращается в ребенка, потому что не стареет, не

меняется неколебимая природа Бога, как и сам Он говорил устами святых пророков: «Я семь, Я есмь, Я тот же от начала до веку, ни славу свою другому не даю, ни доблесть свою — изваянным»⁷.

Зная это, братья, да не впадем в ослабление, но с твердым сердцем и с крепкой верой охотно нападём на врагов, которые, воспрянув, идут на нас. Нам надежда является вдвойне: если умрем, — будем жить, а если умертвим, — предстоит нам та же жизнь. Вспомним слова апостола, который говорит: «Вместо той радости, которая Ему предстояла, принял на себя претерпение смерти и смерти на кресте. Ради сего и Бог Его больше возвысил и дал Ему имя, которое превыше всех имен, ибо при имени Иисуса Христа преклонятся все колени, и небесных и земных и тех, кто в преисподней»⁸.

И тот, кто истинно присоединился к Сыну Божию, духовными очами видит незримый чистый свет лучей мыслимого солнца⁹, которое в каждый час и каждый день, ярче сияя, является всем и привлекает взгляд, чистовидное и чистосмотрящее, [наделенное] прозрачной чистотой привлекает взоры и, распространившись по небу, приближает к неприближаемому видению и могуче склоняет к поклонению трем членам единой силы. И вот, кто по божественным ступеням ступал и в высоте достигал дворца и видел полностью все величие, только тот наследует непреходящую радость и беспечальное утешение.

Не будем же, честные мои государи, поднявшись настолько ввысь, валяться, упав отсюда на землю, но закрепимся, заняв место там же, в выси. И если будем взирать вниз на землю, то увидим ее полной всякой скверны и нечистой мерзости. Ибо

какие только несчастья и смуты не совершаются среди осквернителей?! Нужда нищих и бесчисленные их страдания, тяготы и лишения от сборщиков податей, презрение и побои от насильственных сотоварищей¹⁰, голод и жажда вследствие немощи природы. Морозы зимнего времени и зной летнего, безвременные хвори и смертельные болезни всегда мучат людей. Страх перед внешними и ужас от внутренних [врагов] непрерывно постигают их, они прежде времени жаждут смерти и не находят ее, и много таких, которые роют и ищут и бывают полны радости, когда ее находят. А те, кто кажется нам удачливым в богатстве и нежится в этой преходящей жизни, возомнив, гордятся преходящими частями мира сего, это те, кто ослеп для истинной жизни. А какие только злодеяния не совершаются среди них?! С богатством смешано ограбление бедных, со святым супружеством — мерзкий блуд! Тому, чем они неразборчиво пользуются, приносят они поклонение как богу, отклонившись от истинной жизни.

Разве не весь этот мир есть творение Творца всех? И то, чему они поклоняются и что почитают, действительно, есть часть той же материи! И вот части пребывают в служении у частей! Ибо если одна часть сего мира тленна, то все части должны с нею разрушиться. Но и в этих частях должно проявляться различие. Итак, что лучшее — известно всем, и кто способен понимать — тот и есть избранный из этих частей. А если это так, то из всех [атрибутов] поклонений языческих, того, чему поклоняются, — поклоняющиеся превосходят бессловесные элементы, у которых они состоят в мерзком служении. И Бога существование, кото-

рый принял облик человеческий, они не почитают, а приносят поклонение творениям. Этому греху нет прощения на праведном суде.

Так отринем же темные замыслы заблудших, сочтем их самыми жалкими и несчастными из всех людей, особенно потому, что ослепли они по своей воле, а не по принуждению и никогда не найдут пути истины. А мы раскрытыми очами видели небесный свет, да не встретится же нам внешняя тьма. Ибо, кто был во тьме, к тем пришел свет истинный. Жизнь упустили ослепшие. А вы, кто верою принят, вы — сыны, а не пасынки, любимые, а не враги, дольники и наследники горного незримого города¹¹.

Там пребывает Вождь спасения нашего, здесь Он доблестно претерпел мучения, и Он же научил всех соратников, соучастников своих, апостолов, с которыми и вы сегодня вновь являетесь, благословенные верой против незримого врага, одетые в доспехи и броню, лицом к лицу с соучастниками сатанинского дела. И так и иначе вы предадите поражению обе стороны, как это сделал сам Господь по отношению к миру. Казалось, Он умер, но Он в то время претерпел совершенное мученичество, поверг противника, в сражении победил, врагов рассеял, добычу собрал, пленных отбил, дары роздал всем своим любимым, по добродетели каждого.

Все вы знаете, что прежде, когда наступало для вас дело ратное, хотя и был у вас обычай, чтобы священники постоянно были в лагере, в час боя, поручив себя их молитвам, вы оставляли их в каком-либо надежном месте. А сегодня епископы и иереи, и диаконы, и псаломщики, и чтецы Писания, каждый в установленном облачении, словно одетые в доспехи и готовые к сражению, желают

вместе с вами напасть и разить врагов истины. И если некоторым из них доведется даже умереть, то и этого они не убоятся, поскольку они предпочитают умереть, чем убивать.

Они как бы обрели вторые очи: очами веры они видят побиение камнями пророков, а телесными глазами — доблесть этого вашего геройства. В вас [также] мы видим то и другое [качество]: ибо и вы сами видите мучения святых апостолов и убиение всех доблестных мучеников, смертью которых утвердилась святая Церковь, а пролитие ими крови послужило во славу вышним и нижним. Итак, до второго пришествия такое же подвижничество совершается мучениями добродетельных и избранных героев, среди которых и вы явились сегодня и вашими святыми просветителями званы достичь сонма их и стать наследниками обещанных непреходящих благ, [исходящих] от Христа Иисуса, который благословен вовеки».

Столько сказал в ту ночь святой иерей Левонд и, славословя, закончил, произнеся «аминь». И, установив престол, совершили Пресвятое таинство; установили и купель, и сколько было некрещеных среди множества войска, в течение той ночи окрестили всех, а утром причастились Святых Тайн и стали такими озаренными, как в Великую святую господнюю пасху.

И с великим веселием и большой радостью воскликнуло все множество войск, и говорили они: «Да уравниется наша смерть со смертью праведников и пролитие крови нашей с [пролитием] крови святых мучеников, и да будет угодна Богу добровольная жертва наша, и да не отдаст Он Церковь свою в руки язычников!»

После этого, когда полководец Персидского войска увидел, что не найти более посланцев для введения их (армян) в заблуждение и отпала надежда [на успех] его ожиданий рассеять их, [оторвав] от нерушимого согласия, — тогда вызвал он нечестивого Васака и всех *ишханов-отступников* из страны Армянской, которые были при нем; расспрашивал он их и учился у них ухищрениям [для достижения] победы. И когда он достиг осведомленности о доблестях каждого из мужей, то вызвал многих из военачальников, которые были у него в подчинении, и приказал привести стада слонов, распределив их по различным отрядам, и при каждом слоне по три тысячи тяжеловооруженных, кроме всех других войск.

Беседовал он, по велению царя, и со знатнейшими и говорил: «Вспомните каждый повеление царя великого и поставьте себе целью обрести славу храбрости, перед жизнью труса предпочтение отдайте смерти. Не забывайте о елее и венце, и ветви, и щедрых дарах, которые жалуются вам от царского двора. Вы теры соответствующего *гавара* и имеете великую власть. Вы сами ведаете о храбрости страны Армянской и по опыту знаете геройскую отвагу каждого [их] мужа. Быть может, вы, потерпев поражение, оставшись в живых, лишитесь того большого имущества, которым вы обладаете. Помните о ваших женах и детях, помните о любимых ваших друзьях; быть может, вас будут попирать ногой внешние враги, а скорбь вы разделите с внутренними друзьями».

Он также напоминал им о многих из бежавших сотоварищей, которые, хотя и вышли живыми из

сражения, но понесли смертную кару от меча, сыновья их и дочери и вся их семья оказались причисленными к *анапхарникам* и все наследственные *гавары* их у них отобраны.

Это он говорил и больше сего устрожал царское повеление. Приводил в порядок и устраивал все войско, расширял и удлинял фронт в длину большого поля. И справа и слева от каждого зверя снаряжал по три тысячи тяжеловооруженных, а самых отборных витязей собрал вокруг себя. И укрепил полк Матеан¹², как некую могучую башню или словно неприступный замок. Раздавал значки, распускал знамена, и приказывал быть готовыми к сигналу великой трубы. А Апархский отряд, [отряды] Катшев, Онов, Гелов¹³, а также людей из всех отборных войск сосредоточил в одном месте вместе и дал повеление правому крылу своего войска быть наготове против полководца Армянского.

А отважный Вардан выступил вперед, расспрашивал своих вельмож, и в согласии с общим мнением так назначил военачальников:

Первый полк отдал под власть князя Арцруни и в соратники ему [определил] великого князя Мокского. А все прочее *нахарарство* [назначил] *хамхарзами* [этих] обоих и множество войска расположил на крыльях, с одной и с другой стороны.

И второй полк он вверил Хорену Хорхорунни и в соратники ему [дал] Энджайна и Нерсеа Каджберунни.

И третий полк вверил Татулу Ванандаци и соратником его повелел быть Тачату Гнтуни, и многих из храбрых мужей [поставил] по крыльям, с той и с другой стороны.

На себя он взял полк четвертый и в соратники себе [взял] храброго Аршавира и родного брата своего Амазаспеана.

Располагал и устраивал он фронт, обращая его на все стороны поля, в точности против полка Ариев, на берегу реки Тлмут¹⁴.

И когда они таким образом приготовились, обе стороны распались и, полные решимости и великой ярости, со звериной силой бросились одна на другую, и шум криков обеих сторон создавал гром, какой [рождается] между столкнувшимися тучами, а звучание голосов потрясло утесы гор. От множества шлемов и от одетых в сверкающие доспехи исходили как бы солнечные блики, также и от великого блеска мечей и от бряцания множества копий загорались, [падая] с небес, как бы огромные вспышки пламени. Кто в силах описать великое смятение от страшных звуков, когда сшибка щитоносцев и завывание лучных тетив оглушали всех вокруг!

Там можно было видеть и великое смятение и отчаяние от неизбежного замешательства обеих сторон, когда в стремительных атаках [противники] набрасывались друг на друга. Ибо трезвые ошалевали, а робкие приходили в отчаяние, храбрецы упражнялись в доблести, герои испускали клич. И когда все множество сражающихся сгрудилось вместе, они стиснули реку, и полк Персидский, испугавшись бурного течения реки, стал топтаться на месте, а полк Армянский, подоспев, перешел [реку] и, вздыбив коней, атаковал их с великой силой. От ужасного столкновения их между собою множество раненых с обеих сторон повалилось на землю, трепеща в агонии.

При этом великом смятении храбрый Вардан взглянул наверх и увидел отборных храбрых витязей Персидского войска, как они потеснили левое крыло Армянского полка. С великой мощью бросился он туда и, прорвав правое крыло Персидского полка, ударил на зверей и, окружив кольцом, избивал их тут же на месте. И вызвал такое замешательство, что полк Матеан, будучи прорван, лишился своего крепчайшего построения и воины даже обращались в поспешное бегство.

А затем поднял бдительный взгляд Мушкан Нисалавурт и увидел, что некоторые из Армянского полка отделились и отстали в ущельях гор. И тогда, подняв громкий клич, он подбодрил находившееся вокруг войско Ариев, которое, закрепившись, стало перед полком Вардана. Тут-то обе стороны признались в своем поражении; вследствие громадного нагромождения трупов они казались бесформенными горами камней.

Когда Мушкан Нисалавурт увидел это, он стал поджидать зверей Арташира, который восседал на [одном из] них в высокой башенке, как в укрепленном городе, и громким звуком закрученных труб торопил свои полки и окружил его (Мушкана Нисалавурта) передовыми отрядами.

А доблестный Вардан со своими храбрыми соратниками немало побилоще произвел там, в том месте, где и сам он удостоился принять священное мученичество.

Ратное дело затянулось, день кончался и близился к вечеру; многих тяжелораненых постигла смерть, особенно вследствие нагромождения трупов, тесным-тесно наваленных, как срубленные в лесу деревья.

Там можно было видеть преломление копий и сокрушение луков. Вследствие этого не могли уверенно опознавать святые тела покойных, и великое было смятение и паника [среди] поверженных с обеих сторон. И те, кто выжил, смятенные рассеялись по горной равнине [между] неприступными ущельями, и когда встречались между собою, они вновь разили друг друга. И до самого захода солнца непрерывно продолжалось это горькое дело.

И так как пора была весенняя, обильными потоками крови были залиты цветущие поля. И если кто рассматривал нагромождения трупов павших, сердце разрывалось и внутренности переворачивались при столах раненых и воплях изувеченных, [при виде того как], извиваясь, ползали и двигались раненые, [при виде] бегства слабодушных, притавивания отчаявшихся, обморока немужественных мужей, [при] воплях жен, плаче близких друзей, стенаниях родных: «Увы!» и «Горе!». Ибо не было стороны, которая победила, и стороны, которая понесла поражение: доблестные выступили против доблестных, и потерпели поражение обе стороны.

Но так как в великом сражении пал *спарпет* Армении, то не оказалось там верховного вождя, опираясь на которого собрались бы отряды уцелевших. Хотя оставшиеся в живых по сравнению с теми, кто погиб, составляли большинство, но они рассеялись и рассыпались в разные стороны; достигнув же в различных местностях крепостей [этой] страны, бросались туда и овладевали многими *гаварами* и замками, которых никто не мог бы взять.

Вот имена тех доблестных витязей, которые смертью пали там на месте:

Из рода Мамиконеанов храбрый Вардан со ста тридцатью тремя мужами;

Из рода Хорхоруни доблестный Хорен с девятнадцатью мужами;

Из рода Падунни храбрый Артак с пятьюдесятью семью мужами;

Из рода Гнтуни изумительный Тачат с девятнадцатью мужами;

Из рода Димаксеан мудрый hМайеак с двадцатью двумя мужами;

Из рода Каджберуни великолепный Нерсеh с семью мужами;

Из рода Гнуни юный Ваhан с тремя мужами;

Из рода эНцайин праведный Арсен с семью мужами;

Из рода Сруандзта стремительный Гарегин с двумя братьями и восемнадцатью мужами.

Эти двести восемьдесят семь витязей с девятью великими *нахарарами* там же на месте скончались. И из царского дома и дома Арцруни и из каждого *нахарарского* дома, кроме этих двухсот восьмидесяти семи, [пали] еще семьсот сорок мужей, и в тот день в этом великом сражении каждый вписал свое имя в книгу жизни. А всех вместе будет тысяча тридцать шесть.

А на стороне отступников и язычников¹⁵ пало в тот день три тысячи пятьсот сорок четыре мужа. Из них девять мужей были из высших вельмож, вследствие чего Мушкан Нисалавурт был чрезвычайно глубоко поражен. Когда же в особенности он увидел несметные потери своего полка — второе

против войска армян, то рухнула мощь его, и он не мог прийти в себя и сосредоточить мысли. Ибо кончилось сражение не так, как он предполагал. Когда же, в особенности, он взирал и видел множество павших с его стороны, да и подсчитывал их и находил такое превышение числа своих павших над [количеством павших] из полка армян; тем более когда это касалось замечательных мужей, которых самолично и поименно знал сам царь, — сей муж пребывал в великой тревоге за самого себя. Правдиво описать и показать положение дел — он боялся царя, а с другой стороны, и скрыть не мог, ибо не смог бы утаить столь великую битву.

И пока он так размышлял о себе и сокрушался в мыслях, отступник Васак, который спасся, притаившись между слонами, приносил утешение его смятенным мыслям, коварно учил его уловкам, как сражаться вероломством против крепостей. Клятвы, [данные армянам], он скреплял [ссылкой] на царское повеление и своим личным свидетельством и [подтверждением] лживых священников, которые были с ним; он их отправлял ходатаями и изображал прощение восстания, словно даже вновь разрешено церковное строительство и при этом все порядки снова будут установлены согласно прежнему обычаю. Хотя повеление царя было дано весьма определенно — вследствие того, что очень сломилась его сила, так как оба его фронта понесли поражение, — но армянское войско ввиду коварства Васака и поскольку оно много раз убеждалось в его лживости — повелению царя не могло тотчас же поверить.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В КОТОРОЙ ПО ПОРЯДКУ ОПИСЫВАЕТСЯ
ПОСЛЕДУЮЩАЯ ДОБЛЕСТЬ АРМЯН
И ЕЩЕ БОЛЕЕ ЗЛОДЕЙСКОЙ ВЫСТУПАЕТ
НЕЧЕСТИВОСТЬ ВАСАКА

Тогда снова он (Васак) подстрекал Мушкана Нисалавурта и всю знать Ариев. Взяв войска, он достиг крепости, в которой засел один из отрядов войска Армянского вместе со святыми священниками, и, завязав бой, сражались они вокруг замка. И так как не смогли они никак воздействовать на них, снова прибегли к клятвенным обещаниям, чтобы по договору вызвать их вниз, [заверив], что не причинят им никакого зла и вторично и в третий раз дали понести Евангелие [для присяги]. Хотя священники и соглашались спуститься и явиться, но многие из воинов не могли поверить лживой присяге Васака, ибо злым советам Васака стал следовать Мушкан Нисалавурт.

Один из храброго Армянского воинства, по имени Бак, который, бежав, попал в этот замок, выйдя на стену, сыпал бранью нечестивого и показал перед Персидским военачальником все те злодеяния, которые тот причинил стране Армянской. Услышав это, многие, не только с армянской стороны, но в еще большей степени из Персидского войска, оправдывали это обличение. Этот муж

в ту же ночь вышел с семьями мужей из этого замка, и его не смогли схватить.

А те, кто остался в крепости, хотя они и знали поистине о лживости их клятв, но не имели внутри припасов. Когда они, поневоле опустившись, предстали перед [Персидским военачальником], он приказал убить из их числа двести тринадцать мужей.

Воскликнули все они и сказали: «Славим тебя, Господи Боже наш, что удостоил нас призыва небесного, пока стоят церкви и нерушимы храмы мучеников и единокрушен и красуется святой обет Церкви. Да уравниется наша смерть со смертью доблестных мучеников, и да смешается наша кровь с кровью павших от ран [в бою], и да пребудет благоволение Господа над Его Церковью и над множеством жертв, добровольно всходящих на сей святой престол!» Говоря это, они, двести тринадцать [мужей], тут же приняли конец.

А святые священные, которые оказались там, в крепости, сии блаженные *h*Овсеп и Левонд, со многими своими сотоварищами, представили свои шеи главе палачей, говоря те же слова, что сказали те двести. Ибо не было у этих блаженных привязанности к телесной жизни, но с мудростью искали они способа, чтобы заменой искупить благополучие всей страны. Вследствие сего они возгласили жалобу ко двору и всю [вину] за восстание возложили на нечестивого Васака. Когда это услышал Мушкан Нисалавурт, он не посмел наложить на них руку, [предав] смерти, но, избив палками *h*Овсеп и Левонда, велел держать их в заключении, так как они возглавили жалобу ко

двору. А других священников отпустили, каждого к себе, отдав распоряжение по поводу устройства и успокоения страны.

Но люди Армении, которые разобрались в переменчивости царских повелений и [в действиях] злоумышленного отступника Васака, нисколько не поверили мнимому прощению, а подбадривая друг друга, говорили: «К чему нам вся эта жизнь в полном превратностей мире, к чему нам видеть солнце, когда нет больше дорогих нам? Ибо если пали в великой битве храбрые герои наши и множество раненых распростерлось на поле в потоках крови, и их тела стали добычей для птиц и пищей для зверей, а чтимые *нахарары* наши впали в унижение нужды, лишились каждый своего *ишханства* и их преследуют лишения, и все благополучие Армении оказалось под опасностью гибели и в невыносимом осквернении, то не будем следовать этим лживым повелениям, попадая под власть незаконных князей».

Покинул затем каждый [свои] деревни, *аваны*, *агараки*. Вышли невесты из брачных чертогов, женихи — из покоев, встали старцы, покинули сидения, и младенцы выпали из объятий; уходили юноши и девушки, множество мужчин и женщин находили оплот в крепостях, [окруженных] пустыней, и во многих надежных местах в горах, считая, что лучше в богопочитании пребывать среди скал, подобно зверям, чем в отступничестве нежиться каждый в своем доме. Безропотно довольствовались пищей из трав и не вспоминали привычных им кушаний. Землянки они почитали за палаты высоких зданий и постель на земле за расписные альковы¹.

Псалмы были для них песенными напевами, а чтение Святого Писания — высшей радостью. Каждый человек в душе был церковью и сам же священником. Тело каждого было святым алтарем и души их — благоприемлемой службой. Ибо никто из них безутешно не оплакивал павших от меча, и никто не рыдал, оплакивая своих любезных. Радостно восприняли они разграбление многого добра и вовсе не вспоминали, было ли у них имущество. Терпеливо пребывали они в отшельничестве и с замечательной доблестью переносили великое мученичество. Ибо если бы не видели открытыми глазами надежду радостную, то не могли бы проявить столь великую доблесть.

Ибо многие из великих *нахарарских* родов, и братья, и сыновья, и дочери [их], вместе со всеми любезными своими [обосновались] в неприступных местах, некоторые — в сумрачной стране Халтик, многие другие — в южных краях, в неприступных твердынях Тморика, а часть в густых лесах Арцаха, а другие в самой Срединной Армении захватили многие крепости. И все с великим терпением переносили многие лишения ради любви ко Христу и, моля, просили Бога только о том, чтоб не пришлось им видеть разрушение церквей.

Но, как многократно показывали мы злобность нечестивца, он подстрекал и понуждал войска Персидские из ближних краев страны, [так], чтобы явилось по царскому велению в подмогу им² войско. И когда прибыло много конницы, то восполнила она число павших и стала рать по численности прежней. И двинулись они вперед в Срединную область и, завязав бой, сражались под великой крепостью горы Капойт. А те, кто

был внутри, храбро сражаясь, поражали многих из Персидской рати, а остальных обратили в бегство в их стан. А те, вновь прибегнув к уговорам, стремились подчинить их обманом.

Когда никто не поверил [их призывам] опуститься к ним — чтобы не оказаться во власти врагов, [став жертвой] коварного предательства, — то на основе клятвенных обещаний одному священнику, имя которого было Аршен, пришлось спуститься к ним. Говорил он с ними искренне и сокрушенно, указывал им на безвредность исхода [из крепости] безвинных, разжалобливал отступника Васака, с мольбой напоминал ему прежний чин христианского обета, чтобы хоть немножко сменил он крайнюю озлобленность на сладость. Но он ничуть не внимал и пренебрег обильными его речами, связал и отправил блаженного и тех, кто с ним спустился. Когда же, в особенности, он увидел, что полководец следует по его воле и советам, начал он направлять во многие места карательные отряды, и множество людей, которых находили вне крепостей, увели они в плен и, вооружившись факелами, многие места предали огню.

А те, кто был в крепостях Тморика, когда услышали обо всех этих злодеяниях, которые совершили царские войска, сочли, что пребывание в укреплениях не дает никакой пользы и выгоды. Храбро выйдя, они с помощью постоянно [пребывающих] в крепости совершили нападение и, достигнув ближней области Персии, безжалостно избивали и проливали потоки крови, а оставшихся в живых, взяв в плен, увели и заключили там же в крепостях, а строения страны, вооружившись факелами, делали пищей огня.

Затем и те, кто был в горах Халтика, когда увидели, что Персидские войска дерзко и без страха располагаются в неприступных местах страны Армянской, набросились с великой силой на изобилующий ущельями *гавар* Тайк³. И застигли многочисленный отряд царских войск, которые желали покорить [обитателей] укрепленных мест страны; они думали также, что сокровища *нахараров* находятся там, вследствие чего безжалостно обыскивали эти местности.

Увидели также они там, что в двух деревнях были сожжены церкви; поэтому еще больше они отдались страсти гнева. Набросились, сшиблись лицом к лицу и решительно победили, сломили, низринули силу Персидского отряда и перебили многих из них, а остальных обратили в бегство и изгнали из страны.

И при столь неудержимом нападении только блаженный *hМайеак*, брат *спаранета* Армении Вардана, сражаясь с беспощадной яростью, геройски пал за священный обет единодушия. А все остальные, невридимом оставшись в живых, преследовали по пятам беглецов.

И когда все так свершилось, войска царя переустали безраздельно соваться повсюду, особенно же остерегались касаться рукой церковей. А затем вторично стали запрашивать дворец.

А те, кто в бегстве попал в леса Арцаха, отнюдь не стали пребывать там мирно и втихомолку, а часто посылали [гонцов] в страну *hОнов*, шевелили и понуждали войско *hОнов* и напоминали им о договоре, который был ими заключен с Арменией и скреплен нерушимой клятвой. Многие из них были расположены благосклонно слушать эти слова, хотя

и строго осуждали их (hOнов), говоря: «Почему вы не явились, подготовившись к сражению».

И сначала не сумев прийти между собою к согласию, они затем собрали многочисленное войско, не мешкая, напали и достигли границ Персидского государства. И поразив много областей и еще большее число [людей] взяв в плен, отвели в свою страну и открыто показали царю свое единодушие с войском Армянским.

А когда вести обо всем этом дошли до Персидского полководца, он пришел в ярость и в великом гневе нагромождал обвинения против нечестивого Васака, как будто тот был началом и приводчиком всех бед, которые произошли. И тотчас, тронувшись в поход, он достиг страны Персидской; он написал и доложил все в точности во дворец и вину за это дело взвалил на отступника.

Когда царь услышал о всем разорении, причиненном стране, и проверил обстоятельства великого сражения, он сломился, сдал в великой своей кичливости и, приумолкнув, прекратил каждодневные обманы и замыслы. Он изучал и расследовал роковые ошибки, [допущенные в этом деле], и желал [все] рассмотреть, говоря: «Кто бы меня правдиво осведомил об обстоятельствах этого дела?» А тот, кто там при царском дворе был наилучше осведомлен об этом нечестивом деле, тот же *назаранет* Мирнерсеһ, выступив вперед, говорит царю: «Я тебе скажу это, храбрый царь! Если ты желаешь в точности услышать правду, вели призвать тех, кто является главарем христиан в Армении, и они охотно явятся и все правдиво тебе скажут».

Тогда одному из высших *нахараров*, по имени Атрормизд, чей *ишханский* удел находился вплотную у границ Армянской страны и кто был

помощником полководца в этой войне, написал он и поручил ему страну Армянскую, в качестве *марзпанства*. А Мушкана Нисалавурта со всеми оставшимися войсками снарядил в страну Албанов, Лбинов и Чилбов, и [в страну] ЂЕчматаков, и [в страну] Таваспаров, и [в страну] Хибиован⁴, и во все крепости, которые были разорены войсками ЂОнов по уговору с армянами. Поскольку царь был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна, только-только смогли построить и которая в это время, будучи взята с легкостью, была разрушена, причем не было даже надежды на ее восстановление... А Васака вместе с главными христианами повелел вызвать ко двору.

Итак, этот *марзпан* Артрормизд прибыл и вступил в страну Армянскую мирно, с любовью. По царскому велению вызвал он к себе Саґака, святого епископа Рштуника, чтобы узнать у него подоплеку восстания. Хотя и он (Саґак) разорил один *атрушан* и многим мучениям подверг служителей огня, но нисколько не убоился прийти на площадь суда.

Затем и из дома Арцруни некоего благочестивого иерея, по имени Муше, который архиепиствовал в стране Арцруни; он разорил одно капище и много мучил *могов* оковами и пытками; и он нисколько не убоился, и по своей воле предстал перед *марзпаном*.

И еще другие два блаженных священника, имена которых были Самуел и Абраґам,— и они разрушили *атрушан* в Арташате и еще ранее были заключены в оковы отступником Васаком; доставили и их к честным их товарищам.

Привели туда же и великого *hOвсеп*а и *Ле-вонда* и *Каджаджа* и *Аршена*. И когда *марзпан* узнал и осведомился от всех от них, он написал и доложил все во дворец истинно так, как услышал из их уст.

А *Васак*, хотя он и поспел прежде ко двору и, изворачиваясь, как ему заблагорассудится, рассказал все лживо, — не смог он оправдать себя в глазах царя. А [царь] ответил ему, говоря: «Когда явятся и христиане, всенародно выслушаю на суде».

А те святые священники, так как их вели в оковах, спустя [лишь] два месяца и двадцать дней достигли царской зимней ставки. Как услышал великий *hазарпет*, что доставили их в город, сам лично повидал их. Но хотя он разузнал и услышал от них все, он не мог наложить на них руку и предать их мучениям, так как многие из армянских *нахараров* продолжали удерживать захваченные крепости страны, и *марзпан* все еще пребывал в опасениях. Поэтому он приказал содержать этих святых под строгой охраной и велел лаской покорить страну, ради чего и сам он ездил [по стране] и собирал и устраивал, во исполнение договора.

И епископам повелел каждому вступить в [пастырское] владение соответственного *ишханства*, согласно прежнему обычаю открыто совершать богослужение, появляться всенародно без страха. Также допускал их к себе, удостаивал их подарков и подношений. И так как многие области были захвачены и разорены войсками, велел снять подати со страны, а также облегчил на некоторое время [выставление] царской конницы. И инокам, которые ушли и скрылись, повелел вернуться и занять каждому свое место.

«Весь чин богослужения, как имели в прежние времена, при предках, так пусть держат и теперь. А если окажутся такие, что ушли в какую-либо отдаленную страну, — на то я имею полномочия от двора: будь они из *азатов*, или *шинаканов*, или из церковных, — все добро, что они оставили, — пусть явятся и получают каждый свое имущество».

Это он говорил и клятвы скреплял и рассылал в разные концы [страны]. Таким образом, многие явились и собрались и получили каждый свое владение.

А важнее всего то, что рассылал он грамоты от дворца, чтобы если кто против воли, подчиняясь силе, принял *могство*, то чтобы он тотчас обратился к христианству. И встречно говорил [сам] царь [тем], кто был в царском доме: «Если кто не охотою следует вере маздезнов, на таких и боги гневаются, и я [этим] нисколько не доволен; и ныне такое же повеление даю всем, предоставляя [это] воле человека, согласно мыслям каждого; кто чему желает поклоняться — пусть и поклоняется. [Ведь] все — мои подданные». Это он говорил и по всей стране дал письменное повеление.

Когда услышали и увидели это многие, рассеянные и разбросанные по отдаленным местам, являться они стали и получать каждый свое имущество. А *нахарары*, которые пребывали в крепостях страны или на далекой чужбине, когда увидели [возрождающееся] благополучие страны, а особенно утверждение церкви, ободрились и обрели смелость предстать перед царем. Ради сего отправили сообщение *марзпану* страны, чтобы доложил он двору слова *нахараров*. А он немедленно, по велению царя, приказал доставить им от дворца грамоту благоволения и незыблемую клятву. Хотя

и знали они горечь этого господства — что лживы они во всем, — но пожелали быть со мученикам и с теми святыми, чтобы если даже будет им предстоять смерть, нисколько не убоиться в страхе.

И когда об этом услышал царь, он велел вызывать их к нему, не в оковах, а с не связанными ногами и не связанными руками. Доставили они немедленно каждый свою жену и сыновей и свое имущество и сдали в руки *марзпана*, а сами спешно отправились в царскую зимнюю ставку.

И пока еще царь был там, в зимней ставке, учредил по поводу их следственное присутствие. И воссел *назарет*, чтобы выслушать обе стороны. И когда обвинение растянулось на много дней, то была признана повинной сторона отступников.

Ибо предъявили грамоты, которые дал Васак и все те, кто был с ним воедино в договоре [участия] в восстании: одну грамоту в страны Иверов и одну грамоту в страны Албанов, также и одну грамоту, (направленную) в Аддзник, и одно послание к царю Греческому, и одну грамоту к великому *спарпету* Антиохии. И ко всем этим грамотам была приложена удостоверяющая печать Васака. Он был замешан также и в убиении *могов* в Зарепаване. И [относительно] многочисленных замков, которые они (восставшие) отняли у персов, выявили его приказы и грамоты, ибо в то время он был *марзпаном*.

Также и один *нахарар*, [тот самый], которого он отправил в качестве посла в Грецию и имя которого было Атом, из рода Гнуни, — он, выступив обличал его перед великим присутствием, [предъявив] то самое послание, которое он ему дал за своей печатью.

Предъявил ему обвинение также и Мушкан Нисалавурт и выявил, вместе со своими товарищами-соратниками, что и после окончания войны Васак дал пролиться многой крови; как он лживой клятвой обманывал и побуждал спуститься из замков, как одних из царских слуг и служанок⁶ он истреблял, а других уводил в плен. И сверх всего этого вреда он еще оказался вором податей страны, которые направлялись в царскую казну.

И из его товарищей-отступников были многие, кто выявил его злодеяния, которые он совершил в отношении Армянской страны. И [некоторых] оставшихся в живых могов и пуштипанов, которые [прежде] пребывали в окопах, а потом были доставлены во дворец, спросили о нем и говорили: «Вам что-нибудь известно о его злодеяниях?» Они дали ответ и сказали: «Все мучения, которые случились с нами, и многие поражения, которые понесли царские войска, и разорение, и плен страны Армянской, и утрата царских податей — во всем началом и приводчиком бед был этот муж!»

И пока еще все это обвинение против него нагромождалось в течение столь многих дней, выступили и его сородичи, которые еще прежде были его обвинителями перед царем, и начали по порядку показывать и выявлять, что подружился он с *h*Оном *h*Ераном, в согласии с царем Баласакана, в то время, когда этот *h*Еран истребил в Албании Персидские войска и в наезде своем достиг страны Греческой, и много пленных и добычи отправил из Греции, и из Армении, и из Иверии, и из Албании, так что сам царь постиг эти замыслы и казнил царя Баласакана. В то время Васак и был *марзпаном* Армении и оказался причастным к замыслам

царских врагов. Так показывали и выявили его сородичи, потому что они знали хорошо и даже были [глубоко] осведомлены о его злых замыслах; все это они показывали и выявляли пред [лицом] царя; и другие еще более многочисленные вероломства его, как обманно вел он свою жизнь, не только в отношении товарищей, но и в отношении лично самого царя, ибо он никогда, с детства, не действовал правдиво.

Тогда *hазарпет* дал приказ и говорит: «Приведите сюда также из тех кандалников, которые находятся там в тюрьме!» Освободили от оков и привели из числа тех блаженных Саһака, епископа Рштуника и святого hОвсепа и иерея Левонда.

И когда перед ними упали [словесные] покровы [обвинительной] речи на судилище, дал ответ епископ Саһак и говорит: «Те, кто явно отступился от истинного Бога, не ведают, что творят или что говорят, ибо омрачены их помыслы; господ своих они почитают с лживыми отговорками, а с товарищами своими заключают обманные обеты. Они суть ловушки сатаны, ибо именно через них он осуществляет волю свою во всей ее горечи, как это видно и вот по этому самому Васаку. Ибо, пока он слыл за христианина, он мнил внешне прикрыть и скрыть все свое злодейство в отношении вашего несведущего управления и все свое коварство прикрывал христианством. Отсюда и вы сами вообразили [невероятное], весьма высоко почтили его, больше, чем он был того достоин. Вы ему доверили страну Иверию — спросите, довольны ли они им? Вы дали ему терство над Сюником — послушайте его же сородичей, что они рассказывают о нем. Вы сделали его *марзпаном* Армении; то, что с

великим трудом приобрели ваши предки, — он в один год [уничтожил], погубив всю страну. Видно же — как только спало с него честное имя Божье, которое он обманно носил, обнажилось все его злодейство. Ибо если он оказался лживым пред своим Богом, то пред кем же из сих смертных окажется правдивым?!

Разве же вы не слышали и прежде все обвинения против него, которые ныне стали явными? Но вы сами прекрасно знаете, ради чего вы его покрывали. Мне так кажется, что он вас порадовал пустой надеждой. Но ни вы, ни он, ни те, кто придет [в жизнь] после вас, не сможете увидеть подобное, исходящее от нас. Итак, поступайте с ним, как вам угодно! Зачем же вы спрашиваете нас?!»

Удивился великий *хазарпет* его суждениям и мысленно исследовал все слова [обвинения] на судилище. Потому что понял он, что тот муж был обвинен действительно в соответствии с недостойными его деяниями, — вошел и доложил дворцу о всех речах, произнесенных на судилище. И когда услышал царь и уточнил у *хазарпета* виновность этого мужа, очень разгневался и был глубоко уязвлен, но пожелал долготерпеливо довести его до великого опозорения. Пребывал он молча двенадцать дней, пока не дошло до конца следствие по обвинению.

И однажды в торжественный день повелел он пригласить на ужин всех видных и знатных. Пригласили и отступника, и он, согласно древнему порядку и обычаю дворцовому, надел почетную одежду, которую он получил от царя; завязал он и почетную повязку [на волосы] и сверху возложил золотую тиару, и кованый, литого золота пояс, выложенный жемчугами и драгоценными кам-

нями, надел вокруг стана, и в уши [вдел] серьги, и ожерелье (гривну) надел на шею, и соболей на плечи, и [так] возложив на себя весь почетный чин, отправился во дворец; среди множества толпы он выглядел самым нарядным и замечательным.

А *нахараров*, которые добровольно явились из Армении, сами себя предав испытаниям, и святых, которые прежде них прибыли, — всех держали в оковах при царском дворе. Когда увидели его, украшенного и наряженного, с большой свитой направлявшегося во дворец, стали мысленно насмехаться и говорить: «О безумный купец, ты отдал бессмертную и непреходящую почесть и купил эту преходящую, да и ту ты потеряешь в ближайшие дни».

Он дошел и сел в одной из внутренних палат, где было место собрания знатнейших. И вот явился дворцовый *сенекапет* и обратился к нему с вопросом и говорит: «Царь послал к тебе [узнать], от кого получил ты все эти почетные повязки, скажи немедленно — за какие праведные заслуги?» И напоминал ему все речи, произнесенные на судилище, на котором он был осужден, а также и то, о чем там не говорилось, — и это тоже объявил ему. Ибо он получил терство страны Сюник не по [условленному] порядку, а коварством и происками дал убить своего дядю, Вадинака, и забрал себе терство якобы за [особые] заслуги перед дворцом. Да и многими другими словами осудили его, чему свидетелем была вся знать. Он словно онемел, и в его устах не нашлось правдивого слова. Когда повторили и в третий раз сказали, докладывая во внутрь, дворцу, — вынесен был ему смертный приговор.

Итак, явился и выступил главный палач и в присутствии всех вельмож подошел к нему, совлек с него все почетное облачение, которое он получил от дворца, и надел на него одежду смертника. Связали ему ноги и руки и посадили на кобылу, как [садится] женщина. Отвезли и сдали его в то подземелье, где пребывали все повинные смерти.

А нахарары Армении и святые епископы вместе с иереями, хотя и были в великом испытании, нимало не вспоминали о тяготах, которые их постигли, ни о тех, которым еще предстояло наступить, но пребывали в изумлении от великого откровения, которое изошло от Бога. Утешали они друг друга и говорили: «Мы с мужеством сражались, будем же подвизаться с еще большим терпением! Слышали мы от святых отцов наших, что главная из всех добродетелей — терпение, и мудрость небесная — совершенное богопочитание, и этого никто не может обрести без мучений. А когда мучения продлятся над [кем-либо], тогда умножится возмещение даров воздаяния. А если это так, будем молить у Бога только того, чтобы смочь нам претерпеть всякие испытания и чтобы сам Господь сотворил средство для нашего спасения.

Слышали мы о суде над сорока воинами Христовыми, которые приняли множество мучений; один из них поспешил [укрыться] в бане и лишился он венца, а тридцать девять терпеливо приняли конец и достигли того благовествования, которого желали. А этот наш сотоварищ, который прежде отрешился от нас, вот он стал соучастником сатаны. Пока душа его еще пребывала в теле, принял он задаток тех пыток геенны, которые вызывают жалость не только у святых, но и у всех [даже] зверонравных людей».

Это они говорили и обильные слезы проливали над погибшими и там же с песней духовной на устах говорили: «Лучше уповать на Господа, чем уповать на людей, и лучше уповать на Господа, чем уповать на князей: все роды отвернулись от меня и именем Господа я их победил»⁷. Ободряли друг друга и говорили: «Зная это, братья, да не устрашимся этого безбожного племени язычников, которые злее ос в ярости своей, чтобы гнев был им на погибель их самих, а мы будем возглашать имя Господа и прогоним всех!»

А отступник Васак взирал на единодушие святых кандальников, которые с великой радостью принимали мучения и казались более ликующими, чем прежде во дворце, смотрел и тосковал, и никто не вмешивал его в их среду, но держали его отдельно в тех же оковах. И день за днем приводили его на большую площадь и кидали его, как падаль, насмехались и издевались над ним и делали его забавой для всего двора. Обобрали и стащили с него все, что еще было при нем, ничего не оставив, и так потешались над его нищенством, что даже хлеб для него выклянчивали и приносили ему слуги его. И в такой ужасной [мере] обложили его [бывшие] удельные владения государственными налогами, что даже отцов и дедов и свое [личное] имущество и даже женские украшения приложил он и отдал и выплатил, но не смог покрыть долг дворцу. И до того его довели, что он спрашивал: «Нет ли каких-нибудь сокровищ в могилах предков наших?» И если бы он их нашел, то вынул бы и отдал в качестве пени за себя и свою семью, ибо многие люди [из его сородичей] ушли [в рабство] за долги⁸.

И когда таким образом, претерпев удары со всех сторон, он ослабел, то заболел он тяжелой болезнью там же в оковах. Чрево его воспалилось, и поражены были и протерлись его внутренности, тучность его сошла и песочилась. Закопошились черви в глазах его и проползли вниз в ноздри его; замкнулись уши его и жестоко изъязвились губы его; порвались связки жил на руках его и вывернулись назад пяты ног его.

Понесся от него трупный запах, и убежали от него им самим возвращенные слуги. Лишь язык его оставался живым во рту его, но не было покаяния на губах его. В удушье вкусил он смерть и в безвыходной горечи сошел в ад. Злорадствовали все любезные его и не насытились от [выпавших] ему ударов все враги его.

И тому, кто желал путем предательства стать царем страны Армянской, не нашлось в ней и места для могилы; ибо умер он, как пес, и выволокли его, как падаль⁹.

Не было помянуто имя его во святых, и не было ему поминовения в церкви пред святым престолом. Не упустил он ни одного злодеяния, которого бы он не содеял в жизни своей, и не осталось такого из величайших бедствий, которое бы не постигло его при его смерти.

Написана сия памятная запись о нем ради обличительного посрамления грехов его. Всякий, кто услышит сие и познает, да бросит во след ему проклятие и да не пожелает [следовать примеру] деяний его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВНОВЬ О ТОЙ ЖЕ ВОЙНЕ И МУЧЕНИЯХ СВЯТЫХ СВЯЩЕННИКОВ

Итак, в шестнадцатом году властвования того же царя¹, [он, царь,] вновь направился в великом гневе в страну Кушанов — на дела ратные. Выйдя из Вркана² и вступив в страну Апар, он велел в тех же узах держать *нахараров* и священников — в цитадели города Нишапухе. Страх наводил на все христианство там, где проходил.

Когда это увидел один *hОн* по имени Бэл, который был царского рода, из страны Хайландуров и тайно тяготел к христианам, с любовью и охотою учился у них истине (хотя он по своей воле покорился власти царя) и весьма огорчился в мыслях своих, когда видел, как мучились святые. И так как ему больше не удавалось [помочь узникам], он бежал к царю Кушанов. Отправился, рассказал ему о всех мучениях, которые принес царь стране Армянской. Осведомил также его о том, что разрушена *hОнская* крепость, доложил и о разногласиях в войске, ибо многие племена отошли от любви к царю. Сообщил ему и о ропоте в стране Ариев.

Когда услышал это царь Кушанов, он не поддавался никаким сомнениям в отношении этого мужа и подозрения в том, что он лазутчик, не зародились в его сердце. Ибо немного ранее того слышал он, а затем проверил это у Бэла, что [Иазкерт] идет на страну Кушанов, поспешил немедленно собрать войско, составил рать, чтобы выступить навстречу ему с мощною рукой, ибо хотя и не мог встречно дать сражение против него, но, попав на прикрытые фланги, много ударов нанес войскам царским. И так теснил его, что нанес поражение с помощью [даже] небольшого отряда, заставил повернуть обратно, и сам, наездами пустившись по пятам, разорял многие области царские и тотчас неврединно возвращался в свою страну.

И когда царь увидел: «Без чести и славы вернулся я из этой войны», — сдал немного от своей гордыни и понял, что все бедствия произошли от разлада в войсках. И сокрушался сердцем, и не знал, на что излить яд горечи. А великий *хазарпет* пребывал в великом страхе, потому что он был причиной всех бедствий, которые произошли.

Начал он влагать слова в уста *могнета* и *могов*, которые, явившись пред лицо, говорили царю: «Доблестный царь, мы из самого вероучения знаем, что никто из людей не может устоять против твоей великой мощи; но из-за христиан, которые против наших законов, разгневаны на нас боги, поскольку до сего дня ты их оставил в живых». И еще напоминали ему: «Как они даже в тюрьме проклинали тебя!» И много другого бранного говорили про тех святых и ежедневно чернили их в глазах [царя] и направляли мысли царя к яростному гневу, пока он не поспешил пролить кровь невинных.

Дал повеление относительно двоих, которые содержались в войске при нем — Самуела и Абрахама, чтобы тайно погубили их. А те, что находились в цитадели города, были отдалены от войска примерно на пятнадцать дневных переходов. Велел *хамбаракапету*, имя которого было Деншапух, чтобы он прежде него (царя) отправился в город, где были святые священники господни, имея право в злейших мучениях их судить и допросить и покончить с ними мечом. Но еще прежде *могнет*, которому было поручено, множество раз, больше, чем по велению царскому, мучил их; ибо он был *ишхан-денпетом* страны Апар и весьма был пылок в своем *могстве* и больше многих ученых был осведомлен в заратуштровых законах. Также — что они считали предметом гордости по своим порядкам лжеучения — имя его было *hАмакден*; знал он *ампарткаш*, изучил и *бозпайит*, владел и *паһлавиком* и *парскаденом*. Ибо эти пять кэштов охватывают все законы *могства*. Но сверх этих есть еще шестой, который называют *петмог*³.

Мнил он о себе, что он совершенен во всяком знании, посматривал на блаженных, мол, по невежеству они отвратились от великого нашего учения. Задумал он суетно непрестанно мучить их, что, быть может, не вынесут они телесных страданий, услышу я от них слова какие о пощаде. Ради этого он и отделил священников от *нахараров*, и отдал их подальше от них, и бросил их в подземелье сырое и темное. И приказал [доставлять этим] шести мужам время от времени по два ячменных хлеба, полторы меры воды; и вовсе никому не позволяя приближаться к дверям тюрьмы.

И когда он сорок дней утеснял их этим и не услышал от них слова слабости, появилась у него другая мысль, что будто один из его слуг тайно узнал нечто от них и скрытно дает им пищу. Подойдя сам, опечатал верхнее окошко и дверь тюрьмы и приказал, чтобы установленное дневное пропитание носили преданные ему люди. И делал это пятнадцать дней.

Но и этим блаженные нисколько не встревожились, но с великим терпением несли заключение и непрестанно с псалмами пребывали в ежедневном служении. И при завершении молитв радостным славословием немного отдыхали [прямо] на земле.

А стражи, которые были [поставлены] над узниками, весьма удивлялись их безболезненному здоровью, когда слышали непрестанное звучание голосов. Вследствие этого довели до слуха *могнет* и говорят: «Эти мужи не лишены вовсе великой силы, ибо если бы они имели медные тела, и то уже распались бы они от этой сырости и влажности. Уже много времени, как нам поручена охрана этой тюрьмы. Мы не помним, чтобы из узников кто-либо в течение месяца выжил бы в этом помещении. Итак, мы говорим тебе: «Если ты получил повеление об их казни и убьешь их — делай, как знаешь; но если нет, и тебе поручено охранять их а не казнить, то злейшая опасность угрожает узникам. Да и мы поражены страхом и очень боимся, когда видим подобные невозможные утеснения».

И когда *могнет* услышал это, встав, сам подошел среди ночи к окошку тюрьмы и, посмотрев внутрь во мраке ночи, когда они отдыхали от служения, увидел тело каждого из узников, что горело и светилось, как возженная неугасимая лампада.

Он был поражен сильным страхом и говорил про себя: «Что это за великое чудо? Значит, наши боги явились и опустились в эту тюрьму, и то горит и сверкает их слава? И если не они к ним приблизились, то простому человеку невозможно облачиться в такое блистание света. Я так слышал об этом вероучении, что они по крайней тупости заблудились и обманом преображаются в глазах невежественных людей. Быть может, и это видение так только представилось мне».

И не мог он вообще постичь это явление. И пока он пребывал в этих размышлениях, вновь встали святые со своих твердых лежалищ и приступили к обычному служению. Тогда удостоверился и понял *могнет*, что он зрел не нечто такое, что ему привиделось, но от них самих блистал свет. Вновь был поражен он страхом и говорит: «С кем из узников бывало подобное явление? Я такого не знаю и не слышал от отцов [и] предков». И так невыносимо он был потрясен великим чудом, что задрожало все его тело, и в забытьи он пробыл на крыше до утра; а когда забрезжил свет, как многодневный больной, восстав, пошел в свое обиталище и никому не осмелился рассказать, что он видел.

Подозвал он к себе стражей и говорит им: «Пойдите выведите тех узников в горницу более сухую, и там держите их с бдительностью, как вы тогда говорили». Один из палачей, когда услышал приказание *могнета*, поспешно отправился и принес им эту весть — великую и благую: «Велел вам, говорит он, выйти в сухую горницу, идите скорее, не медлите, так как даже мы умоляли [его] по поводу ваших страданий».

А святой hОвсеп кротко начал говорить с главой палачей и молвил: «Ступай и скажи глупому начальнику вашему: разве ты не слышал о грядущем пришествии Господа нашего или относительно чудесных строений, которые хранятся для нас изначала в готовности, вследствие чего мы легко переносим великие мучения из любви к той надежде, которую мы зрим. Ты хорошо сделал, что пресек великие телесные мучения; впрочем, мы нисколько не устали, как кто-либо из безбожников, у которого нет никакой надежды в мыслях, кроме видимой. Но мы из любви к Христу нашему сами весьма обрадовались. И даже считаем это совершенным даром, ибо временным страданием невременное блаженство мы унаследуем.

Если бы мы желали строений, — мы имеем строения на небе без телесного рукотворчества, так что рядом с ними ваши дворцы померкнут. Также и одежда, и слава, и незагрязненная пища. Если кто-либо пожелал бы сказать вам об этом, — ваша немощь не смогла бы выслушать это, ибо по застарелости вашей слепоты вы не видите и не слышите и не воспринимаете, и потому нас караете попусту несправедливо и безжалостно. А наш царь щедр и благодателен и отверсты двери царствия Его. Если кто пожелает обратиться — смело да обратится. И обратившимся к покаянию Он не возревнует ни к кому никогда.

Но относительно облегчения, которое ты велел оказать нам — в нашей власти было там же, в стране нашей, не попадать в руки вашего царя, подобно другим, которые избегали этих испытаний. Но мы пришли добровольно, как если бы зная грядущие беды, мы нисколько не убоялись

таких испытаний. Точно так же хотим, чтобы еще утяжелил [муки] в отношении нас, пока злобная воля твоя не насытится нами. Ибо если Бог наш, который есть творец неба и земли, и всех видимых и невидимых, и по любви своего милосердия склонился к роду нашему человеческому и облачился в тело, доступное для мучений, и прошел через все [испытания] достоинств и завершил все хозяйствования, по воле своей предался в руки распнителѣй, смертью умер и положен был в могилу и, силой своей божественности воскреснув, явился ученикам и многим другим; и вознесся к Отцу своему на небо и сел одесную отцовского трона, и пожаловал нам небесную силу, чтобы через его бессмертие и мы нашим смертным телом могли быть сомучениками бессмертного величия, и он уже не считает нашу смерть смертной, но как бессмертным воздает нам награду за труды наши. Итак, малыми мы полагали эти мучения по сравнению с любовью, которую он излил на род человеческий».

Когда услышал *могнет* от этого главы палачей все эти слова, смутился, замутился в мыслях своих, и иссяк сон в его глазах на много ночей. А в один из дней в вечернее время, встав, пошел к ним один безмолвно и никого не взял с собой из своих служителей. И когда он достиг двери того дома, посмотрел через какую-то дыру внутрь и представилось ему такое же видение, как прежнее; но те пребывали спокойно во сне. Тихо позвал он по имени епископа, так как [тот] хорошо знал поперсидски. Вышел он наружу и спросил: «Кто ты?» — «Я тот самый, — говорит, — хочу войти внутрь и повидать вас!»

И когда он вошел в среду тех святых, увидел то же знамение и рассказал им о дважды явлении чуда. Дал ответ иерей Левонд и говорит: «Бог, который сказал, чтобы во тьме зародился свет, который возник и осветил мудростью невидимые творения, — та же сила и сегодня возникла в омраченном уме твоём, и открылись ослепшие очи души твоей, и увидел ты неугасимый свет благодати Божьей. Спеши, не медли, быть может, вновь ослепнув, уйдешь ты во тьму!»

И когда он это сказал, все встали на ноги, говоря из сорок второго псалма: «Пошли, Господи, свет Твой и истину Твою, чтобы они предводительствовали и вели нас на гору святую и в чертог Твой⁴. Праведной истиной, Господи, Ты предводительствовал и привел этого заблудшего к Твоей непреходящей радости и неустрашимому покою Твоему. Вот подобен сей день святым мучениям Твоим — как спас Ты повинного смерти разбойника от второй смерти и тем открыл замкнутую дверь Адена, так спас и сего погибшего, который был причиной смерти многих. Так сделал его причиной жизни нашей и его самого. Славим⁵ Тебя, Господи, и голоса наши согласны со святым пророком. Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему воздаю славу ради милости и праведности Твоей, дабы никогда не говорили язычники, мол, где бог их. Так и по сей день явно могущество Твое среди дерзкого и темного народа сего⁶.

А тот, кто даром обрел богоданную благодать, начал и он говорить отдельно: «Господь свет мой и жизнь моя, кого я убоюсь. Господь опора жизни моей, пред кем я заробую⁷. Ибо знаю я истинно,

что много у меня отныне врагов, и желают они приблизиться и проглотить тело мое. Но ты, Господи, пришел ради жизни всех, дабы обратились и жили пред Твоим человеколюбием. Не отделяй меня от сих святых агнцев, к коим я примешался, дабы не сокрушил меня — вышедшего из стада Твоего — злой зверь. Не зрирай, Господи, на многолетнюю нечестивость мою, чтобы, отвратившись от праведной жизни сей, вновь не наставлял многих на гибель. Пусть сатана, который возгордился мною и кичился среди многих обреченных на гибель, — мною усмиранный окажется посрамленным среди своих учеников!»

И когда они сказали это, предложили и ему сотворить молитву и вместе с ним замолкли, [бодрствуя] до третьей стражи и так все они в умиротворении отошли ко сну до утреннего часа.

А он стоял и бодрствовал, и, воздев руки кверху, предавался молитве. И в то время как он, сквозь оконце в потолке, вперял взоры в небо, дом неожиданно наполнился светом. Показалась ему лестница сияющая, которая тянулась от земли к небу, и множество полков ратных поднимались ввысь, и казались они обновленными, и чудесными, и грозными, и великолепными, словно ангелы. И он запомнил в уме количество [воинов] в каждом полке, который видел. Было в них и по тысяче и по тридцать три и по двести тринадцать [воинов]. И так он приблизился, что узнал троих из них — Вардана, Артака и Хорена. И в руках у них было девять венцов. Они беседовали друг с другом и говорили: «Вот наступил час, когда и они смешаются с нашим полком, ибо их мы и ожидаем, им принесли заветный венец.

И тот, кого не дождались, явился и приобщился к [нам] и стал одним из воинов Христовых».

Трижды это чудесное видение являлось блаженному мужу. Разбудил он святых от сна и рассказал им видение по порядку. Они, проснувшись, приступили к молитве и сказали: «Господи, Боже наш, сколь чудесно имя Твое по всей земле. Слава Твоя простирается превыше небес! Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу (ради врагов Твоих), дабы сделать безмолвным врага и мстителя»⁸. Ибо не скажешь более, что «узрел я небо — творение перстов Твоих»⁹, «но узрел Тебя, владыка неба и земли, как и явился Ты сегодня мне, отдаленному чужаку, отказавшемуся от ожидания жизни — через посредство святых воинов твоих!»

«Вот ты, Господи, милостью своей увенчал любезных Твоих, и милосердием своим искал сего погибшего, обратил его и смешал с сонмом святых Твоих. И не только узрел он небо — творение перстов Твоих, но увидел он небо и обитателей его и, будучи еще на земле, приобщился к полку бесчисленному ангелов Твоих. Узрел и души наши — совершенных праведников, узрел и сходство славы невидимых приготовлений и в руках у них увидел непрременный залог, что в готовности сохраняется в руках зодчего. Благостен он ради святого видения, благостны мы ради его близости к нам. Ибо через него мы твердо узнали, что тот, кому явились подобные чудеса, — тот великую долю их получил от неиссякаемой доброты Твоей. Бесконечны дары Твои, Господи, и без просьбы жалуешь, кого желаешь, с Твоей обильной и неревнивой щедростью. И если Ты не отказываешь и тем, кто ничего не

просит, отвори нам, Господи, дверь милости Твоей, ибо с младенчества нашего мы возжелали благосклонности святых Твоих. Новое творение Твое полагаем заступником за души наши. Да не потонет корабль веры нашей среди моря грешного!»

И так, творя долгую молитву, они омывали себя обильными слезами и жалостную мольбу обращали к благодетелю, дабы услышан был глас их моления, и твердо держались они в скорбном усилии, чтобы не лишиться венцов, что держали святые в руках своих — как было возвещено им Святым Духом. Ибо близко было время их призвания, когда они, отправившись, бестрепетно отрешились бы от губельного упования, осуществления которого ожидали во многих муках, и с небольшим залогом достигли небесного величия, коего издавна желали.

Поскольку *ишханом* страны был сам *могет* и ему были препоручены узники этого города — он утром решительно провел узников к себе во дворец. Омывал и очищал их от [следов] мук тюремных и, набрав воды после омовения святых, обмывал собственное тело. Установил в своем доме купель и принял у них святое крещение, причастился к животворящей плоти и очистительной крови Господа нашего Иисуса Христа. Громким голосом восклицал он и говорил: «Крещение это да служит смытию грехов моих и возрождению во мне Святого Духа, и вкушению бессмертного таинства, чтобы унаследовать небесное усыновление». И перед каждым поставил он стол с явствами, и подносил им утешительную чару, и был един с ними [во вкушении] хлеба благословенного.

Но хотя сам он достиг небесных благ и не страшился людских ударов — по поводу близких весьма тревожился, как бы, будучи вовлечены в дела царские, [не оказались поневоле] злодеями. Посему он тайно привел ночью и *нахараров*, которые содержались в узах в том же городе, и сделал большие затраты. И каждый был в великой радости по поводу новых чудес, которые представились им. И совершенно не помнили о горестях, постигших их.

Но во время пиршества святые припомнили об одном священнике, который вместе с ними находился в святых оковах¹⁰, ибо он проживал [ранее] среди *шинаканов* и был весьма невежествен в книгах утешительных. Велели ему занять голову стола. Блаженный же ответил и сказал: «Что это вы творите и почему скрываете от меня ваши тайные намерения? Я скромнее самых младших из вас и невежественнее самых малых ваших учеников. Как я все это перенесу? Для меня и то слишком, что я причастился ныне к вашим святым узам. Если вы считаете меня достойным вашего стола, займите каждый свое место и прикажите мне [занять] свое место». Но настоял святой епископ вместе со всеми святыми и усадил его выше всех.

И когда кончилось пиршественное собрание, а все с радостью приобщились к пище, встал святой *h*Овсеп и начал преподносить им радостную песню и так сказал: «Ликуйте вы во Христе, ибо [хотя] завтра настанет этот час — вот мы забыли все наши невзгоды и мучения, которые мы претерпели. И вместо немногих трудов наших мы получили многократное отдохновение, и вместо темного

узилища — вступили в небесный город светлый, а градоправителем этого города сам Христос — учредитель торжества, и на этом торжестве Он первым отличился, получив знак победный. И ныне тот же Господь споспешествует нам, принимая тот же знак во спасение душ наших и во славу достохвальной святой Церкви. И как видите вы брата этого во главе стола нашего, также и завтра он первым примет венец через гибель свою. Ибо вот явился к нам враг жизни нашей, увенчающий священные муки наши — служителей Христовых».

Сказав это, услышали от него твердые слова, чем весьма все утешились.

Сказал: «Святыми молитвами вашими да поступит так со мной Христос и согласно слову твоему пусть выведет меня из этого мира. Вот, пока ты это говорил, душе моей было предупреждение, я вспомнил человеколюбие Христа, который и в мир сей явился ради грехов наших. Да смилостивится ко мне как к разбойнику при распинании. Как через него отворил замкнутые ворота рая и выпустил проводником тех, что к тому самому месту должны были обратиться для радости,— так пусть и сегодня сделает меня Иисус Христос служителем в вашем славном собрании.

Вот, ради одного грешника, который обращается к покаянию, бесконечной делается радость ангелов небесных, ибо ведают они о воле Господа своего. Ибо как Он искал одну заблудшую овцу, так и они радуются вместе ради одного вернувшегося к покаянию. Быть может, ради меня явился великий зоравар Армении с многими своими святыми товарищами; венец он доставил вам, а ра-

достную весть огласил всенародно. И более всего мне удивлялись, ибо не знали меня в своей [земной] жизни, а в святом небытии желают, чтобы и я разделил участь с блаженными.

Молю вас, властители мои и отцы, сотворите молитву над ничтожеством моим, дабы удостоился я [участи, объявленной] в великой вести, которая [сошла] с ваших правдивых уст и достигла моего слуха. Жажду я увидеть этот день и в этот день — час, который ожидает нас.

Когда же я выйду из этого тягостного и отвратительного тела, когда я увижу Тебя, Господи Иисусе! Когда я скину страх перед смертью! Когда невежество мое достигнет совершенного знания. Помоги мне, Господи, помоги мне и прости всемогущую длань Твою на помощь. Ибо согласно моим обещаниям и дела будут исполнены на мне. И прославится на мне имя Господа Иисуса Христа!»

Когда блаженный сказал это, встали [находящиеся] там с седалищ и, ликуя, говорили: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, царь, ибо подал нам радостную пищу. Наполни нас своим Духом Святым, дабы оказались мы Тебе угодны и не устыдись — ибо воздаешь Ты каждому по делам его». И тотчас они крепко задумались — каким образом смогут спасти *могнет*, дабы, когда [об этом] узнают при дворе, не воспламенились гневом против остальных. И не сумев в тот час прийти к решению, сотворив все вместе молитву, жизнь этого уверовавшего мужа препоручили Богу.

А *нахарары*, обливаясь слезами, прощались со святыми и в скорбной радости, пав им в ноги, умоляли великой мольбою — препоручить их Святому

Духу, дабы никто, говорили они, ослабев и выйдя из нашего общего единства, не стал бы пищею злобного зверя.

Блаженные же единокорно ободряли их и говорили: «Укрепитесь, братья, в Господе и утешитесь человеколюбием Бога, который не оставит вас сиротами и не отвратит от нас свою милость, [что мы стремимся заслужить] верой в Христа. Благодаря многим заступникам, которых мы имеем при Нем, не погаснет горение ваших светильников и не возрадуется устремлению к мраку враг жизней ваших. Тот же Господь укрепил древних мучеников, смешав их с сонмом ангелов своих, их святые души и все собрание праведников придут вам на помощь в терпении, дабы вместе с ними вы стали достойны их венцов.

Так говорили им и всю ночь занимались [пением] псалмов. А утром сказали хором: «Принеси, Господи, милость Твою тем, кто признает Тебя, — справедливость Твою тем, кто прав сердцем. Да не ступит на нас нога дерзостных, а руки виновных пусть не трясут нас, но пусть падут все, кто творит нечестие, отвращены, и пусть не смогут утвердить!»¹¹ И немедленно подошли палачи к дверям тюрьмы, вошли внутрь и увидели, что прежний *моглет* — а именно ему было доверено охранять их — сидел с ними и выслушивал их, да еще убеждал их не бояться смерти. И когда палачи увидели это великое чудо, весьма поразились свершившемуся, но не решились спросить его, а ушли и рассказали Деншапуху, которому была поручена пытка святых.

Когда же тот услышал [об этом] от царских палачей, его охватил великий страх — быть может, и он окажется замешан [в случившемся], ибо ближайше был знаком с этим мужем. Приказал вывести из тюрьмы всех [этих] узников и удалил их из этого города на двадцать персидских *парсангов*. Незаметно заговорил с *могпетом*, мол, где причина его оков? Муж же сей отвечал ему: «Перестань говорить со мной скрытно и светлым мыслям не внемли во мраке. Ныне раскрылись глаза мои, ибо узрел я свет небесный. Если желаешь приобщиться к жизни, расспроси меня открыто, и я расскажу тебе, как я видел великого Бога».

И когда [Деншапух] услышал от него обо всем, убедился, что тот заодно со святыми и не отступится от их благоволения, — не осмелился схватить его, хотя и повелел [ему] не выходить из дворца. Он [лишь] поспешно отправился сам и рассказал тайно царю обо всем, как и сам слышал от него.

Царь ответил и сказал Деншапуху: «Пусть никто не услышит об этом от тебя, в особенности о великом видении, которое представилось ему, дабы невежественные люди, усомнившись, не расстались с нашими непреложными законами. Пока мы собираемся привести к послушанию прочих, найдутся души, с которыми мы не справились, те, что были наставниками в нашей вере, совратились вслед за заблуждением.

И что более всего ужасно — к их вере склонилось не какое-нибудь ничтожество, но наш единоведец, известный по всей Верхней страте. Если мы начнем с ним спорить, он, будучи более

осведомлен, чем все прочие наставники [в вере] нашей страны, сокрушит основание нашей веры. А если станем судить его с прочими злодеями, весть о его принятии христианства настолько обрастет славой и распространится, что принесет нашей вере великое нечестие. А если погибнет от меча, то — в лагере много христиан, они по всей стране разнесут его кости. Пренебрежение, которое питали к нам все те люди, которые почитали кости этих назареев, было несущественно. Но если той же чести удостоятся кости *могов* и *могнетов*, мы сами станем разрушителями нашей веры.

Но пока я заклинаю тебя бессмертными богами! Прежде всего, призови к себе этого ожесточившегося старика. Если он смирится любовно и раскается в [причастности] к их колдовству, возвеличь его по первому разряду, и пусть никто никоим образом не проведаст об исходящем от него положении. Если же не согласится и не пожелает подчиниться твоим словам, возведи на него великое обвинение, исходящее из этой страны, дабы он оказался повинен в зле, причиненном царским делам. Затей против него публичную тяжбу и сошли его за пределы Курана и Макурана¹². А инаковерующих немедленно лиши мирской жизни, дабы не сотрясались законы нашей страны. Ибо если они так быстро обучили искусного *могнета* — как смогут невежественные люди выстоять перед их соблазнительной ложью!»

Тогда Деншапуһ воссел в присутствии, удаленном, как мы сказали, от лагеря на 12 *парсангов*. Расспрашивал *могнета* и говорил: «Я получил право допрашивать тебя не только речью, но и

всяческими пытками. Пока рука моя не дотянулась до тебя, прими почести и отступись от бесчестия, пожалей свои благородные седины. Откажись от христианской веры, коей мы не придерживаемся от рождения, и вернись к учению *могов*, как и был ты наставником многих».

Ответил блаженный и сказал: «Молю тебя, властелин, который прежде в глазах моих был родным братом, а ныне совершенный враг, не страдай ты ко мне соответственно прежней любви, но соверши на мне злую волю вашего царя. Как обрел ты власть надо мной, так и суди меня».

Когда Деншапух увидел, что [*могнет*] пренебрег царскими угрозами и на лице его не появилось мольбы, и он предпочитал, чтобы Деншапух говорил не тайно, но открыто — Деншапух обошелся с ним согласно царскому повелению. Тайно забросил его на чужбину, поступил так, как выучился у своего наставника.

[Царь] назначил Деншапуху также двух близких помощников из старших *горцакалов* — Джникана, царского *марзпета*, и *һандердзпета* Мована, состоявшего при *мовпетан мовпете*.

Эти трое вместе со своими подчиненными вывели святых из этой пустыни и той же ночью перевели их в другое, столь же отдаленное, суровое место. И никому из войска не позволили взглянуть на них — ни армянам, ни вообще христианам, и даже посторонним язычникам. А стражам, которые в этом городе были поставлены над узниками, приказали охранять их со всей предосторожностью, дабы никто не угадал пути, по которому поведут их на смертное место — ни сами [осужденные], ни кто-либо из посторонних.

Но некий Хужик¹³ из царского войска, который тайно исповедовал христианскую веру, оказался в отряде палачей и с орудиями пыток состоял при дневных стражах. Среди ночи он проник в отряды этих *нахараров* и смешался [с воинами]. Первый отряд считал, что он из второго, второй — из третьего, и всем стало казаться, что он принадлежит одному из этих отрядов. И никто не опросил: «Кем ты приходишься нам», — ни господа, ни служители.

Когда прибыли в [назначенное] пустынное место, которое оказалось начисто лишенным зеленой растительности и было настолько диким и каменистым, что этим трем *нахарарам* не удалось найти место, даже чтобы присесть, они, отдалившись, сошли [с коней] и приказали своим палачам связать [осужденных] по рукам и ногам. [Палачи] опутали им ноги длинной веревкой, впряглись по двое и потащили. И пока волокли, так растерзали их, что на тех блаженных не осталось живого места. Тогда развязали их и снесли в одно место.

И казалось им, что мы, вроде, смягчили их суровость, и утомили их необузданную строптивость. Ныне, что бы мы ни сказали, они подчинятся нашим словам, признают волю царя и спасутся от тяжких мучений. И не смогли в должной мере понять, что вооружили их словно удалых воинов и наставили их, и обучили их, [сделав] дикими и кровожадными зверями. И если ранее осужденные в какой-то мере колебались, то [ныне], глядя на свои тяжкие телесные раны, отбросили прежний страх. Словно опьянев и утратив чувства, они начали соревноваться в [смелости] ответов и спешили, словно жаждущие к источнику, — кто раньше прольет свою кровь на земле.

И пока святые готовились к этому, начал говорить с ними Деншапух и сказал: «Царь послал меня к вам. Всеобщее позорище страны Армянской, утверждает он, и гибель, которая постигла Царские войска, — все эти бедствия исходят от вас. Многие *нахарары* ныне страдают в оковах, и это все произошло вследствие вашего упрямства. Но и сейчас, если желаете меня выслушать, я скажу вам — были вы причиной всех гибельных мучений, сегодня будьте причиной вашей жизни. *Нахарары* пребывают в путах — через ваше лишь посредство возможно освободить их. Разоренная страна ваша вами устроится, а многие уведенные в плен вернуться обратно.

Ныне взгляните собственными глазами — столь родовитый муж, который и царю был известен лично вследствие великих познаний в нашей вере, и чуть не вся страна зависела от него, но, поскольку он презрел веру маздезову и дал себя обольстить вашей нелепой наукой, царь не пощадил его великого сана — и я выслал его словно *пленника-анашихарника* так далеко на чужбину, что он и не дойдет до места своего наказания. Так, если, будучи им вскормлен, он не пощадил его во имя почитаемой веры, насколько [суровее обойдется] он с вами, чужеземцами, достойными смерти вследствие [вашего вмешательства] в царские дела. И нет вам иного способа выжить, как если вы поклонитесь солнцу и выполните волю царя, как и научил нас великий Заратуштра. И если вы так сделаете, не только избежите от оков и избегнете смерти, но и с богатыми дарами будете отправлены в свою страну.

Выступил вперед иерей Левонид, а переводчиком сделали епископа Сахака. «Как мы станем внимать, — говорит он, — двусмысленным повелениям твоим? Вот ты прежде всего поклонился солнцу, а поклонение обусловил волею царя; возвеличил солнце, призвав имя его, и возвеличил царя более, чем солнце. И объявил, что это солнце служит земным созданиям, помимо собственной воли, а царь в силу своей свободы, кого желает — обоготворит, а кого пожелает — поработит. И сам он не постиг истины. Не говори с нами, словно с юнцами, ибо мы совершенные в возрасте и не чужды знания. Откуда ты начал, оттуда и стану тебе отвечать.

Итак, в нас усмотрел ты причины разорения нашей страны и разгрома царского войска. Но наша вера нас не так учит, но велит весьма почитать земных царей и любить их со всей нашей силой, служить им не как какому-то человеку среди людей, а как Богу истинному¹⁴. И если через них мы лишаемся чего-либо, то вместо земного царства нам обещано небесное. И не только службу и повинование свое обязаны мы приносить им, но и самих себя превыше жизни посвятить любви царской. И как на земле мы не вольны менять царя на другого владыку, так и на небесах не имеем власти заменять истинного Бога нашего другим, ибо нет Бога, кроме Него.

Но скажу тебе нечто, в какой-то мере тебе доступное. Кто из рати храбрецов последним вступает в бой? А если он так поступает, будет признан не удальцом, а совершенно негодным [воином]. Или кто из разумных купцов обменяет благородный

жемчуг на скверную подделку, если только он не оглушен невежеством так, как предводители вашего заблуждения.

Ты нашел нас вдали от множества наших праведников и пытаешься по-разбойничьи разрушить твердыню наших мыслей. Но мы не одиноки, как это тебе кажется. Нет места пустующего, где нет Христа царя нашего. Только те лишены Его, которые подобны тебе и твоему бесовскому повелителю, что предали Его. А вот воины нашей страны, которые научены нами во Христе, смогли растоптать страшное повеление вашего царя и пренебрегли его великими дарами, в то время как у них отняли их наследственное терство, и они не сожалели ни о женах и детях, ни о мирских сокровищах жизни мирской. Не вспоминали также о крови своей, [пролитой] ради любви к Христу, а страшными ударами погубили поклоняющихся солнцу — ваших праведников и великую гибель навели на ваши войска. И многие из них пали в той же битве, другие подверглись различным испытаниям, те оказались на дальней чужбине, а еще больше было пленено. Все они прежде нас вошли в рай Божий, они смешались с сонмом ангелов небесных и пируют в угодованной радости, к чему успел приобщиться блаженный муж, о котором ты говоришь, что я, мол, сослал его. Блажен он, и блаженна земля, по которой он пройдет, и место, где он скончается. Он доблестно пройдет не только по вашему царству, но и по небесным светилам, которым вы поклоняетесь».

hАндердзапет Мован отвечал и сказал им: «Боги благодетельны, они с кротостью заботятся о

роде человеческом, дабы [люди] узнали и познали собственное ничтожество и их величие и пользовались дарами сего мира, которые предоставлены им царем, и что из уст его исходят повеления о смерти и жизни. Вам не позволено противиться их воле, [так же как не позволено] и не поклоняться солнцу, которое лучами своими освещает всю вселенную и жаром своим доставляет пищу людям и животным. И ради распространяющейся на всех щедрости и беспристрастного управления Миhr был назван богом, ибо нет в нем коварства и безрассудства. Посему мы снисходительны к вашему невежеству, ибо мы не человеконенавистники, подобно хищным и кровожадным зверям. Пощадите сами себя, и против воли не делайте нас причастными к [пролитию] вашей крови. Забудьте о ваших прежних преступлениях и впредь поступайте правильно, чтобы ради вас и на других сошла милость царская».

На это ответил епископ Саhак и сказал: «Как человек ученый и очень просвещенный, ты преисполнен благородной заботы устроения страны и прославления царя. Но об этом ты проповедуешь с полным невежеством, ибо веруешь во многих богов и не признаешь у них единой воли. Если вышние борются друг с другом, как сможем мы, будучи по сравнению с ними ничтожествами, поверить словам твоим? Соедини воду и огонь, дабы мы научились у них примирению, призови солнце в дом твой как огонь, и если приход его невозможен, дабы мир не остался во тьме, пошли огонь к нему, чтобы научился он его неистощимости.

И если природа твоих богов едина, пусть, соединившись, они уравниются друг с другом. Пусть

огонь, подобно солнцу, не нуждается в пище, а царские служители пусть [не отвлекаются] для насыщения его. Так, один из них ест ненасытно и все время умирает, а другой не ест, и без воздуха блекнет свет его лучей. Зимой остывает и морозит всю зеленую растительность, летом пылает и сжигает все живое. И то, что само постоянно меняется, не в силах наделить кого-нибудь неколебимой жизнью. Я не могу обвинять тебя — тот, кто не видел великого царя, поклоняется его сановникам, но если так поступает кто-либо из умудренных знанием, ему немедленно вынесут смертный приговор.

«Что же касается солнца, то, если желаешь просветиться, поведаю тебе истину. Оно — частица сотворенных [тел] сего мира, частица, отделенная от множества частей. Часть [тел] выше него, часть ниже. Само по себе оно не имеет чистого сияния, но через посредство воздуха велением Божиим распространяет свои лучи и огненной частью согревает все сущее, находящееся ниже него. А вышние вовсе не получают его лучей, ибо свет заключен в его шаре, как в некоем сосуде, который отверзается и изливает [лучи] вниз, в усладу нам, живущим внизу. Подобно тому как корабль, летящий над бездной вод морских, слепо следует, направляемый умелым и знающим кормчим, так же и солнце, направляемое своим распорядителем, меняясь, обращается по кругу в течение года.

Как прочие частицы мира учреждены ради нашей жизни, так и солнце, как одна из этих частиц, дано нам для того, чтобы светить, так же как и луна, и звезды, и беспрестанно волнуемый воздух, и несущие дождь тучи. Так же и из земных частей

море и реки, и источники, и всякие полезные воды, точно так же, как и все, [относящееся] к суше со своими полезными действиями. И нельзя что-либо из них объявить богом; а если кто-либо дерзнет [так] сказать, погубит невежеством душу и если возвеличивает их, называя богом, то они ничего не выигрывают. В одном государстве двух царей не бывает. И если это неприемлемо для человека, то насколько же дальше от божественной природы такой нестройный порядок!

Так вот, если желаешь усвоить истину, улади горечь сердца и раскрой мыслей очи, а пробудившись, не следуй в слепоте по тьме, ты, что пал в бездну и стремишься всех увлечь за собой. И если следуют за твоим неверным учением те, что не видят и не разумеют, — не причисляй и нас к ним. Ибо отверзты глаза наших мыслей и мы отличаемся зоркостью. Телесными очами мы видим существа и понимаем, что они сотворены кем-то другим и что все подвержено тлену. Творец же всего невидим для телесных очей, и только разумом постигается могущество его.

Поскольку он увидел нас, пребывающих в великом невежестве, и смилостивился к нашей неучености — в каком [качестве] и мы некогда, подобно вам, видимое полагали творцом и творили всяческое нечестие — посему любовью своей он явился и воплотился человеком и научил нас своей невидимой божественности. Тот, кто взошел на крест, ибо люди в неведении тянулись к этим самым светилам, — заставил померкнуть свет солнечных лучей, дабы опустилась тьма и послужила его человечности, а недостойные, подобно вам, не

видели бы большого нечестия своей жизни. Так и днешь, кто не исповедует распятого Бога, душу и тело того окутывает тот же мрак. Так и ты пребываешь сейчас в той же тьме да еще нас подвергаешь мучениям. Мы готовы умереть по примеру нашего Господа. Выполни же свое злобное намерение как пожелаешь!»

Когда взглянул на них нечестивый Деншапух и увидел их всех в великой радости и ликовании, он понял, что не дойдут до них угрозы и увещания. Приказал вывести вперед одного из младших, иерея Аршена, по поводу которого у святых раньше были сомнения. Связали его по рукам и ногам и так туго затянули путы, пока не стали трещать все его жилы. И много часов он провел в таком невыносимо стянутом положении.

Отверз святой уста свои и сказал: «Вот, окружили меня многие псы, и собрание злодеев обложило меня. Прокололи руки мои и ноги мои и вместо рта моего вопили кости мои¹⁵. Услышь меня, Господи, услышь голос мой, и прими душу мою в сообщество Твоих святых поборников, которое явилось Твоему новому творению. Я самый младший из всех, и милосердие Твое, смилостивившись, вывело меня вперед».

И когда он сказал это, не смог более раскрыть рта, поскольку орудие пытки невыносимо стягивало [его путы]. И палачи тут же получили приказ трех *нахараров* — рассечь мечом шею блаженного, и тело его бросили в безводную яму.

Там же Деншапух начал говорить с епископом и сказал: «Когда я прибыл в страну Армянскую, мне пришлось там кружить год и шесть месяцев.

Мне совершенно не приходилось слышать чьей бы то ни было жалобы ни по поводу тебя, ни, в особенности, hОвсепа, а ведь он был правителем всех христиан и доверенным во всех царских делах. Также и тот, кто был *марзпаном* страны до моего прибытия, был весьма доволен этим мужем. Я сам своими собственными глазами увидел, что он был признан подлинным отцом всей страны и прямодушно любил великих и малых.

Вместо того чтобы вы [молили], я молю вас — пощадите свои благородные души, не ввергайте их в мучительную гибель по недавнему примеру, который вы узрели собственными глазами. Поскольку вас одолели упрямые мысли, я также решил многими муками лишить вас жизни вашей. Я знаю, вас соблазняет [пример] этого мужа. Но он болен телом, и нет ему выздоровления вмешательством врачей, он утомлен нездоровьем и желает больше смерти, чем жизни».

На это святой hОвсеп ответил и сказал: «Восхваление, которое ты воздал прежде этому вот епископу, а затем и мне, ты принес справедливо, и ради этих вот седин почтил, как надо. Так и должно быть. Но истинным служителям Божьим не следует прекословить мирским властителям или подстрекать кого-либо из мирян к неудовольствию вследствие [собственной] алчности по отношению к земным вещам. Но [нужно] скромно и покорно учиться заветам Божьим и без ложной мудрости быть кротким по отношению ко всем, и справедливой проповедью вести всех к единому Господу сущих.

Что до обольстительных речей этого мужа, о котором ты говорил, то ты не погрешил против истины, но высказал сущую правду. Ибо он соблазняет нас не как чужак и не путает словно [какой-нибудь] обольститель и обманщик, но горячо нас любит. Ибо едина наша мать — Церковь, родившая нас, и едины Отец наш, Дух Святой, что породил нас. Как могут быть в несогласии и не объединиться дети одного отца и одной матери? Это кажется тебе обольщением, мы же днем и ночью мыслим о том, чтобы нерасторжимым сохранить единство в жизни. Если же он, утомившись, стремится покинуть это болезненное тело, то в большей степени это касается нас. Ибо нет никого среди рожденных женщинами, кто бы не имел тела, не [подверженного] болезням и страданиям.

Деншапух ответил и сказал: «Вы не знаете, насколько я милосерден к вам. Не по приказу царскому я так долго препираюсь с вами, а из собственного благоволения послабляю вам. Я не столь лют, как вы, ненавидящие самих себя и враги другим. Я вкусил в вашей стране хлеба-соли, милость и любовь питаю к вашей стране».

Ответил иерей Левонд и сказал: «Тот, кто проявляет жалость и любовь к чужим, выполняет заветы Бога, но он обязан заботиться и о душе своей, ибо мы не являемся властителями самих себя, но есть [Бог], который требует от нас ответа и за чужих и за своих. Но ты сказал, что идешь нам навстречу по собственной воле, а не по приказу царя. Если стало привычным нарушать повеления вашего царя, то поступаете вы хорошо, ибо он разрушитель страны и убийца невинных

людей, друг сатаны и враг Бога. Но мы не можем преступить повеление нашего царя и не в силах непреходящую нашу жизнь променять на тленные и пустые блага сего мира.

Но то, что сказал ты обо мне, мол, не найдя выздоровления от врачей, он смерть возлюбил более жизни, — эти слова не подходят тем, кто видит все муки мира. Умерь немного свой буйный гнев и прислушайся к моим правдивым словам и взгляни по порядку на дела мирские. Кто из смертных живет безмятежно, не полны ли все болезнями — кто внутри, кто снаружи. Холод и зной, голод и жажда и всяческая бедность. Извне — несправедливость, обирание, осквернение развратными посягательствами. Изнутри — нечестивость, отступничество, невежество, безвозвратное падение из-за свободы воли.

Но то, что ты с презрением отнесся к врачам, мол, не найду я у них выздоровления, — не удивляет, ибо они люди. Есть болезни, против которых они находят исцеляющие средства, и есть такие, которые сопротивляются их способам. Ибо все мы смертны — те, кто лечит, и те, кто лечится. О, если бы ваши действия походили на врачебное искусство! Ибо велика истинность их лечения. Когда видят, что кто-то заболел, не медлят, идя к нему, но спешат изыскать средство и вылечить, тем более, когда при дворе заболит кто-либо из приближенных царя. И [врач], подойдя к большой площади¹⁶, увидит множество сановников, здоровых и красивых юношей, а когда он войдет внутрь, в царские покои, там ему представится восхитительное и замечательное зрелище — всякие служители, но

он не станет удивляться чудесному видению. Если даже ложе, на которое укладывают больного, будет литого золота и украшено камнями, до всего этого ему нет дела. Он прикажет откинуть златотканое покрывало, просунет руку и исследует все тело — горячо ли оно, и спокойно ли бьется сердце на своем месте, не тверда ли печень, не беспорядочно ли биение в жилах, согласно этому применит целебное средство, даровав [больному] выздоровление.

Но если врачевание людей способно так пренебречь всем, и [лекарь] выполняет назначение, используя лишь собственную науку, — насколько достойнее для вас, имеющих под своей великой властью всю страну, позаботиться прежде о том, чтобы души свои вылечить от всех болезненных заблуждений мирских, а телесно все и так находятся в вашем услужении. Ныне же, пребывая в невежестве и свои бессмертные души губя в неугасимом пламени геенны, телом вашим — хотите того или нет — вы заражены неизлечимой болезнью. Вы упрекаете нас в телесных болезнях, что возникли не по нашей свободной воле, а соответственно телесной природе, как это случается с любым человеком.

А Христос, истинный Бог живой и животворящий, — в силу своего благодеяния явился врачевателем душ и тел; и прежде всего Он сам в болях собственных мучений вылечил весь род человеческий. И трогательно смирившись, вторым рождением родив нас в здоровье, без болей и ран, а прежние раны от тайных ударов дракона вылечил и, [сгладив] рубцы, сделал нас непорочными ду-

хом и телом, дабы стали мы соратниками ангелов и войском небесного царя нашего. Ты не знал этого, не вкусил небесных даров Божьих и не желаешь узнать от нас. И нас также стремишься отворотить, что невозможно, и пусть не будет иначе, и ты не сможешь [это] сделать!

О моем же болезненном теле скажу тебе кратко. Я ликую и радуюсь, когда смотрю на мое измученное тело, знаю, что крепнет во мне здоровье души моей. Тем более, что залогом для меня является великий учитель язычников, который утешился своими телесными болями и гордился ударами сатаны по себе и говорил: «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то насколько больше должны быть соединены и подобием воскресения!»¹⁷ А ты, наш властелин, суди нас согласно твоей злобной воле. Мы не убоимся ни чудовищных, ужасных твоих угроз, ни страшной смерти, которой ты нас подвергаешь!»

Тогда [Деншапуh] несколько разобщи́л блаженных и обратился только к святому епископу: «Я некогда воздавал тебе хвалу, но ты не оценил оказанной тебе чести. Напоминаю же тебе злодеяния, которые ты совершил, дабы ты сам приговорил себя к смерти. Ведь ты разрушил *атрушан* в Рштунике и погубил огонь? Также, как я узнал и проверил, ты и *могов* подвергал мукам, ты же и унес предметы нашего священного служения. Итак, если ты все это совершил, поведай мне!»

Ответил святой и сказал: «Почему ты ищешь узнать это от меня, когда проведал об этом заранее».

Деншапуһ говорит: «Одно дело слух, другое истина».

Епископ говорит: «Скажи же мне, как ты сам думаешь».

Деншапуһ говорит: «Я слышал, что все зло в Рштунике тобою совершено».

Епископ говорит: «Ты столь достоверно выяснил [и все же] вновь спрашиваешь?»

Деншапуһ говорит: «Истину хочу узнать у тебя».

Епископ говорит: «Ты не ищешь узнать у меня пользу жизни твоей, но тянешься мыслями к моей крови».

Деншапуһ говорит: «Я не кровожадный зверь, но мститель за оскорбление богов».

Епископ говорит: «Ты называешь богами бессловесные стихии и ищешь погубить подобных тебе людей. Вместе со своим царем ты ответишь за это перед неподкупным судом Божиим. И то, что желаешь услышать от меня согласно собственной злой воле — это я скажу тебе. Я действительно сжег храм и *могов* подверг бичеванию и орудия скверны, что были в храме, я выкинул в море. Но кто в силах убить огонь? Всемудрый творец сущего позаботился заблаговременно и четыре стихии сотворил по природе бессмертными. Что ж, убей воздух, если можешь, или уничтожь землю, дабы не рождала зеленой растительности, перережь реку, чтобы погибла. Если ты сможешь так сделать для этих трех [стихий], тогда и огонь ты сможешь убить».

Но если наш зодчий утвердил нерушимое единство этих четырех стихий, и поэтому сущность огня обнаруживается и в камнях, и в железе, и во всех

ощущаемых стихиях, чего ты облыжно обвиняешь меня, мол, ты убил огонь. Ну-ка, убей тепло солнца, ибо оно содержит часть огня, либо отдай приказ, чтобы огонь не высекался из железа. Умирает тот, кто дышит и движется, и ходит, и ест, и пьет. Когда же ты видел, чтобы огонь ходил, говорил или мыслил? То, что ты не видел живым, полагаешь мертвым? Насколько же ваша нечестивость менее прощительна, чем у всех [других] язычников, которые оказываются более просвещенными, чем вы. И хотя они заблуждаются относительно истинного Бога, однако бессловесные стихии не почитают за богов. Итак, если ты по невежеству полагаешь, что природа огня может погибнуть, [знай], что твоих слов не примут [даже] твари, ибо огонь причастен ко всему».

Деншапух говорит: «Я ничуть не вступаю с тобой в спор при исследовании природы существ. Признайся лишь — ты погасил огонь или нет?»

Ответил блаженный и сказал: «Поскольку ты не пожелал выучиться истине, я скажу согласно воле отца твоего сатаны. Я сам вошел в ваш пирей и увидел, что [там] находятся служители вашего нечестивого суеверия, и перед ними пылал полный огня жертвенник. Я обратился к ним посредством слова, а не плетей, мол, как вы мыслите об огне, которому поклоняетесь. Они мне ответили и сказали: «Мы ничего не ведаем, только лишь знаем, что таков обычай предков и грозное повеление царя».

Я им говорю далее — как вы мыслите природе огня, считаете ли его творцом или творением? Все они в один голос говорят: «Мы не считаем его творцом, ниже успокоителем прислуживающих

[ему]. Руки наши в мозолях от топоров, а спины ссажены от переноски дров. Глаза наши слезятся от едкого его дыма, а лица закопчены густотой и влажностью сажи. Если подносим ему пищу в изобилии, он [еще более] алкает; если же ничего не даем, он совершенно гаснет. Если мы подходим ближе и поклоняемся ему, он опалает нас; а если мы держимся далеко, он обращается в пепел. Такой представляется нам его природа».

Я им говорю далее: «А знаете ли вы, кто научил вас подобным заблуждениям?» Они отвечают и говорят: «Почему ты вопрошаешь нас? Чтобы получить ответ, взгляни на эти предлежащие предметы. Законодатели наши ослепли лишь духовно, а наш царь телесно слеп на одно око, душа же его вовсе лишена глаз». Посему, услышав это от *могов*, я преисполнился к ним сострадания, ибо в невежестве они говорили справедливо. Я лишь немного высек их и велел самим бросить огонь в воду и сказал так: «Боги, которые не создали небо и землю, пусть сгинут из-под небес!» И затем отпустил *могов*.

Когда *Деншапуһ* услышал об всем из уст святого епископа, его охватил великий страх из-за враждебных слов, обращенных к царю, и из-за поношения веры. Потому не решился подвергнуть его мучительным ударам — а вдруг он заставит его тем самым еще более бесчестить царя в присутствии, и на него же падут подозрения, что он (*Деншапуһ*) боролся с ними с [излишним] долготерпением.

Он сидел в присутствии опоясанный мечом и старался вселить в святых страх. Вот он зарычал словно грозный лев и, выхватив меч, как зверь,

напал на блаженных. Отсек правое плечо епископа вместе с лопаткой и бросил руку наземь. А тот упал налево, собрался с духом, поднял [отрубленную] правую руку и, громко воскликнув, сказал: «Прими, Господи, добровольное подношение, которым я самого себя подношу целиком, и сопричисли меня к ряду святых воинов Твоих!»

Он продолжал ободрять своих сотоварищей и сказал: «Итак, о добродетельные, наступил час нашей смерти. Закройте на мгновение глаза телесные и тотчас узрите надежду нашу — Христа». И корчась [и обливаясь] собственной кровью, сказал: «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих. Господом будет хвалиться душа моя; услышат кроткие и возвеселятся». И произнося этот псалом, он продолжил его до следующего места: «Много скорбей у праведных, и от всех их избавит его Господь и сохранит все кости их!»¹⁸

И пока в теле его сохранялась какая-то сила, взглянув собственными глазами, увидел — с небес спустилось множество ангелов, а в руках у архангела — шесть венцов. И далее услышал он голос свыше, который возглашал: «Мужайтесь, возлюбленные мои, ибо вот, позабыли вы вашу тягостную жизнь и достигли этих благодатных венцов, которые сотворили вы собственной мудростью. Пусть каждый возьмет и возложит их себе на голову, ибо вещество, которое нужно было, чтобы сплести их, добыто вами, завершенность же этому делу придана всесвятыми руками Христа. Принимая (муки) от этих служителей, вы достаиваетесь того же венца, что и Стефан».

Также видел он отчетливо, что сверкает еще меч над шеями блаженных.

А когда святой Левонд увидел, что не собираются допрашивать их и судить по одному, но последовал общий приказ о смерти, он сказал блаженному hОвсепу: «Подойди ближе под меч, ибо саном ты выше всех». И когда он сказал это, они выстроились один за другим. Поскольку же палачей весьма понуждали и торопили, те одновременно отсекали головы блаженных и кинули их перед святым епископом. А когда они выпускали дух, он воскликнул, говоря: «Господи Иисусе, прими наши души и введи нас в ряды возлюбленных твоих!» И все погибли одновременно, в одном и том же месте¹⁹.

И если также пожелаешь с ними включить в подсчет и *могнет*, который уверовал во Христа, — числом их семь, кроме еще тех двух, которые мученически погибли в Вардесе²⁰, и другого епископа по имени Татик, погибшего в Сирии. Но там на месте — шестеро, и вот их имена:

Саһак епископ из Рштуника;
Святой hОвсеп из Вайоцдзора, из деревни hОлоцимк;

Левонд иерей из Вананда, из деревни Иджеванк;

Муше иерей из Адбака;
Аршен иерей из Багреванда, из деревни Еллек;

Каджадж диакон [оттуда], откуда был [и] епископ Рштуника;

А блаженный *могнет* — из города Нишапух;

Самуел иерей из Айрарата, из деревни Арац;
Абрахам диакон из той же деревни.

Итак, там, где умертвили шесть этих святых в пустыне, Деншапуһ, *могнет* и Джникан *майнет* там же на месте выбрали стражей из своих служителей и велели охранять тела блаженных до десяти дней или еще дольше, пока царское войско уйдет, чтобы иноверцы, говорили они, придя, не взяли их кости и, роздав, не распространили по всей стране, отчего люди еще более впали бы в заблуждение ереси назарейской.

А Хужик, о котором сказали выше, оставался при оружии там со стражами как один из них, муж полный мудрости и совершенный в божественном знании, ждал и высматривал, каким образом он ухитрится похитить у них кости святых.

И когда прошло после того три дня, большой страх напал на всех, и они, ослабевшие и полумертвые, упав и не имея сил подняться, пролежали три дня, а на четвертый день двое из стражников злейше были охвачены *дэвом*. Затем около полуночи послышались ужасные звуки и грохот громогласный из недр, как раскаты землетрясения; земля дрожала под ними, и от сверкания мечей вокруг них сыпались искры. И видели они все, как восстали все трупы, и те же страшные слова, что на суде, звучали в их ушах, так что накинувшись один на другого, они даже убивали друг друга. И настолько смутились и ошалели, что один не знал, куда другой убегает. И, придя, рассказывали с великим изумлением о всех перенесенных ими муках.

Три *нахарара* стали совеща́ться и в изумлении говорили друг другу: «Что предпринять, что делать с непостижимой ересью христиан, ибо пока они были живы, удивительна была их жизнь, они презирали имущество, как [люди] без потребностей, святолюбивы были, как бестелесные, беспристрастны были, как праведные [судьи], бесстрашны, словно наделенные бессмертием. Если это все назовем [действием] невежественных и дерзких, то как нам поступить, когда все больные стана здесь от них выздоравливают. И что важнее всего этого, видел ли кто-нибудь, чтобы труп человеческий поднялся, как живой, или слышал, чтобы он говорил?»

Ибо наши служители не лгут, мы сами убедились в правдивости их. И если бы мы пожелали примешать сюда какую-нибудь жадность телесную, они бы только намекнули христианам в нашем войске и по весу тела каждого из них получили бы золота. Затем и эти мужи, которые были умучены *дэвом*, ведь тогда не были одержимы болезнью, и мы это знали. Ясно, что сегодня было великое знамение. Если мы так умолчим, на нас самих падет подозрение, а если отведем пред лицо царя, — тогда он выслушает от них о всех этих великих чудесах, быть может, и законы наши будут в какой-то степени нарушены».

Дал ответ *могнет* и говорит им: «Не меня ли назначили начальником над вами обоими? Почему вы, до такой степени стеснившись, смущаетесь в душе своей? Вы выполнили свое дело и веление царское довели до конца. Итак, если эта вестъ станет общеизвестной и какие-либо допросы будут

пред лицом царя, — это дело наше, *могов*, вы же не беспокойтесь и ни о чем не думайте. И если вы ужаснулись в душе своей, завтра с раннего утра приходите в *даримир*, ибо там *рат мобедан мобед* приносит жертву. И он успокоит ваши мысли».

А Хужик, когда услышал это все и понял — их больше не озабочивают святые убитые, поспешил, немедленно взял десять мужей, о которых знал, что они христиане, и, прибыв на место, нашел все в сохранности. И так как он все еще был в сомнении относительно тех палачей, то святых переместили отсюда в другое место на расстояние примерно двух фарсангов. И когда обрели покойствие — очистили и прибрали кости блаженных, принесли в стан и припрятали. И понемногу сообщили сначала армянскому отряду, а затем многим [прочим] христианам, которые были в войске. И первый плод дарственный поднесли скованным *нахарарам*. А вслед за этим те немедленно освободились от своих оков, и угрозы смерти миновали их. И в страну Армянскую были отправлены грамоты о прощении.

Этот блаженный Хужик, который удостоился втайне быть служителем святых, о чем (от смерти и до сих пор) было рассказано, поведал нам вновь о судебном приговоре, обо всем по порядку²¹, о мучительном волочении [по земле], допросе и испытании, учиненном судьями, об ответах каждого из сих святых и о кончине их, и об ужасе, который напал на стражей, и отчаянии, охватившем трех *нахараров* при расследовании, и об укладке святых их костей, причем сделал это не беспорядочно, сгребая в одно место, но [кости] каждого из них по-отдельности собрал в шести ларцах, выяснил

имя каждого, и на ларцах обозначил. И железные оковы положил при костях каждого, тогда как палачи бросили их прочь. Также и одежды в каждом ларце обозначил.

И скончались эти шестеро святой и желанной смертью своею в день 25 месяца *хротиц*, в великой пустыне в стране Апар в округе города Нишапух.

ДАЛЕЕ ОБ ИСПОВЕДНИКАХ, УЧЕНИКАХ ИХ

А ученики сих блаженных пребывали в узах внутри города. Пришел какой-то старший палач и вывел их прочь из города. Вывел из этого же города сирийских христиан пять мужей, ибо и они пребывали в узах ради имени Христова. Допросил их словами, и они не согласились поклониться солнцу. Мучил их палками, и они еще более утвердились в той же мысли. Отрезал им носы и уши и приказал отвести в Сирию, чтобы пребывали они в царском *мшакстве*¹. Отправлялись они с большой охотой, так, как будто получили от царя великие дары.

Итак, тот же главный палач явился к ученикам святых убитых, выбрал двух из них, наиболее скромных, отвел в сторону от других и говорит им: «Как ваши имена?»

Дал ему ответ один [из них] и говорит: «От родителей меня зовут Хорен, а его Абрахам, а почину благодатному мы рабы Христовы и ученики блаженных, которых вы убили».

Дал ответ глава палачей и говорит им: «А теперь, чем вы занимаетесь и кто привел вас сюда?»

На это дал ответ Абрахам и говорит им: «Это следовало вам узнать от наставников наших, ибо то были не какие-либо ничтожества, но владели отцовским имуществом в подобающем количестве, подобно же [имели] и служителей, как таких, как мы, так и получше нас. Те, что нас воспитали и обучили, с ними мы и пришли. Посему имеем мы веление от наших богоданных законов любить их, как святых родителей, и услуживать им, как духовным владыкам».

Разгневался старший палач и говорит: «Говоришь, словно неразумный и дерзкий упрямец. Пока в мире вы пребывали в [своей] стране, это было хорошо; когда же они стали преступниками, [повредив] царским делам, и оказались повинными смерти за свои деяния, вам не подобало вовсе приближаться к ним. Разве вы не видели в большом этом войске: когда кто-либо из начальствующих впадет в опалу царскую, он надевает одежды скорби и отдаленно, отлученно сидит одиноко в стороне, и никто не осмеливается подойти к ним близко. А ты говоришь с гордостью, словно ученик невинного!»

На это дал ответ Хорен и говорит: «И ваш порядок праведен, и наш не лжив. Виноват *нахарар*, поскольку он получал почести, там надлежало ему быть покорным, ибо кроме почета он еще и великие дары получал от него. Итак, за то, что он этого не делал, он натолкнулся на неблагоприятные последствия. И если бы наши наставники провинились перед Богом или перед царем согрешили в чем, мы поступили бы по отношению к ним подобным же

образом: не пошли бы к ним в [нашей] стране и не последовали бы за ними сюда в [чужую] страну. Но поскольку по отношению к обеим сторонам они в праведности жили, и вы зря и безвинно убиваете их, — мы еще более станем служить святым костям их!»

Говорит ему глава палачей: «Я прежде уже сказал, что ты совершенно неисправим. Вот и стало явно, что во всех их вредных деяниях и вы замешаны».

Абрахам говорит: «В каких вредных деяниях?»

Глава палачей говорит: «Во-первых, в смерти *могов*, а затем во всех других».

Абрахам говорит: «Это [исходит] не только от нас, но соответствует [действию] и ваших законов. Цари дают вам повеление, и вы действуете через ваших служителей».

Глава палачей говорит: «Клянусь богом *Минром*, ты еще дерзостнее говоришь, чем твои наставники. Ясно, вы еще более зловредны, [чем они]. Итак, вам не спастись от смерти, кроме как если поклонитесь солнцу и исполните волю законов наших!»

Хорен говорит: «Доселе ты злословил, как человек, а теперь лаешь, как негодная собака. Если бы у солнца были уши, ты бы велел и его бранить. Но оно по природе лишено чувств, и ты в твоей злобе еще более бесчувствен, чем оно. В чем ты видел, что мы хуже наших отцов? Уж не желаешь ли словами испытать нас? Открыто сравни твою злобу и нашу доброту, и окажется посрамленным отец твой сатана — не только нами, более совершенными,

но и тот, кто кажется тебе весьма малым, — и тот нанесет ужасные раны твоей душе и телу».

Когда глава палачей услышал это, он страшно разгневался на них. Повелел влачить еще более, чем прежде, и так ужасно волочили, что многим казалось — те умерли.

А когда прошло три часа, снова начали говорить оба и сказали: «Незначительным нам кажется это поношение и за ничто считаем телесные боли по сравнению с великой любовью Божьей, в которой скончались отцы наши духовные. Так не медли и не останавливайся, но, то что ты им содеял, то же соверши и с нами. Если их дела кажутся тебе злейшими, то сосчитайте наши вдвойне. Ибо они словами приказывали, а мы делом исполним их повеление».

Тогда он еще более разъярился против них и приказал до смерти бить их палками. И на каждом из них сменилось по шесть мужей из палачей. И пока они, упав на землю, лежали полумертвые, приказал обоим коротко отрезать уши. И так срезали, как будто и не было их на месте. Очнувшись, как от сна, от ужасных побоев, начали просить с мольбою и говорить: «Молим тебя, доблестный воин царский, или прикончи нас, как отцов наших, смертию, или твори свою кару по образцу последних. Ибо уши наши выздоровели [и приобрели] небесную неуязвимость, а органы обоняния при этих мучениях пока все на месте. Не делай нас одаренными небесной благодатью лишь наполовину. Очистил ты тела наши волочением и уши наши отрезанием, очисти и носы наши усекновением, ибо насколько ты безобразишь нас в земном [облике], настолько украшаешь в небесном».

Дал ответ приниженно старший палач и говорит: «Если еще я помедлю, пребывая около вас, я думаю, что вы обратите меня в ученика вашего упорного заблуждения. Ибо вот теперь я выдам намерения царские в отношении вас. До этого мгновения было повелено о вашем наказании, и сверх этого наказания — идти вам в Сирию и быть вам царскими ишаками, чтобы кто на вас взглянет, уж не упирался в этом заблуждении против веления царя».

Говорят ему блаженные: «Ты нашу землю оставил полувозделанной, мы на царской земле не сможем трудиться нашими полутелами».

Когда глава палачей услышал это, он умолял воинов, которые их уводили, и говорил: «Только бы отсюда вы их забрали и ушли, а достигнув Сирии, пусть бродят там, где пожелают».

Это и есть армянские исповедники, которые с радостью приняли на себя искалечение и мучения. И так как они избежали святой смерти, то в скорби и печали направились по долгому пути. Не оковы на ногах и руках казались им тяжелыми, а [дума]: «Почему не оказались мы достойными сравняться с доблестными мучениками».

И когда доставили их в страну вавилонян, область, которая называется Шапул², хотя они и были под царским наказанием, но и открыто и тайно очень торжественно были приняты жителями страны. Но блаженные и этим были весьма опечалены, что, мол, мало мы потрудились и много отдыхаем, и всегда оставались в той же деревне.

И там они старались увидеть священные оковы нахараров, быть служителями их телесных нужд.

Сообщили об этом вельможам той страны, которые принадлежали тому же святому обету христианства. И с одобрения всех вельмож и малых оповестили всю страну, чтобы каждый взялся, [удовлетворяя] их телесные нужды, принять участие в судьбе святых узников на далекой чужбине.

Итак из года в год собирали, по возможностям каждого, кто — немного, а кто — много, у кого что было в запасе, драмы либо даhekаны³, собирали, укладывали и давали блаженным, чтобы доставить тем [нахарарам]. И так они пробыли служителями, пока не исполнилось десять лет этого услужения.

И так как они весьма строго содержались в жаркой стране и непрерывно странствовали через тот же Шапуд, Мешов и через Кашкар и всю Сирию и Хужастан, сраженные ужасным зноем, от солнечного удара умер святой Хорен и был погребен жителями той страны вместе со святыми мучениками.

А блаженный Абрахам пребывал непрерывно в той же добродетели и все подношения верующих, кружа [повсюду], собирал и отвозил в отдаленные места и сам доставлял по потребностям каждого. Итак продолжалось до двенадцатого года осужденных⁴, пока не умолили его все единодушно, чтобы он согласился отправиться в страну Армянскую. Ибо когда он придет к ним [армянам], в нем увидят и доблестных мучеников, которые скончались от меча, в нем увидят и святые оковы мученичества.

А когда мученики, исповедники и узники через него становятся видимы, через него получает благословение вся страна, через него получают благословение и сыны их для взрастания, через него

созревают юноши их для святого служения, через него становятся скромными старцы в их мудрости. Через него научаются князья их человеколюбию, через него западает жалость от Бога в сердце царя — устроить и устанавливать мирную жизнь для всей страны. Через него церкви прославляются, как доблестный и совершенный воин, через него мученики украшаются, через него и мученики, радуясь, ликуют. Через него и поле Аварайра⁵, заблестав, наполняется цветами — не от дожденосных туч, но от [останков] святых, проливших кровь мучеников, рассеявших и рассыпавших болезни [своих] святых костей. Когда исповедник своими многострадальными стопами пройдет по обширным бранным полям, которые по природе не что иное, как земля, когда живой мученик будет странствовать по ним, живой, пришедший к (вечно) живым — вся страна оживет вдвойне.

«Мы знаем, — говорят, — когда увидят его все монахи страны Армянской, через него вспомнят духовные полки воителей, которые за нас, — говорят, — отдали себя на смерть и пролили кровь свою, принеся ее в жертву Богу. Благодаря ей будут помянуты святые священники, которые замучены на чужбине и утишили распаленный гнев царя. Этим, быть может, вспомнят наши оковы и, твоя молитвы, испросят у Бога, чтобы нам, пленным, вновь вернуться в родную страну нашу.

Ибо очень истомились мы, не только телесно, но еще больше видя святые наши церкви и святолюбивых священнослужителей наших, которых мы в них утвердили. И если в другой раз поможет нам Бог пойти и утешить оставшихся, знаем, что

и для нас откроет Бог врата милосердия своего, чтоб пойти по той же дороге, по которой [следуют] стопы сего святого».

Когда у богоблагодатных *нахараров* родился этот замысел, они многими уговорами привели исповедника к согласию. И так как он привык никогда не противиться благовому, по прежней привычке и в этом случае он поспешил немедленно исполнить решение единодушно согласившихся во имя божественной добродетели. Пришел и вступил в страну Армению Великую.

Поспешили и немедленно вышли навстречу ему мужи и жены, великие и малые, и все множество *азатов* и *шинаканов*. Падали ниц перед святым и, простирая к нему руки, говорили: «Благословен Господь Бог в вышних, направивший к нам ангела с небес — доставить нам весть о воскресшем, чтобы унаследовали мы Царство [Небесное], ибо в тебе мы видим воплощенными всех отчаявшихся с надеждой о воскресении, а скованных — в уповании на свободу от пут. В тебе мы видим и устройство страны нашей в мире. Ибо церкви наши в ликовании радуются, и через тебя святые мученики наши непрерывно предстательствуют за нас перед Богом. Благослови нас, святой отец наш, ты — уста усопших, говори с нами с открытым благословением, дабы в душах наших мы тайно слышали благословение святых.

Ты открыл дорогу тем, что желали вернуться в свою страну. Молим Бога, чтобы неотступно шли вслед за тобой, святым проводником. И как открыл ты закрытую дорогу в [нашу] страну, отвори и на небесах двери для молитв наших, дабы моления и от

нас, грешных, достигли Бога для предстательства за этих узников. И пока пребываем мы в смертном теле, как видим мы твою божественную святость, пусть увидим и любимых наших страдальцев, [ведь] мы давно разбиты и раздавлены душой и телом. Итак, уверуем в истинную надежду — как исполнилось наше великое ожидание твоей святой любви, так и вблизи мы увидим истинных свидетелей Христовых, по поводу небесной красоты которых мы пребываем в горячем ожидании».

Но блаженный исповедник, хотя и был принят всей страной со столь великой любовью, никак не хотел приблизиться к кому-либо для удовлетворения телесных нужд, но избрал себе место вдали от всех многочисленных толп людей и вместе с тремя братьями кончил жизнь свою в великом подвижничестве.

Если кто пожелает изложить это, с трудом сумеет рассказать о благочестивых делах его. Заговоришь ли о бодрствовании — словно лампада неугасимая горел он все ночи напролет. А что до умеренности в еде, — считай, что он походил на обходящихся без пищи ангелов. Говоря о скромности, среди живых не найдешь ему равного. Пожелаешь ли заговорить о бескорыстии, то, как мертвый не соблазняется имуществом, таким же точно считай и блаженного.

Не умолкая, постоянно пребывал он в служении бесконечными молитвами, всегда беседовал с Богом вышних. Был он солью для утративших вкус и взбадривающей шпорой для всех ленивцев. Через него была посрамлена жадность и весьма пристыжено чревоугодие. Он принес выздоровле-

ние стране нашей Армянской и множество раненых с его помощью тайно обрели здоровье. Был он совершенным учителем для [бывших] учителей своих и святым отцом-наставником для [бывших] отцов своих. Прислушиваясь к его славе, умудрялись невежды, а, видя его вблизи, одумались дерзкие. Он проживал телесно в тесной келье, и слава о святости его достигла дальних и близких. Бесы, преисполнившись страха, убежали от него, спустились ангелы и поселились возле него.

Греки через него считали блаженной страну Армянскую, и многие варвары спешили видеть его во плоти. Он был любезен возлюбленным Бога, и многих из врагов истины обратил на сторону святой любви. Он стал благочестив с самых отроческих лет своих и в том же благочестии завершил жизнь свою. Как не вступил он в святой брак в мире сем, так же оказался не подвержен земным благам, исходящим от всяческих тленных предметов мира сего. И если следует высказаться открыто — как променял он телесные нужды на пользу духовных вещей, так и переместился с земли на небеса⁶.

Имена *нахараров*, которые по доброй воле ради любви Христовой отдали себя в оковы царские.

Из рода Сюни два брата, Бабген и Бакур;

Из рода Арцруни Мершапух, Шавасп и Шнгин и Мерружан и Паргев и Тачат;

Из рода Мамиконеан hАмазаспеан и hАмазасп и Артавазд и Мушел;

Из рода Камсаракан Аршавир и Тат, Вардз, Нерсеh и Ашот;

Из рода Аматуни Ваhан и Арандзар и Арнак;

Из рода Гнуни Атом;

Из рода Димаксеан Татул и Сатой, вместе с двумя другими товарищами;

Из рода Андзеваци Шмавон и Зуарен и Араван;

Из рода Аравелеан Папак и Варазден и Дат;

Из рода Арцруни Апрсам;

Из рода Мандакуни Саһак и Парсман;

Из рода Ташраци Врен;

Из дома Рапсонеан Бабик и hОһан.

Эти тридцать пять мужей, кто из старших *нахараров*, а кто из младших, но все телом [воистину] *нахарарские* отпрыски, а по духовной доблести все небесные граждане. И много еще других *азатов* — кто из царского удела, а кто из уделов тех же *нахараров*, споборники и соратники доблестных витязей. И все они по своей воле предались в священные оковы мучения.

Но мы сейчас удивлены не только тем, что они по своей воле отправились и вступили в испытание, но еще больше мы изумлены, что люди изнеженные, как они, воспитанные в просторах жители снежных гор стали жителями знойных равнин. Те, кто наподобие свободной дичи бродил среди изобилующих цветами гор, были брошены в сожженную страну Востока со связанными ногами и руками. Мучимые голодом и терзаемые жаждой, во мраке днем и без света ночью, без покрывала и без ложа, подобно зверям, спали на земле девять лет и шесть месяцев. И с такой великой радостью переносили лишения, что вовсе никто не услышал из уст ропота и брани, но обильные выражения удовольствия подобно благоденствующим, пребывающим в богопичотании людям.

И пока они были в таких лишениях, возникла мысль у царя, что от сильных страданий тяготятся они горькой жизнью своею. Послал к ним великого *хазаранета* и говорит: «Хоть впредь подумайте о себе и не пребывайте в том же упорстве, поклонитесь солнцу и будете освобождены от злейших оков ваших, и каждый вновь обретет свою [свободную] жизнь на родине».

Дали ответ блаженные и говорят: «Для какого испытания, ты, придя, спрашиваешь нас, и действительно ли сам царь послал тебя?» Поклялся *хазаранет* и говорит: «В этом нет ни слова больше или меньше, что не вышло бы из уст его!» Тогда они говорят ему: «Те, что однажды научились истине, никогда не отступят от нее, но остаются тем же, что они есть. Неужели тогда мы уперлись по какому-то неведению, а ныне лишения вразумили нас чему-то? Это не так. Но в мыслях живет лишь то сожаление, что как это мы не закончили нашу жизнь с прежними [мучениками]! Но теперь мы умоляем тебя и через тебя великого царя — больше уж по этому делу не спрашивайте нас, но что вы замыслили о нас — совершите».

Когда великий *хазаранет* услышал это, весьма похвалил в мыслях своих их твердую стойкость и после этого стал проявлять к ним расположение как к возлюбленным Божиим. И многими словами увещания склонял царя к согласию, чтобы освободил их от оков. Ибо хотя он и был отстранен от царского *хазаранетства* и во многих делах был признан вредным, сам в душе своей лелеял [мечту] о разрушении страны Армянской, почему и с великим поношением его вернули домой, но до конца

своей жизни он никогда не желал злословить об этих узниках.

А многие из блаженных, что были моложе, научились грамоте своей родной страны, и было им это пищей духовной, которою они себя ободряли и товарищей утешали. Настолько восхитились в мыслях и думах своих, что и те [из блаженных], что были постарше, смягчились, освежили, помолодели. Ибо хотя для них времена учения прошли, но они, распевая совместно множество псалмов, духовно сливались с новооперившейся стаей отроков.

И так возвышали святое служение, что некоторые из суровых палачей, очарованные их сладкопением, делали им послабления, насколько это было в их руках вне царского веления, проявляли ко всем любовь и часто исполняли их телесные нужды. Особенно же потому, что через них удавались исходящие от Бога чудеса врачевания, так что многие из одержимых очистились в том городе, где были узники. Поскольку не было у них вовсе священников, обращались к ним больные и хворые того города, и каждый получал от них выздоровление от своих болей.

Даже и тот, кто был великим *ишханом* той страны, которого и именовали *hАревшлом Шапуh* и ему были поручены все подлежащие наказанию, проявил ко всем великую заботу и любовь. Старцев из их числа воспринимал как отцов и самых молодых из них — ласкал как любимых сыновей. Много раз писал и докладывал ко двору о страданиях и лишениях узников и указывал им на привычки, исходящие от знатности каждого мужа. Пред вельможами старался, тщился различными

способами, пока долгими уговорами привели царя к согласию. Повелел разбить их оковы и снять с них траурные [одежды] карательные, и облачить их в одеяния по обычаю *нахарарства*.

Установил им содержание и распорядился [выдать] от дворца полное снаряжение. Написал и поручил великому *спарапету*, чтобы они с царскими войсками отправились на войну.

И когда это так было установлено, и было составлено новое повеление царя, во многих местах, куда только достигли, они преуспели в делах мужества, так что относительно их послали ко двору даже грамоту с похвалой. Поэтому царь смягчился в мыслях, повелел всех привести пред лице свое.

Пришли и представились Иазкерт, царю царей. Он с удовольствием посмотрел на них, поговорил с ними словами мирными и обещал вернуть каждому его княжение соответственно отцовскому титулу и отпустить их всех в страну в христианской вере, за которую они и были весьма мучимы.

И пока они там, в армии, в великой радости выступали перед царем, в то именно время царя постиг конец жизни, в девятнадцатый год царствования его. И два его сына, противостоя друг другу, воевали за [царскую] власть. Жестокая война свирепствовала два года.

И пока они пребывали в этой вражде, восстал и царь Албании, ибо он был их племянником по сестре и согласно отечественной вере прежде был христианином, но Иазкерт, царь царей, насильственно сделал его *могом*. И он, уловив удобное время, решил отдать себя смерти: почел за лучшее умереть на войне, чем ценою отступничества править цар-

ством. Вследствие всего этого возвращение их в свою страну задержалось. А воспитатель младшего сына Иазкерта по имени Рахам из рода Миhrана хотя и видел, что арийцы разделились надвое, но с половиной зверски напал на старшего сына царя. Поразил, истребил отряд и, взяв в плен сына царя, приказал там же на месте убить его. А остальные войска привел и уговорил, и установил единодушие во всей Арийской стране, и поставил царем своего воспитанника, имя которого было Пероз⁷.

Но хотя в Арийской стране и установился великий мир, царь Албании не желал вновь покоряться, окопал *пахак* Чора и провел по эту сторону войска Маскутов⁸, объединил одиннадцать царей горских и противостал войною полку Ариев и великий ущерб причинил войскам царским. Хотя они и дважды и трижды дали грамоту с мольбой, никак не могли привести этого мужа к согласию; но в письмах и через посланцев он порицал их за напрасное разорение страны Армянской. Напоминал им смерть *нахараров* и мучения узников. «В ответ на такую любовь и заслуги, вместо того, чтобы лелеять, вы лишаете их жизни, — говорил он. — Лучше пусть я, — говорит, — приму на себя их мучения, чем оставлю христианство!»

И когда увидели, что ни силой, ни любовью не смогли привести к согласию, — отправили огромные сокровища в страну Хайландуров, открыли Аланские ворота⁹ и выставили многочисленное войско из *hOнов* и сражались один год с царем Албании. Хотя и поколебались и рассеялись его войска от войска *hOнов*, но его не смогли покорить. К тому же и тяжелые поранения постигли *hOнов*, частью в боях, частью и от мучительных болезней.

И когда настолько затянулась осада, большая часть страны пришла в разорение, но никто из них, усомнившись, от него не откололся.

Вновь послал к нему царь Персов: «Мою сестру, что у тебя, — говорит, — и племянника отправь прочь, ибо они изначала были *могами*, а ты их обратил в христиан; и страна твоя тебе да будет!» Но этот замечательный муж сражался не за господство, но за богопочитание. Мать и жену отправил и отказался от всей страны; а сам взял Евангелие и желал уйти прочь из той страны.

Когда об этом услышал царь, сильное раскаяние и сожаление запало в его мысли, и весь вред от этого дела он взвалил на своего отца. Нерушимую клятву скрепил печатью и дал отнести к нему. «Только, мол, не уходи из твоей страны, и что ты скажешь — я сделаю». [Но тот] выпросил собственность, [причитающуюся ему] как отроку, которую отец его пожаловал ему в детстве его, — тысячу *ердов*¹⁰. Взял это у царя и поселился там вместе с монахами. И так [подчинил] себя каждодневно служению, что и не вспоминал вовсе, что прежде он был царем.

И вся эта долгая вражда, которая происходила до пятого года царя царей Пероза¹¹, явилась причиной задержания *нахараров* Армянских. Но в отношении содержания и права входить во дворец он [все это] весьма умножил по сравнению с многолетними обычаями.

И в том же пятом году многим из них вновь пожаловал имущество и других обнадежил — в шестом году одновременно отпустить всех, с [их] имуществом и почестями.

Но к этому месту мне вновь предстоит прийти.

А жены блаженных и добродетельных — узников и павших на войне! По всей стране Армянской всех [их] счесть я не могу; ибо больше тех, которых я не знаю, чем тех, кого знаю. Ибо около пятисот я знаю лично поименно, не только старших, но и многих из младших.

Все, поголовно проявляя ревность к небесному¹², нисколько не отставали от тех, которые не вкусили мирского. Были ли они из старших, или из младших, облачались в ту же добродетель веры. Нисколько не вспоминали даже об изнеженности, свойственной исконной их принадлежности к *азатам*, но они готовы были проявить терпение в бедах большее, чем мужчины, которые, влача жизнь на этом свете, страждут [уже] от самого положения *шинаканов*.

Не только в душах своих утешенными пребывали относительно невидимой силы надежды на вечность, но и телесными лишениями еще больше взваливали на себя тяжкую ношу. Ибо хотя и имела каждая ею самую воспитанных служительниц — никто из них не обнаруживал, которая — госпожа, а которая — служанка, одинаковая одежда была у всех, и одинаково обе спали на земле. Никто никому не стелил постель, ибо они даже не выбирали травы: тот же темный цвет у циновок, тот же черный цвет у подушек изголовья.

Не было у них поваров для изысканных яств и отдельных пекарей для услужения, как это принято у *азатов*, но были только общие. Начало недели [отмечали] как монахи, проживающие в пустынях. Никто никому не лил воду на руки, и младшие стар-

шим не подавали полотенце. Не попадало мыло в руки вскормленным в неге женам и не подавались умащения для веселия. Не ставились перед ними чистые блюда и не попадали кубкодержатели на пир. Ни у одной не стоял у дверей слуга, и почтенные мужи не приглашались в их покои. Не вспоминался им вовсе кто-либо из детских воспитателей или любимых родных.

Покрылись пылью и закоптились пологи и завесы молодых новобрачных, и паутиной затянулись их брачные покои, разбиты высокие [кресла] их зал и полопались сосуды их пиршеств. Рухнули и разрушились дворцы их и, будучи разорены, пришли в разрушение их замки-пристанища. Высохли и увяли сады-цветники их, и вырваны виноносные лозы их виноградников.

Своими очами они увидели разграбление их имущества и своими ушами услышали [стоны] мучений и страданий своих любимых. Их сокровища взяты в царскую казну, и вовсе не осталось украшений на лицах.

Жены нежные страны Армянской, возвращенные в ласках и неге, на своих подушках и ложах, [ныне] всегда босые и пешком шли в дома молитвы, неустанно вымаливая, как бы им вытерпеть великие лишения. Те, что с детства своего были вскормлены мозгом телят и яствами из дичи, [ныне], существуя травоядением, как дикие животные, принимали [подобную] пищу с великой радостью и вовсе не вспоминали привычную изнеженность. В черное окрасилась кожа их тел, так как днем они были палимы солнцем, а все ночи напролет лежали на земле.

Непрестанное бормотание на устах — то были псалмы, а высшее утешение — чтения из пророков. Объединялись по двое, составляя дружные и равные упряжки, прямо вели борозду Царствия [Небесного], чтобы, не сбиваясь, довести ее к пристани [вечного] покоя.

Забыли они женскую немощность, обрели в духовной войне мужество и добродетель; дали бой и сразились с превеликими грехами, отсекали, отрезали и бросили смертоносные корни его (греха). Искренностью победили коварство и святою любовью смыли синюю окраску зависти, отсекали корни жадности и усохли смертоносные плоды их ветвей. Смиренностью одолели [чужую] гордыню и тем же смирением достигли небесной высоты. Молитвами отворили запертые двери небес и чистыми прошениями склонили ангелов ко спасению. Услыхали благовестие издалека и восславили Бога в вышних.

Вдовы, которые были среди них, стали вновь невестами добродетели и сняли с себя проклятие вдовства. А жены узников по воле своей связали телесные желания и приобщились к мучениям святых кандалников. Жизнью своей уподобились доблестным мученикам умерщвленным и издалека стали наставниками и утешителями узников. Своими перстами зарабатывали и питались, и установленное им от дворца содержание из года в год обращали в кормовые и отправляли тем в утешение. Бескровным травяным кобылкам уподобились, которые без пищи живут сладостью песни, они живы только вдыханием воздуха и являют подобие бестелесных.

Глава VII

Многих зим растаяли льдины. Настала весна и прилетели новые ласточки, увидели [их] и возрадовались жизнелюбивые люди, но [эти] никогда не увидели своих любимых. Весенние цветы напомнили благоверных их супругов, и их очи затосковали по желанной красоте их лица. Утомились охотничьи псы, сорвались набеги охотников. Память о них лишь в письменных сказаниях, и никакие годовые праздники не могут вернуть их из чужбины. Взглянули на место их за столом, посмотрели и прослезились и во всех собраниях помянули их имена. Многие памятники были водружены в их честь, и имена каждого были обозначены на них.

И хотя так со всех сторон о мысли их разбивались волны, они нисколько не ослабели в небесной добродетели. Сторонним [людям] они представлялись вдовами в печали и страданиях, а в душе своей были украшены и утешены небесной любовью.

Они оставили привычку спрашивать прибывшего издалека: «Когда же доведется нам повидать любимых наших?» — и о том были их молитвы к Богу, чтобы как начали — с той же доблестью закончили, исполненные небесной любви.

И мы, и они все в равной мере да унаследуем [небесную] столицу добра и да достигнем того, что обещано возлюбленным Божьим — во Христе Иисусе Господе нашем!

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. *Мут, сак, баж, нас* — виды налогов. См. исследование Т. Авдалбегяна «*нас, сак и баж* (к вопросу об истории экономического развития Армении)» в кн.: Т. Авдалбегян. *Арменоведческие исследования*. Ереван, 1969, стр. 362—413 (на арм. яз.).

2. *Эфталиты* (белые гунны) — кочевой древний народ раннего Средневековья (IV—VI вв.), создавший обширное государство в Средней Азии и Афганистане. Предприняли несколько походов в Индию против империи Гупта. (Примеч. ред.)

3. *Кавказская Албания* (арм. *Աղվախք*, рутул. Албан, чеч. Албун, др.-арм. Алуанк, новоарм. Агванк, ср.-перс. Арран, лезг. Алпан, азерб. Qafqaz Albaniyası) — древнее государство в Восточном Закавказье, занимавшее часть территории современных Азербайджана, Грузии и Дагестана. (Примеч. ред.)

4. Четкое изложение хода восстания см. в статье Еремяна С. Т. «*Народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг.*». «Вестник древней истории», 1951, № 4.

5. См.: В. С. Налбандян. *Египше*. Ереван. 1962, стр. 87—95.

6. См. библиографию, составленную А. С. Анасяном и включенную в последнее издание текста Египше. (Египше. *О Вардане и армянской войне*. Подготовка к печати и предисловие Е. Тер-Минасяна. Ереван, 1957, стр. 207—219. В настоящей работе армянские наименования книг и статей приводятся лишь в тех случаях, когда книги не имеют русского титула, а статьи помещены в периодических изданиях без русского оглавления).

7. Манук Абемян. *История древнеармянской литературы*. т. I, Ереван, 1948, стр. 241—262.

8. См. примеч. 5.

9. См.: «*Երկշեղի Վարդանանց պատմությունը, թարգմանությունը և ներածական ուսումնասիրությունը և ծանոթագրություններով պրոֆ. դ-ր Ե. Տեր-Մինասյանի*», Երևան, 1946.

10. «История Егише Вардапета. Борьба христианства с учением зороастровым в пятом столетии в Армении». Перевод с армянского П. Шаншиева. Тифлис, 1853.

11. Эмилий Диллен. *Армянские этюды. II. Егише: Война армян против персов*. Перевод и примечания. Харьков, 1884.

12. К. Н. Юзбашян. *Академик Иосиф Абгарович Орбели*. М., 1964, стр. 108.

13. Перевод И.А. Орбели хранится в архиве Академии наук РФ, ф. 909.

14. «Եղիշէի Պատմութիւնն Վարդանանց ըստ Անձնացեաց օրինակի», Տիգրիս, 1904.

ПРОЛОГ

1. Этот заголовок принят в критическом издании — Վան Վարդանայ եւ Հայոց պատերազմին Ղալբի երիցու Մամիկոնի հայցեալ. Иерей Давид Мамиконян упомянут только в данном месте. См.: М.Х.Абегян. *История древнеармянской литературы*. Книга первая. Ереван, 1944, стр. 297, на арм. яз.; Եղիշէի Վարդանանց պատմութիւնը, թարգմանութեամբ, ներածական ուսումնասիրութեամբ և ծանոթագրութիւններով պրոֆ. դ-ր Ե. Տեր-Մինասյանի, Երևան, 1946, стр. 261, примеч. 1 (ниже в ссылках — Егише, 1946); В. Аракелян. «История варданитов» Егише (по поводу перевода Е. Тер-Минасяна). «Вестник Матенадарана», т. 3, 1956, стр. 210 (на арм. яз.).

2. Структура дошедшего до нас текста не вполне соответствует этому делению.

ГЛАВА 1

1. Род Аршакуни (армянские Аршакиды) — парфянская (52—180 н. э.) и армянская (180—428 н. э.) династия в Великой Армении.

2. Род перса Сасана — династия Сасанидов в Иране (224—651).

3. Царь Аршак II Аршакуни (350—367).

4. Царь Тиран Аршакуни (342—350).

5. Арташес, или Арташир (422—428) — последний представитель династии Аршакуни в Армении.

6. Царь Врамшапух Аршакуни (391—414).

7. Шапух II Сасанид (385—388).

8. Йездигерд II (с персидского «созданный Богом») — пятнадцатый царь из династии Сасанидов (438—457), сын Варархана V.

9. Бахрам V Гур Сасанид (420—438).

10. *Мицбин* — центр области Арустан в Верхней Месопотамии. После заключения мира между Шапухом II и императором Иовианом в 363 г. Нисибин был включен в состав Сасанидского государства.

11. *Ромеи* — римляне — население Восточной Римской, или Византийской, империи. Ее основным этническим компонентом были греки, почему Византия и упоминается обычно как страна греков.

12. Император Феодосий II (408—450).

13. Анатолий — с 438 г. *magister utriusque militiae per Orientum*, с 446 г. — *magister militum praesentalis*. Арм. «*спарпет Востока*» соответствует переводу из этих титулов.

14. *Тизбон* — Ктесифон, столица Сасанидского Ирана. Располагался на берегу Тигра, ниже современного Багдада.

15. Служители шуйцы, *գլխաւորներս ծախալորդանն* — *моги*.

16. Исая, 9, 20.

17. Матф., 12, 25; Марк, 3, 24—25; Лук., 11, 17.

18. Кушанское царство сложилось в I в. до н. э., включив в свой состав большую часть территорий Средней Азии, Северный Афганистан и Северную Индию. Политическим центром объединения явилась Бактрия. В III—IV вв. н. э., пережив период блестящего расцвета, Кушанское царство пришло в упадок. В IV в. Кушанское царство было захвачено хионитами — этническим образованием гунно-тюркского происхождения. Тогда же здесь появляются и кидариты, а в V в. на части кушанской территории складывается государство эфталитов (их этническое происхождение и взаимосвязь с хионитами и кидаритами не ясна). В IV—V вв. между Сасанидами и хионитско-эфталитским государствами происходит постоянная борьба. Егише описывает три кампании — 442—449, 450—451 и 453—454 гг. Среднеазиатских противников сасанидских царей он зовет либо кушанами (что для V в. было уже архаизмом), либо *нонами*. В одном месте он говорит о «государстве страны *нонов*, которых называют Кушанами». Термин «*ноны*» в армянской исторической литературе прила-

гают не только к хионитам и эфталитам, но и к тем племенам тюркского (гуннского?) происхождения, которые обитали в горах Кавказа. Эти племена зовутся также хайлидурами. О кушанах и их преемниках см. К. В. Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв.*, «Советская археология», XXI, 1954; «История таджикского народа», т. I, под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963 (с указаниями на обширную литературу).

19. *Ворота Пах* — проход где-то на северо-востоке Ирана. Полагают, что это *Pylae Caspiae*, для защиты которых был основан г. Рей. Егише. 1946, стр. 269—270, примеч. 20.

20. В подлиннике, стр. 9. 9—10: *և քրիշտ երևիս յեզ ի դեմիս յերևի*: Здесь «ден» означает не вероучение, а связанные с последним предсказания. Егише. 1946, стр. 270, примеч. 21.

21. *Анар* — область на северо-востоке Ирана (позднее Хорасан) с главным г. Нишапух.

22. Страна Албанов, Адуанк, или Аран — Кавказская Албания. Располагалась к северу от среднего и нижнего течения р. Куры. В IV в. албаны приняли христианство. Идя по тому же пути социально-экономического развития, что и Армения, Албания поддерживала с ней тесные культурные и церковные связи. Идея общности судеб и политических интересов Армении, Иверии и Албании в V в. нашла свое дальнейшее развитие в сочинении младшего современника Егише — Лазара Парпеци. К. В. Тревер, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э.* М.—Л., 1959.

23. *Лбины* — народность, расселявшаяся по левому берегу среднего течения Куры, вдоль Алазани. С. Т. Еремян, *Армения по «Ашхараууйцу» («Армянской географии VII века»)*, Ереван, 1963, стр. 54—55 (на арм. яз.) и карта.

24. Цавдек упомянут дважды. В первом случае страна Цавдек на севере, у подножья Кавказа, во втором (см. стр. 48) случае — к западу от Тигра. Егише, 1946, стр. 270—271, примеч. 26. Еремян, *Армения...* стр. 80 и карта.

25. Кордуи расселились между Тигром и его левым притоком Восточным Тигром. Еремян. *Армения...* стр. 60 и карта.

26. *Алдзник* — к северу от Западного Тигра. Одно из четырех *бдеишств* Аршакидской Армении.

27. *Тачкастан* — здесь: северная Сирия.

28. *Дасн* — вдоль среднего течения р. Большой Зав, входила в состав *бдеишства* Нор-Ширакан. После 363 г. включена

в состав сасанидского государства. Еремян. Армения, стр. 49 и карта.

29. *Арзнарзюн*, см. Егише, 1946, стр. 271, примеч. 30.

30. Колос, 3, 2.; с.р. Эфес, 6, 5.

31. То есть в 442—449 гг.

32. Крепость и проход Чора находились в дельте р. Самур, впадающей в Каспийское море.

ГЛАВА 2

1. В подлиннике, стр. 17. 3—4: *ազիրալօր և սծաւիծ գեղօր*. Здесь *агарак* — сельское имение, которое противопоставляется большой деревне.

2. В подлиннике, стр. 17. 4: *գրկանս ւիւտընը և իշխանութեալը սծաւիծօր*. *Патив* — почетная повязка вокруг головы, которую могли носить только *нахарары*. Наряду с *гаһом* (трон), или бардзом («подушка»), *патив* определял место *нахарара* в дворцовой иерархии, в соответствии с существовавшим в Армении институтом местничества. *Ишханутюн* — административные и владельческие права *ишхана* (*нахарара*). Стремясь привлечь на свою сторону *нахарарские* фамилии, Ездегерд расширял их владения, внося изменения и в иерархический порядок. О местничестве см.: Адонц. *Армения в эпоху Юстиниана*, стр. 236—297.

3. 442—449 гг., см. примеч. 18 к гл. I.

4. Страна Талакан — речь идет о городе и стране Талакан на территории Кушанского царства, позднем Хорасане. В основном тексте значится *յերկիրն Իւաղալան* (стр. 18. 7—8). Исходя из чтения *յերկիրն Ի Տաղալան*, Й. Маркварт полагал, что здесь дважды повторяется предлог «ի», но в другом месте он воспроизвел это чтение в форме *երկիրն-ի Տաղալան*, толкуя, очевидно, как конструкцию с изафетом. Последнее предположение кажется более вероятным, тем более что при повторении предлога «ի» второе имя, строго говоря, должно было выступать с определенной частицей — *ի Տաղալանն*. J. Markwart. *Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci*. Berlin, 1901, SS. 9, 56.

5. Зрадашт — армянская форма имени Заратуштры.

6. При этом виде наказания человек вынужден был осататься в загаженных очкурах.

7. В подлиннике, стр. 22. 19 — *qawqawnpjəhli tətəṭəgnjə wrcəwətr h dəwəwncəhli*. Азатутюн употреблено в обычном значении свободы от податей, смысл же царайутюн раскрывается в последующих словах: «хотя все эти дела были тягостны, никто открыто не посягал на [права] Церкви, вследствие этого никто и не воспротивился ему, хотя и произошло утяжеление податей». Таким образом, царайутюн означает не рабство, как обычно, а податную обязанность. См. также Егише, 1946, стр. 283, примеч. 44. По мнению А. Периханян, азатутюн значит наследственное владение, это место она переводит: *il (Denšapuh) avait imposé la servitude au patrimoine de l'Eglise*. А. Perikhanian, *Notes sur la lexique iranienne et arménienne. Revue des Etudes Arméniennes*, 5, 1968, p. 15.

8. В данном случае речь идет о Вахане Амагуни, смещенном Ездегердом. Адонц. *Армения в эпоху Юстиниана*, стр. 445—447; Егише, 1946, стр. 283—284, примеч. 45.

9. Еран и Ан-еран, арии и неарии, ср.-перс. Егап и Апетап (заимствование относится к сасанидскому времени). Это наименование армянские писатели употребляют в собственном смысле, как синоним «персы» и «неперсы». Выше это же выражение Егише употребляется в армянской форме, основанной на заимствовании из парфянского — Ареац ев Анарец (см. 9).

10. *Вера маздейская* — религия поклоняющихся Мазде, или Ормузду (Ахура Мазде). Таково официальное наименование зороастризма в сасанидское время, когда последний был возведен в ранг государственной религии, а жречество пользовалось огромным авторитетом не только в духовной жизни, но и в политике. Из обширной литературы о персидской религии см., напр., R. C. Zaehner, *Zurvan. A zoroastrian dilemma*. Oxford, 1955; J. Duchesne-Guillemin. *La religion de l'Iran ancien*. Paris, 1962; G. Widengren. *Die Religionen Irans*. Stuttgart, 1965.

11. Ср. Исход, 20, 5 и др.

12. Ср. Галат., 4, 4.

13. *Бантурак* — испорч. Панфер. Противники христианства утверждали, что отцом Иисуса был римский воин Панфер. Егише, 1946, стр. 285, примеч. 53.

14. Испорченное место, перевод согласно конъектуре Акиняна Н. *ṡtū hly ṡṡṡ* вместо *ṡṡ tū ṡṡṡ*.

15. В послании Миһр-Нерсеһа изложены основы зерванизма — течения в зороастризме, отношение которого к официальному маздеизму не совсем ясно. Зерванизм нашел

отражение в сочинениях ряда христианских писателей, среди них армянского автора V в. Езника Кохбаци. Изложения Егише и Езника близки друг к другу, полагают, что Егише следует Езнику, либо оба рассказа восходят к одному источнику. Несмотря на то что автентичность приводимого Егише послания Миһр-Нерсеһу учеными отрицается, считают, что описание Егише в целом достоверно передает основы зерванизма. См.: R. Zaehner, *Zurvan*, p. 39—43.

16. В аршакидское время Армения делилась на 15 *наһангов*, или *ашхарфов*, каждый из которых в свою очередь делился на *гавары*. Это слово употреблялось в более широком смысле. В данном случае речь идет об Айрарате — центральном *наһанге* Армении.

17. Поименованные в списке территориальные единицы локализуются в пределах той части Армении, которая по разделу 387 г. отошла к Ирану. В восстании участвовала только Восточная Армения. Географическую номенклатуру см.: Адонц. *Армения в эпоху Юстиниана*, Еремян, *Армения...*

18. *Арташат* — столица Аршакидской Армении, на берегу Аракса.

19. Ормизд I (273) или Ормизд II (303—310).

20. Лук., 12, 47 — 48.

21. *Шапуһ*, или Шапуһ III (385—388). Йазкерт, или Ездегерд I (399—420).

22. Ср. Лук., 6, 48.

23. *Сагастан* — область в Иране, название которой происходит от саков (скифов), совр. Сеистан.

24. *Хужастан* — Хузистан, древняя Сузиана.

ГЛАВА 3

1. Матф., 10, 33; Лук., 12, 9.

2. Исход, 20, 5; Второзак., 5, 9.

3. Гевлакалак (калька с греч. κωμόπολις) — деревня = город. О местоположении Ангда см.: Еремян. *Армения*, стр. 35.

4. Шапуһ II (310—379).

5. *Страна Сюникская*. Сюник — один из 15 *наһангов* Аршакидской Армении, к юго-востоку от оз. Севан.

6. *Спарпет Армении* — Вардан Мамиконян, который стал вождем восстания.

7. Локализацию этих мест см.: Егише, стр. 294, примеч. 98.

8. *Атрпатаканская страна*. Атрпатакан — страна к востоку от оз. Урмии, на территории Иранского Азербайджана.

9. *Врамов огонь*, огонь Варахрана, начал возжигаться при Арташире I и его преемнике Шапухе I. Почитался как «царь огней».

10. *Сеир* — горные районы Южной Палестины.

11. *Гадеровн* (арм.) — наименование бывшей финикийской колонии Гадес (Гадер), совр. Кадикс.

12. Царь Трдат III (287—330), при котором христианство стало в Армении государственной религией.

13. Император Маркиан (450—457).

14. Имеется в виду договор между Феодосием II и Ездегердом II, о котором речь шла в первой главе настоящего сочинения.

15. *Һер* и *Зареванд* — VIII и IX *гавары наһанга* Парскаһайк, севернее оз. Урмия. Еремян. Армения, стр. 51—52, 63 и карта.

16. *Себухт* — *марзпан* Албании.

17. *Куры* — армянское наименование р. Куры.

18. *Халхал* — в V в. зимняя резиденция албанских царей.

19. Псал., 34, 1—2.

20. Перевод согласно чтению рукописи Андзевацац, которое кажется предпочтительным: *և եթէ սլլւնւնել ևս հաւսնել զնոս, եղիցուք զրէժնւնիդք ճշմարտութանն*.

21. *Лопнас* — по определению С. Т. Еремяна, — нынешняя р. Акстафа. Еремян. Армения... стр. 55 и карта.

22. *Баласакан* — область в составе Албании, по левому берегу нижнего течения Куры. Ср. Еремян, стр. 42—43.

23. В данном случае имеется в виду Партав, столица Албании. Егише, 1946, стр. 296, примеч. 112.

24. *Капкоһ* — Кавказский хребет.

25. *Һонские ворота* — то же, что ворота Чора, см. примеч. 33 к гл. I.

26. Нападение совершилось на населенные пункты, расположенные у подножия горы Арагац и в Араратской долине. Большинство из них точно локализируются. Под Арташатским *наһангом* следует понимать, по-видимому, Айрарат. Арма-

вир — древняя столица Армении при династии Еруандидов (IV—III вв. до н. э.). Географическую номенклатуру см.: Еремян. *Армения...*

27. В подлиннике, стр. 79. 12 — *միջոց աշխարհին*, то же, что и *միջևաշխարհ*, т. е. «срединная страна». С. Т. Еремян считает, что Миджншхарх составляли Айратат, Тайк, Сюник, Васпуракан, Мокк, Тавруберак, Цопк и Бардзр hАйк. В данном случае речь идет о менее значительной территории, вероятно, имеется в виду Айратат. Егише, 046, стр. 297, примеч. 116. Еремян. *Армения...* стр. 71.

28. Псал., 117, 1, ср. Псал., 135, 1.

29. Удельное княжество Васака, Сюник.

30. В подлиннике употреблен термин рочик в смысле продовольственной выдачи, воинского пайка. Далее в тексте этим термином обозначены царские выдачи знати.

31. *Калоц* — пятый месяц армянского календаря.

32. Так понимает это место В. Аракелян, полагая, что это конструкция дательного *Հայոց* с инфинитивом *[լաւծել] առնուց*.

33. *Вера маздезнов*, см. примеч. 10 к гл. II.

34. Здесь перечислены основные типы владений: вотчинные — *հայրենիք*, жалованные — *սարգլաւալար* и купленные — *բաւալար*.

35. В издании 1957 г., стр. 80. 12—14 — *զի գայազորդութիւնն հրանց ի ձեռնն հիրոց սաշտովտիցն հրանայր, և այնպէս ւծերգնուաւ եթէ քսաւ առաջին կարծեացն կատարեացն զամենայն*. т. е. Ездегерд приказал своим чиновникам обеспечить успех дела и надеялся, что они сделают все согласно его прежним замыслам. Перевод согласно рукописи Андзевачеац — *զի գայլազորդութիւնն հրացն* и т. д. Ездегерд приписывал чиновникам свои неудачи (уступки христианам), но, убедившись в том, что Восточная римская империя не придет к ним на помощь, вернулся к прежней политике.

Конечно, происхождение рукописи Андзевачеац загадочно, преувеличивать ее автентичность не следует, но нельзя не признать, что эта версия содержит ряд предпочтительных чтений. Ими не следует пренебрегать даже допуская, что это поздние конъектуры неизвестного редактора.

36. *Пайтакаран* — центр одноименной области, близ нынешнего Оренкала (Азербайджан). Еремян, *Армения...* стр. 88 и карта.

ГЛАВА 4

1. *Нижняя Армения, Ստորին Հայք* — юго-западная часть Армении, которая была включена в состав Византийской империи. Егише, 1946, стр. 298, примеч. 128.

2. То есть Константинополь.

3. Тморик объединял три *гавара* Корчайка — Верхний, Средний и Нижний Кордрик, находился западнее Кордука (см. примеч. 25 к гл. 1). Кордик является просторечивой формой «Кордрик» (если только здесь нет смешения Кордик и Кордук).

4. *Арцах* — десятый *наханг* Великой Армении, занимавший территорию нынешнего Нагорного Карабаха. По разделу 387 г. отошел к Албании.

5. *Халтик* (Чанив) располагался на южном берегу Черного моря, ныне Лазистан.

6. Поименованные здесь народности жили на северных и южных склонах восточной части Кавказского хребта. Они участвовали в охране крепости Чора от нападения Ионов и маскутов. Егише, 1946, стр. 299, примеч. 132.

7. Так, в рукописи Андзевеацац — *երիցանցն* вм. *երկրոնցն* критического текста, стр. 95. 8.

8. *Аухарх* — здесь: удел.

9. В подлиннике, стр. 95. 16: *և էւոյ իշխանութիւն ի վերայ կենացնցս*. Здесь кеанк означает — имущество (так переведено и Е. Тер-Минасяном), а не жизнь, как полагает В. Аракелян. Ниже на стр. 131. 8—9 (русск. пер., стр. 119 *գինչ կեանս և թողեալ իցեն, եկեցեն և կայցեն գիրքբանչիր գարարս*, здесь кеанк и арарк синонимы. Так же на стр. 199. 15—17 (русск. пер., стр. 171). Пероз возвращает ссыльным *нахарарам* их имущество (*գրագնացնցս զկեանսն անդրէն շնորհեաց*), а других обещает освободить с их имуществом и почестями (*արձալել զանենետեան կենօք սլառողով*). *Սանանդյան, Ֆեդոսիզадը հին Հայաստանում*, стр. 198—200. В. Аракелян. «История Варданитов». Егише, стр. 216.

ГЛАВА 5

1. В основном тексте, стр. 99. 1—2 не лучшее чтение. Должно быть *և ընկենու զանծինս ի յօտարութիւն՝ ընտանութիւն ընդ Աստուծոյ գիտացին*, как и переведено.

2. В подлиннике, стр. 99. 16—17: *տրա և որ բունքն հաստատուն կացեալ էին ի տեղւոյն*. Смысл не совсем ясен, речь

Примечания

идет, по-видимому, о преемниках, ушедших с Васаком (*լըքս*) и твердых сторонниках Вардана (*ընկրթ*).

3. Артаз располагался юго-восточнее горы Арарат с центром в Маку. В пределах Артаза находилась и Аварайрская долина, где 26 мая 451 г. произошло генеральное сражение между армянами и персами.

4. Римл., 5, 20.

5. В подлиннике — рочик.

6. В подлиннике, стр. 110. 11—12 — *իմանալի արեգալան*, имеется в виду Христос. *Египше*, 1946, стр. 300, примеч. 143.

7. Исая, 42, 8 и 48, 11 — 12.

8. Филип., 2, 7—10.

9. В подлиннике, стр. 110. 11—12 — *իմանալի արեգալան*, имеется в виду Христос. *Египше*, 1946, стр. 300, примеч. 143.

10. В подлиннике, стр. 111. 5—6 — *զգրուակք և Կրիակք ի բնակողք ընկերակցաց*. Не идет ли речь об обедневших общинниках, на которых изливается гнев односельчан, связанных с ними круговой порукой при выплате налогов?

11. Имеется в виду Иерусалим. *Իմանալի* возможно перевести также «бестелесный».

12. *Полк Матеан* — отборное соединение персидского войска. *Египше*, 1946, стр. 301, примеч. 145.

13. О поименованных здесь народностях см. там же *Египше*, 1946, стр. 301, примеч. 146.

14. *Река Тдмут* — приток Аракса, протекает по историческому Артазу.

15. Так в рукописи Андзевацеац — *նըրացէլոցն ը հեթանոսաց*. Отступники — армяне, язычники — персы, составлявшие основную силу войска.

ГЛАВА 6

1. В подлиннике, стр. 124. 26 — *զնկարեալ անարեգան*.

2. Им, т. е. персидским войскам, находящимся в Армении.

3. *Тайк* — четырнадцатый *наханг* Великой Армении, на северо-западе. Наследственное владение Мамиконеанов до VIII в.

4. *Хибиован* — область расселения одного из кавказских племен. *Египше*, 1946, стр. 302, примеч. 151.

Расположенные на территории современного Белуджистана, они далеки были от центра страны, и это вполне соответствует изложению Егише — Ездегерд требует сослать *могнета* за пределы даже Турана и Макурана. *Markwart. Eranšahr, SS. 31 — 34; Егише, 1946. стр. 307, примеч. 180.*

13. *Хужжик* — житель Хужастана — Хузистана.

14. Римл., 13, 1—5.

15. Псал., 21, 17.

16. Ошибочная пунктуация в изданном тексте препятствует правильному пониманию этого отрывка. Должно быть: *այլ փոլթացեալ հիարին մատուցանել զառողջութիւն, մանաւանդ եթէ յարբուխս մի որ ի սիրելիաց թագաւորին արտանայցէ. եւ հասեալ ի մեծ հրաշարակն* и т. д. (стр. 172. 3—5).

17. Римл., 6, 5.

18. Псал., 33, 2—21.

19. Далее перевод И. А. Орбели.

20. *Вардес* — одна из провинций Бактрии, близ Бахла. Егише, 1946, стр. 309, примеч. 191.

21. В тексте, стр. 182. 9—11, по-видимому, неверная пунктуация. Вводное предложение: *որ ինչ ի մահուանէ և այլր անցի* — следует выделить, оно относится к деятельности Хужика. Далее — *դատակրնիք զծոխս այլորիկ սա երկրորդեաց մեզ զանենայն կարգիս*, с подробным раскрытием смысла в последующих словах.

ДАЛЕЕ ОБ ИСПОВЕДНИКАХ, УЧЕНИКАХ ИХ

1. *Царское мишакство* — ниже царские *мишаки*, вероятно, царские рабы.

2. *Шапуд*, ниже *Мешов* и *Кашкар* — отдельные области в государстве Сасанидов, подробности см.: Егише, 1946, стр. 311, примеч. 188—200.

3. *Драмы*, либо *даhekаны* — трудно сказать, какие именно монеты имеет в виду автор.

4. *Нахарары* вернулись из ссылки в 463—464 гг.

5. *Поле Аварайра* — см. примеч. 3, к гл. V.

6. Далее перевод И. А. Орбели.

7. *Царь Пероз* (458—484).

Егише. О Вардане и войне армянской

8. *Маскуты* — народность скифо-сарматско-иранского происхождения, расселились по Каспийскому побережью близ крепости Чола. *Еремян*. Армения, стр. 64 и карта.

9. *Аланские ворота* — Дарьяльское ущелье.

10. Обычное значение *ерда* — верхнее окошко в крыше дома, в этом смысле употреблено и у Егише: *իւր իր յետի լիւր զերդի և զրիւն ըսնիս* (стр. 144. 15, русск. пер. стр. 129). *Ердом* обозначается также семья, особенно как тягловая единица и, наконец, определенная хозяйственная единица, в основе которой лежит земельный надел, принадлежащий крестьянской семье — *ерду*.

11. То есть в 463 г.

12. В тексте, стр. 200. 3 — явная ошибка, должно быть *զերկիւնի*.

ГЛОССАРИЙ

Аван — (из среднеперс.) — в армянском переводе Библии и в древнеармянских исторических памятниках V в. этот термин обычно означал поселение на окружающих город землях в пригородной полосе. В дальнейшем *аван* стал означать вообще поселение, населенное место, большое село с тенденцией перерасти в город. (См.: Саркисян Г., *Дастакерты и агараки в армянских источниках V в.* Ереван, 1962, 3, с. 80—82, на арм. яз.)

АГАРАК (восходит к сумеро-аккадскому *agar-akar*) — в древней Армении означал частновладельческую землю, частное хозяйство, поместье, усадьбу с пахотными землями, которые обрабатывались зависимыми *земледельцами-миаками*. В дальнейшем, в частности к IX—X вв., *агарак* превращается в сельское поселение, название населенного пункта. (См.: Еремян С., *Основные черты общественного строя Армении в эллинистический период*. Ереван, 1948, II, с. 40, 55; Его же: *О рабстве и рабовладении в древней Армении*. М., 1950, I, с. 14; Саркисян Г., *Дастакерты и агараки...* с. 78, и след.)

Азаг (из среднеперс.) — 1) член рода (агнат); 2) член знатного рода, знатный и в этом качестве — представитель вообще господствующего класса феодалов в противоположность *шинаканам* и *рамикам*. В более узком значении под *азатами* разумели широкий слой мелкого дворянства. (См.: Периханян А., *Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений»*. Ер., 1973, с. 445; Манандян Я., *Феодализм в древней Армении*. Труды, т. IV, с. 257—261.)

Анашхарник — букв.: «чужестранец» — технический термин для обозначения рабов. В данном случае имеются в виду не частновладельческие, а царские хозяйства. См.: Периханян А. Г., *К вопросу о рабовладении*

и землевладении в Иране парфянского времени. «Вестник древней истории», 1952, № 4.

АТРУШАН — капище, где в соответствии с правилами зороастрийской веры, вечно горел священный огонь.

АШХАРН — в широком смысле слова «страна, край», но этим же словом определялась одна из 15 административно-территориальных единиц, на которые делилась Армения. В этом случае его синонимом является *наханг*.

БАЖ — один из видов государственных сборов.

БДЕШХ (из иран.) — наместник царя в важных приграничных областях, обладавший как гражданской, так и военной властью. *Бдешхами* назначались либо члены царского дома, либо представители высшей знати, причем, по своему положению они считались почти равными царю. После арабского завоевания термин *бдешх* потерял реальное значение. (См.: *История армянского народа*, т. II, с. 841—842; Адонц Н., *Армения Юстиниана*, с. 283—284; Манандян Я., *Труды*, т. IV, с. 213—214; Еремян С., *Основные черты...* с. 72—73).

ВАРДАПЕТ — титул, который прилагался к ученому монаху, но то же слово могло означать «учитель», «наставник».

ВЗУРК, ГРАМАТАР — *Взурк храматар* (см. *храманатар*), ср.-перс. *vazurg framatar* — великий визирь в Сасанидском государстве. Назван также великим *хазарпетом*, но в Иране эта должность носила иной характер, чем в Армении (и, по-видимому, Албании). Н. Hubschmann, *Armenische Grammatik*. Leipzig, 1895, ss. 182—183.

ВИШАП — дракон.

ГАВАР — *ашхарни* и *наханги* делились на *гавары* как менее значительные административно-территориальные единицы.

ГАН — «трон», «седалище». *Ган* фигурировал в разрядной грамоте *ганнамак*, обозначая место *нахарара* на общественной лестнице.

Гаһнамак — разрядная грамота, отражавшая словное деление Армении при Аршакидах и продолжавшая играть эту роль и под владычеством Сасанидов.

Гомез — коровья моча, которой приверженцам зороастризма следовало умывать руки.

Горцакал — общий термин для обозначения административной должности. *Горцакал* — выполняющий (царскую) службу, *горцакалутюн*. *Горцакалство* в *нахарарских* фамилиях носило наследственный характер.

Гюлакалак — букв. «деревня-город», термин прилагался к определенной категории сельских поселений.

Даһекан — золотая монета, византийская номисма, или динарий.

Дарандарзапет — один из высоких чинов в системе сасанидской администрации. Управляющий дворцовым имуществом.

Дастакерт — поселение, имение. О различных значениях термина см.: Саркисян Г. Х., *О двух значениях термина «дастакерт» в ранних армянских источниках*. В сб.: «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967.

Даримир — Дар-и Миһр, Дверь Миһра, место, где совершались жертвоприношения. *Египше*, 1946, стр. 310, примеч. 194.

Дэв — (авест. *daēuua*, *daāua*, *daēva*) — в персидской мифологии злые духи. Мифологический образ *дэвов* распространен в фольклоре народов Кавказа, Малой и Средней Азии, Западной Сибири и др. — злые духи, главным образом великан антропоморфного или зооморфного вида (например, в армянской мифологии). Большого роста, сильны, глупы, изображаются с небольшими рожками. В сказках описываются случаи похищения ими женщин с целью сожительства. В индийской мифологии *дэвы*, напротив — боги или полубоги (арм. *Պի*), что во многом объясняется распадом индо-иранской общности.

Дпрапет — старший писец.

Драм — трудно сказать, какую именно монету имеет в виду автор.

Ерд — крестьянская семья, одновременно и с принадлежащим ей земельным наделом.

Зандик — последователь манихейской религии, которую решительно отвергал зороастризм.

Зоравар — синоним термина «*спаранет*», букв.: «полководец».

Ишхан — правитель, князь.

Ишхан-денпет — верховный жрец стране Апар.

Капич — мера объема.

Лакиш — военный стан, лагерь.

Майпет — высокая придворная должность, содержание которой не совсем ясно. Егише, 1946, стр. 309, примеч. 193. См.: *Мог*.

Марз — пограничная область, таковой оказалась Армения под властью Сасанидов.

Марзпан — назначенный персидским двором правитель области, *марза*. *Марзпаном* Армении в это время был Васак Сюни.

Мог — служители зороастрийской религии, но оно могло относиться и к рядовым приверженцам этого учения. К религиозному главе прилагался титул *могнет* (*майпет*), *мобедан мобед* (*мовпетан мовпет*).

Мовпетан мовпет — верховный жрец в Сасанидском Иране, «*могнет могнетов*». См.: *Мог*.

Могпет — см.: *Мог*.

Мут — один из видов государственных сборов.

Мшаки — одна из низших категорий подневольных людей, рабов.

Навасард — первый месяц армянского подвижного календаря.

Наханг — см.: *Аухарһ*.

Нахарары — наиболее общий термин для обозначения армянской знати. См.: Н. Адонц. Армения в эпоху

Юстиниана. Политическое состояние на основе *нахарского* строя. СПб., 1908; Հակոբ Սանատրոյան. Ֆեոդալիզմը Հին Հայաստանում (Արշակունիների և Մարզպանության շրջան), Երևան, 1934.

Останики — по определению Я. А. Манандяна, — ленные землевладельцы на царской земле, категория, близкая к *азатам*, хотя, быть может, и с большими привилегиями. Периханян А.Г., *Древнеармянские восстаники*. «Вестник древней истории», 1956, № 2 (здесь же и литература).

Остикан — правитель, наместник.

Пандам — повязка, которой жрецы повязывали рот, чтобы не осквернять огонь дыханием.

ПАРСАНГ, ХРАСАХ — персидская мера длины, равная 5250 м.

ПАТИВ — почетная повязка, которую носили *нахарары*, одновременно символ места, которое они занимали в сословной иерархии.

ПАНАК — пограничная крепость.

Пуштипаны — стражники.

РАМИКИ — все податные, неимущие слои армянского общества. Полагают, что *рамики* (в отличие от *шинаканов*) — технический термин для обозначения частновладельческих крестьян.

РАТ — одна из категорий зороастрийского духовенства.

САК — один из видов государственных сборов.

САЛАР — военачальник, см.: Hübschmann, *Armenische Grammatik*, s. 235.

СЕНЕКАПЕТ — постельничий.

СЕПУХ — младший член знатной (в том числе и царской) фамилии.

СПАРАПЕТ — официальный титул верховного военачальника в Армении. Это слово употреблялось и в более широком смысле.

Тер — владетель, собственник, один из общих терминов, который обозначал принадлежность к знати.

ҺАЗАРАПЕТ — «тысячник», одна из высоких должностей в аршакидской Армении. *Һазарапет* ведал финансами, в первую очередь налоговой системой. В Иране этот термин относился, по-видимому, к еще более высокой должности.

ҺАМБАРАКАПЕТ — «начальствующий над царскими складами», высокая административная должность.

ҺАМҺАРЗ — ближайший помощник военачальника.

ҺАНДЕРДЗАПЕТ (арм. *հանդերձապետ*) — один из высоких чинов в системе сасанидской администрации.

ҺАС — один из видов государственных сборов.

ҺРАМАНАТАР, также *Һраматар* — см. *Взурк Һраматар*.

ҺРОТИЦ — двенадцатый месяц армянского календаря.

ХОРЕПИСКОП — сельский епископ.

ХОНАСТАН — царский дворец, царская ставка. Парадный зал, или зал для совещаний при сасанидском дворе. Hübschmann, *Armenische Grammatik*, S. 160.

ХРАСАХ — см.: *Парсанг*.

ХУЖИК — житель иранской области Хужастан (Хузистан).

ШАХХОРАПЕТ — означает лицо, которому подчинялись царские конюшни.

ШАНАСТАН — главный город. Этот термин прилагался обычно к крупным административным центрам.

ШИНАКАНЫ — крестьяне, входившие в деревенскую общину и обязанные повинностями государству в целом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	I—XXII
О Вардане и войне армянской	
Введение.....	1
Глава I.....	7
Глава II.....	15
Глава III.....	51
Глава IV.....	85
Глава V.....	93
Глава VI.....	115
Глава VII.....	133
Примечания.....	193
Глоссарий.....	207

Е Г И Ш Е

О ВАРДАНЕ И ВОЙНЕ АРМЯНСКОЙ

Издательство
Общероссийской общественной организации
«Союз армян России»
129272, Москва, ул. Советской Армии, д. 8, стр. 1
info@souzarmyan.ru; sarpress@inbox.ru

Подписано в печать 11.11.2011. Формат 84 x 108 ^{1/32}
Гарнитура «Академия». Печать офсетная.
Тираж 800. Заказ № 7322

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати - ВЯТКА»
в полном соответствии с качеством предоставленных
материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 978-5-905593-05-5

